E41 42

Е41 Т2

И. МАЙСКИЙ.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА Р. С. Ф. С. Р.

1917—1922.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“.
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ.

Москва.—1923.

E41/42

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И. Майский.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА Р.С.Ф.С.Р.

1917—1922.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ.—МОСКВА, 1923 г.

24486

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
1232591

ТИПОГРАФИЯ
Моск. Губ. Союза Раб.-Кр.
Потреб. Обществ.

МОСКВА, КРАСНЫЕ ВОРОТА,
МЯСНИЦКИЙ ПР., 2.
ТЕЛЕФОН 1-54-45.

Главлит. Москва вх. № 2387 Печ. 20000 экз.

Предисловие.

Эта книжка — не политический памфлет и не научное исследование. Это, насколько я знаю, первая попытка суммировать большой и чрезвычайно интересный фактический материал, который за минувшие пять лет накопился в области внешней политики Р. С. Ф. С. Р. Этот материал в большинстве известен, так как все описываемое происходило совсем недавно, на памяти живущих сейчас людей, и вместе с тем неизвестен, так как человеческая память коротка и из нее слишком легко улетучиваются даже крупнейшие факты и события. Полезно, поэтому, представить в виде цельной и связанной картины развитие международных отношений Советской России, особенно теперь, на рубеже пятой годовщины ее существования. Внимание к внешней политике республики тем более естественно и законно, что она является несомненно одним из наиболее блестящих достижений Октябрьской революции: она началась Брест-Литовском, а кончается Владивостоком.

Во избежание излишнего усложнения изложения я везде стремился по-возможности ограничиться рамками внешней политики в тесном смысле слова, делая лишь в крайних случаях пояснительные отступления в другие области. Считаю необходимым принести благодарность т. И. Залкинду, поделившемуся со мной своими воспоминаниями о первых месяцах существования Народного Комиссариата по Иностранным Делам.

Автор.

Москва, 4 ноября 1922 г.

I. Политическое наступление российской революции.

Декларация принципов.

Октябрьская революция привела к власти рабоче-крестьянские массы России. Переворот совершился под знаком прекращения войны. Он представлял собой стихийный протест пролетариата и крестьянства против безумия трехлетней империалистической бойни. И, потому, естественно, что первым шагом вновь образовавшейся власти была попытка разрубить одним решительным ударом запутанный узел международных противоречий.

Эта попытка началась с самого момента рождения Советской Республики. Уже 25-го октября 1917 года 2-й Всероссийский С'езд Советов, стоявший во главе Октябрьской Революции, опубликовал декрет, в котором он предлагал «всем воюющим народам и их правительствам начать переговоры о справедливом демократическом мире». Далее в декрете говорилось:

«Справедливым или демократическим миром, которого жаждет большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,—таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций».

Указав далее, как Советское правительство понимает термин «аннексии», декрет заявлял:

«Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну, на указанных, равно справедливых для всех, без из'ятия, народностей, условиях.

Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой-бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, с своей стороны, выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25-е октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским капиталистам и помещикам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство об'являет немедленно и безусловно отмененным».

Адресуя свой декрет «народам и правительствам», Совет Народных Комиссаров с особенной энергией апеллировал, однако, к пролетариату «трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств—Англии, Франции и Германии».

«Рабочие этих стран,—гласил декрет,—оказали наибольшую услугу делу прогресса и социализма. Великие образцы чартистского движения в Англии; ряд революций, имевших всемирное историческое значение, совершенных французским пролетариатом; наконец, геройская борьба против исключительного закона в Германии, и образцовая для рабочих всего мира длительная, упорная, дисципли-

нированная работа по созданию массовых пролетарских организаций в Германии,—все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой в том, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветной энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации».

Ясно, таким образом, что первое обращение новой власти к народам и правительствам ставило перед всеми воюющими нациями вопрос о заключении всеобщего «демократического» мира, мира «без аннексий и контрибуций». Неоднократно делавшиеся впоследствии попытки доказать, что Советское правительство с самого начала думало о сепаратном мире с Германией, совершенно не соответствуют действительности. Если кампания за мир, начатая рабоче-крестьянской властью в октябре 1917 года, в конце концов, привела к сепаратному миру между Россией с одной стороны и центрально-европейскими державами с другой, то это, как увидим ниже, была вина не Советской республики, а держав Антанты.

Однако, Советское правительство не ограничилось только декларированием своей воли к миру и отказом от тайной дипломатии. Выступая открытым и решительным противником мирового империализма, оно отрекалось также и от целого ряда других свойственных ему принципов и понятий. Так, уже 2-го ноября 1917 г. за подписью председателя Совнаркома т. Ленина и Народного Комиссара по делам Национальностей т. Сталина была опубликована «декларация прав народов России», в которой устанавливались основные принципы, долженствующие отныне регулировать взаимоотношения между великороссами и всеми остальными народностями России.

«С'езд Советов,—гласила названная декларация,—в июне этого года провозгласил право народов России на свободное самоопределение.

2-й С'езд Советов в октябре этого года подтвердил это неот'емлемое право народов России более решительно и определенно.

Исполняя волю этих с'ездов, Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1. Равенство и суверенность народов России.

2. Право народов России *на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.* (Курсив мой. И. М.).

3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».

Идея самоопределения народов во время войны с особенным подчеркиванием была выдвинута левым крылом европейской буржуазной демократии, в особенности пацифистскими элементами британского радикализма, но никто до того на Западе—ни правительства, ни даже сами английские радикалы—не решался доводить идею самоопределения до логического конца и признавать право каждого народа на отделение и образование самостоятельного государства. Такую последовательность оказалась в состоянии проявить—и это заслуживает быть особенно отмеченным—только рабоче-крестьянская власть, вынесенная на гребне социалистической революции. И что «декларация прав народов» не оставалась лишь мертвой буквой, свидетельствовал тот факт, что декретом от 5-го декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров признал независимость Финляндии, за 10 дней перед тем заявившей о своем желании выделиться в самостоятельную государственную единицу, а 29 декабря в Бресте—независимость Украины.

Тремя неделями позже последовал новый акт, продолжавший политическое наступление российской революции. Это было обращение «ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», которое стояло в тесной связи с декретом о мире и «декларацией прав народов России». В этом обращении говорилось, между прочим, следующее:

«Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные культурные учреждения об'являются свободными и неприкосновенными, устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов—Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов».

В дальнейшем следовало аналогичное обращение к мусульманам зарубежного Востока:

«Мусульмане Востока, персы и турки, арабы и индусы, все те, головами и имуществами которых, свободой и родиной которых торговали алчные хищники Европы, все те, страны которых хотят поделить начавшие войну грабители!

Мы заявляем, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, ныне порваны и уничтожены. Республика Российская и ее Правительство—Совет Народных Комиссаров—против захвата чужих земель. Константинополь должен остаться в руках мусульман.

Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии, и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы.

Мы заявляем, что договор о разделе Турции и отнятии у нее Армении порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, армянам будет обеспечено право свободно определить свою политическую судьбу.

Не от России и ее революционного правительства ждет вас порабощение, а от хищников европейского империализма, от тех, которые ведут нынешнюю войну из-за дележа ваших стран, от тех, которые превратили вашу родину в расхищаемую и обижаемую свою колонию».

В политической истории мира немного найдется документов, равных по своему благородству и по своему революционному значению только что цитированному обращению к мусульманам России и Востока. И, действительно, оно нашло себе широкий отклик среди угнетенных азиатских народов. Если Советская республика в течение последующих трех лет сумела устоять в страшной борьбе за жизнь против мирового империализма, то это далеко не в последней степени об'ясняется тем обстоятельством, что на своих знаменах она несла принцип самоопределения народов. Она

осуществляла этот принцип на территории России, она помогала его осуществлению за пределами России, в особенности в странах Ближнего и Среднего Востока.

Разрывая с принципами буржуазного империализма, Советская республика рубила не только международно-политические связи, свойственные старому миру. Она рубила также и международно-экономические связи. 28-го января 1918 года советским правительством был опубликован декрет об аннулировании государственных займов, § 3 которого гласил:

«Безусловно и без всяких исключений аннулируются все иностранные займы».

Этот декрет, сыгравший громадную роль в истории взаимоотношений между Советской Республикой и капиталистическим миром, декрет, действие которого не изжито еще до настоящего дня, знаменовал собой полный разрыв с тем прошлым, на развалинах которого рабоче-крестьянская власть начинала строить новую Россию.

Приведенные документы с достаточной ясностью обнаруживают тот идейный багаж, с которым российская революция выступила на международно политическую арену. Но идея для своего действия требует претворения в жизнь. Поэтому с первого же момента существования советской власти начались попытки осуществления провозглашенных принципов на практике. Перейдем к ознакомлению с этими попытками.

Борьба за мир.

Уже 3-го ноября 1917 года Народный Комиссар по Иностранным Делам т. Троцкий обратился с нотой ко всем посольствам держав Антанты в Петрограде с предложением начать переговоры о перемирии и всеобщем мире. Так как на эту ноту не последовало никакого ответа, то 9-го ноября советское правительство адресовало послам всех иностранных держав в России особое обращение с предложением открыть немедленно переговоры о заключении перемирия на всех фронтах, вслед за чем должны были начаться уже переговоры и о самом мире. В тот же день, 9-го ноября, тогдашнему главнокомандующему генералу Духонину было послано предписание немедленно приступить к переговорам о перемирии с германским военным командованием. 10-го ноября т. Троцкий снова обратился с нотой, на этот раз адресованной всем представителям иностранных держав в Петрограде, в которой он извещал их о мирных шагах, предпринятых советским правительством.

Эти первые выступления рабоче-крестьянской власти в сфере международной политики натолкнулись на резкую оппозицию со стороны Антанты. Так, уже 10-го ноября военные агенты держав Согласия, находившиеся в России, послали генералу Духонину коллективный протест против открытия переговоров о перемирии. 12-го ноября начальник французской военной миссии в России ген. Бертело обратился с письмом к генералу Щербачеву, в котором он, заявляя о непризнании советского правительства Францией, выражал надежду на то, что высшее русское командование не допустит переговоров с Германией. Одновременно американский военный атташе уведомил советское правительство о том, что отныне из Соединенных Штатов прекращается отправка в Россию посылок с продоволь-

ствием, обмундированием и т. п. необходимыми предметами. Дипломатические представители Антанты отказались официально уведомить свои правительства о мирных шагах Советской России, но послы некоторых нейтральных стран—Норвегии, Швеции, Швейцарии—это сделали. Их примеру последовал и испанский посол, однако, в наказание за столь неуместную любезность по отношению к революционной власти, он был скоро отозван своим правительством. За военными и дипломатическими представителями Антанты в России вскоре заговорила и сама Антанта. 16-го ноября английское правительство официально протестовало против мирных шагов советской власти, а 22 декабря того же года парижская конференция держав Согласия решила контролировать внешнюю политику России.

Несколько иначе отнеслись к мирной инициативе Советской Республики центрально-европейские державы. 14-го ноября от главнокомандующего германским восточным фронтом было получено согласие начать переговоры о перемирии. 16-го ноября вновь назначенный германский канцлер Гертлинг в речи, произнесенной в рейхстаге, заявил, что мирные предложения советского правительства могут считаться вполне удовлетворительными, и что он готов их рассматривать, как подходящую основу для начала общих мирных переговоров между центрально-европейскими державами и Антантой. 17-го ноября австро-венгерский министр иностранных дел граф Чернин заявил о согласии своего правительства на мирные переговоры и предложил уже 19-го ноября встретиться делегациям обоих сторон.

Действительно, 19-го ноября в особой «нейтральной зоне» на фронте произошла встреча между уполномоченными Германии и Советской России. В состав нашей делегации входили т.т. А. А. Иоффе (председатель), Л. М. Карахан (секретарь), Л. Б. Каменев, Г. Я. Сокольников, А. А. Биценко, Мстиславский, рабочий Обухов, крестьянин Столиков-Романов, матрос Олич и солдат Беляков. 2-го декабря, после длительных переговоров, было, наконец, заключено перемирие между обоими воюющими сторонами, причем было предусмотрено, что об отказе от перемирия каждая сторона должна заявить не менее как за семь дней. Еще неделю спустя в Брест-Литовске открылись переговоры о самом мире.

Первый период Брестских переговоров.

Первый период Брестских переговоров, с 9-го по 15-ое декабря 1917 года, был посвящен выработке основных принципов, на которых должен был быть построен будущий мир, и весь стоял под знаком политического наступления российской революции. Советское правительство, только что провозгласившее те начала, которыми оно предполагало руководиться в сфере международных отношений, в Брест-Литовске хотело сделать первую пробу их практического применения. Германское правительство, сильно смущенное огромными военными потерями и вступлением в борьбу нового мощного противника в лице Соединенных Штатов, искало в это время путей к выходу из создавшегося для него трудного положения. Правда, военная партия, с генералом Людендорфом во главе, все еще продолжала расчитывать на победу немецкого оружия (к весне 1918 года готовилось новое грандиозное наступление германцев во Франции). Однако, широкие гражданские круги, в том числе и влиятельная группа в правящих сферах, были настроены гораздо менее оптимистически и готовы были согласиться на «демократический» мир, который гарантировал бы Германию от излишней мстительности со стороны Антанты. Поэтому в плоскости переговоров об *общем* мире лозунг «без аннексий и контрибуций» был для Германии приемлем, из чего, конечно, совсем не следовало, что немецкие империалисты потеряли свои клыки и превратились в скромных овечек. Просто они оказались в положении волка, попавшего на псарню, и теперь пытались с помощью «демократических» принципов спасти свою шкуру. Как бы то ни было, но при открытии Брестских переговоров ситуация складывалась сравнительно благоприятно для Советской России: «мирное» течение в германских правящих кругах временно одержало верх, и его

представитель в Брест-Литовске министр иностранных дел фон-Кюльман имел возможность показать свои карты.

Заседания начались 9-го декабря. Российская делегация состояла из т.т. А. А. Иоффе (председатель), Л. М. Карахана (секретарь), Л. Б. Каменева, А. А. Биценко и М. Н. Покровского. Кроме того ее сопровождал ряд консультантов, главным образом, по военным и морским делам. С противной стороны в переговорах участвовали четыре делегации—от Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции,—всего 26 человек, среди которых наиболее крупную роль играли: только что упоминавшийся германский министр иностранных дел фон-Кюльман, австрийский министр иностранных дел граф Чернин, немецкий генерал Гофман и великий визирь Турции Талаат-Паша.

Российская делегация в Брест-Литовске поставила вопрос о мире не как о сепаратном мире между Россией и центральными державами, а как об общем мире между всеми воюющими государствами. По вышеуказанным мотивам делегации противной стороны не возражали против подобного обсуждения вопроса. Впрочем, когда советская делегация в интересах лучшей осведомленности Европы, а в особенности европейского пролетариата о ходе мирных переговоров предложила перенести заседания конференции из находящегося в военной зоне Брест-Литовска в какое-нибудь нейтральное место, противная сторона отвечала решительным отказом. Не желая однако срывать переговоров по столь второстепенному вопросу, советская делегация вынуждена была примириться с Брест-Литовском.

Исходя из своих общих принципов, советская делегация на первом же заседании 9-го декабря предложила положить в основу мирных переговоров следующую программу:

«1. Не допускаются никакие насильственные присоединения захваченных во время войны территорий. Войска, оккупирующие эти территории, выводятся оттуда в кратчайший срок.

2. Восстанавляется во всей полноте политическая самостоятельность народов, которые во время настоящей войны были этой самостоятельности лишены.

3. Национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется воз-

можность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или другому государству или о своей государственной самостоятельности путем референдума. Этот референдум должен быть организован таким образом, чтобы была обеспечена полная свобода голосования для всего населения данной территории, не исключая эмигрантов и беженцев.

4. По отношению к территориям, населенным несколькими национальностями, право меньшинств ограждается специальными законами, обеспечивающими ему культурно-национальную самостоятельность и, при наличности фактической к тому возможности, административную автономию.

5. Ни одна из воюющих стран не обязана платить другим странам так называемых «военных издержек»; взысканные уже контрибуции подлежат возвращению. Что касается возмещения убытков частных лиц, пострадавших от войны, таковое производится из особого фонда, образованного путем пропорциональных взносов всех воюющих стран.

6. Колониальные вопросы решаются при соблюдении принципов, изложенных в пунктах 1, 2, 3 и 4»*).

Делегации центрально-европейских держав потребовали себе известного срока на размышления, и 12-го декабря представили ответ на предложения российской делегации. В ответе констатировалось, что «основные положения русской декларации могут быть положены в основу переговоров о мире». Больше того, державы Четверного Союза соглашались «немедленно заключить общий мир без аннексий и контрибуций». Однако это была только словесная прелюдия. Когда дело дошло до конкретизации высказанных во введении общих положений, то оказалось, что центрально-европейские державы дают различным пунктам русского предложения слишком ограничительное толкование. Так, по пункту 3-му фон-Кюльман заявил, что «вопрос о принадлежности к тому или иному государству национальных групп, не имеющих политической самостоятельности, не может быть решен международно, он в каждом отдельном случае должен быть решен самим государством вместе с его народами путем, предусмотренным данной конституцией». Иными словами, французы Эльзас-

---

*) Мирные переговоры в Брест-Литовске, 1920, издание НКИД, т. I, стр. 7—8.

Лотарингии могли присоединиться к Франции или образовать самостоятельную государственную единицу только в том случае, если германский рейхстаг давал на это свое согласие, а германский император это согласие утверждал. Ясно, что при таких условиях ни о каком самоопределении эльзасских французов на практике не могло быть речи. Точно также по пункту 4-му фон-Кюльман доказывал, что ограждение прав национальных меньшинств может осуществляться лишь путем, указанным в конституции данного государства, и что применение этого принципа вообще должно сообразоваться с практической возможностью. Последняя оговорка в устах немецкого дипломата означала отказ гарантировать культурно-национальную автономию (не говоря уже об административной) в германских колониях в Африке.

Острые клыки германского империализма выглянули еще более откровенно, когда на заседании 14-го декабря началось обсуждение первых двух пунктов проекта мирного договора. В русской редакции эти два пункта гласили:

«1) В полном согласии с открытым заявлением обоих договаривающихся сторон об отсутствии у них завоевательных планов и о желании заключить мир без аннексий, Россия выводит свои войска из занимаемых ею частей Австро-Венгрии, Турции и Персии, а державы Четверного Союза,—из Польши, Литвы, Курляндии и других областей России.

2) В соответствии с принципами Российского правительства, провозгласившего право всех без исключения народов, живущих в России, на самоопределение вплоть до отделения,—населению этих областей дана будет возможность вполне свободно в ближайший, точно определенный срок решить вопрос о своем присоединении к тому или другому государству или об образовании самостоятельного государства. При этом в самоопределяющихся областях недопустимо присутствие каких-либо войск, кроме национальных или местной милиции» *).

Казалось-бы, фон-Кюльман, за два дня перед тем заявивший о своей готовности заключить мир «без аннексий и контрибуций», должен был безоговорочно подписаться

---

*) Мирные переговоры в Брест-Литовске, стр. 28.

под вышеприведенной формулировкой: ведь она как раз гарантировала наиболее точное проведение в жизнь указанного принципа. В действительности, однако, вышло иначе. Фон-Кюльман оказался недоволен русскими предложениями. Он полагал, что никакого вопроса о самоопределении Польши, Литвы и Курляндии больше не существует. В этих областях, оккупированных германскими войсками, немцами уже давно были созданы различные маргариновые «представительства», состоящие из помещиков и капиталистов. Эти представительства под давлением германских денег и штыков заявили о своем «стремлении к полной государственной самостоятельности и к выделению из российской федерации». Так о чем же еще могла быть речь? Фон-Кюльман предлагал Советской республике рассматривать эти заявления, как «выражение народной воли», и сделать из них соответствующие практические выводы. Дальнейшая судьба названных областей должна была быть определена особой комиссией, однако ни состав этой комиссии, ни срок ее созыва в германском контр-проекте не были предусмотрены.

Дебаты, возникшие по первым двум пунктам мирного договора, не привели ни к какому соглашению. Немцы категорически настаивали на отделении от России большей части Прибалтики, Белоруссии и Польши. «Мир без аннексий и контрибуций» означал, по Кюльману, мир без аннексий и контрибуций за счет Германии, что же касается других государств, то они должны были сами о себе заботиться.

Первые острые шипы, таким образом, обнаружились. Однако, не желая заслужить упрека в недостаточно серьезном отношении к столь важному вопросу, как вопрос о мире, советское правительство решило не прерывать переговоров. Тем более, что позиция держав Антанты оставалась пока неясной. Еще 23 ноября, непосредственно после встречи русской и германской делегаций на фронте, советское правительство уведомило «союзные народы» о начале мирных переговоров и пригласило их принять участие в последних. Эффект этого обращения до середины декабря не был известен. Поэтому, российская делегация в Брест-Литовске предложила противной стороне устроить десятидневную паузу в переговорах (от 15 до 25 декабря) для того, чтобы Советская Республика имела возможность

снестись с правительствами Антанты и побудить их примкнуть к ее мирной инициативе. Предложение российской делегации было принято, и вслед затем 17-го декабря т. Троцкий обратился к народам и правительствам держав Согласия с новым настойчивым приглашением, не теряя времени, вступить на путь, по которому уже пошла Россия.

Десятидневный перерыв в переговорах, принятый Брестской конференцией, оказался чреват величайшими последствиями, как для судеб подготовлявшегося мирного договора, так и для всего течения Российской Революции. Мы уже знаем, что императорская Германия, играя в Брест-Литовске в «демократию», спекулировала на вовлечении держав Согласия в общие переговоры о прекращении войны. Принципы «без аннексий и контрибуций» играли для нее роль приманки, на которую она хотела поймать китов англо-франко-американского империализма. И когда т. Троцкий разослал свою ноту государствам Антанты с приглашением примкнуть к начавшимся мирным переговорам, центрально-европейские державы с напряжением стали ждать на нее откликов. Отклики последовали: 23-го декабря Ллойд-Джордж произнес в палате общин речь о военных целях союзников, в которой еще раз попытался драпироваться в тогу просвещенного демократа, а 26-го декабря (8-го января 1918 г.) президент Вильсон обратился к конгрессу с своим известным посланием, формулировавшим знаменитые «14 пунктов»*). Беря заявление Вильсона чисто словесно, можно было не без успеха сблизить его позицию в международных вопросах с позицией советского правитель-

*) 14 пунктов призедента Вильсона трактовали следующее: дипломатические переговоры должны быть доступны суждению общественного мнения, обеспечивается свобода плавания на морях, вводится принцип равноправности в торговле, производится разоружение («совместимое с безопасностью отечества!»), требования колоний должны быть удовлетворены. Пункт VI гласит: «Должно последовать освобождение всей русской территории и такое урегулирование всех вопросов, касающихся России, которое могло бы обеспечить ей наилучшее и наиболее независимое сотрудничество всех народов. С целью дать России полную возможность самоопределения в плоскости собственного политического развития и национальной политики, ей гарантируется искренний прием в круг свободных народов при той форме правления, которую она сама изберет, и кроме того ей оказывается благожелательная помощь, в которой она будет нуждаться или которой она сама пожелает».

В остальных пунктах Вильсон предлагает, чтобы вся французская территория была освобождена, а разрушенное во время войны восстановлено. Потери Франции в 1871 году должны быть возмещены. Границы Италии исправлены. Народам Австро-Венгрии даруется автономия. Балканским государствам гарантируется территориальная неприкосновенность. Турция становится суверенной. Дарданеллы об'являются открытыми для всех. Создается независимое Польское государство. Организуется «Лига Наций».

ства, но о дереве судят по плодам, а о политических декларациях—по их применению в действительности. Что же случилось в момент перерыва Брестских переговоров?

Ллойд-Джордж и Вильсон, которые как-будто бы на ряду с советским правительством стояли на почве «демократического мира» и «самоопределения народов», вместо того, чтобы откликнуться на призыв рабоче-крестьянской власти о прекращении войны, вполне недвусмысленно дали понять, что сейчас в переговоры с Германией о мире они не вступят. Они еще хотели воевать. Предчувствуя надвигающийся крах империи Гогенцоллернов, державы Антанты считали более выгодным для себя немножко подождать и затем окончательно добить противника.

Отказ Антанты от мирных переговоров имел двоякие последствия. Во-первых, Германия, убедившись, что державы Согласия на ее приманку не пошли, теряла всякий интерес к продолжению игры в «демократию». Теперь, наоборот, она должна была показать волчьи зубы для того, чтобы на России хотя бы отчасти компенсировать себя за неудачу, постигшую ее в политике заключения общего мира. Действительно, после выяснения позиции Антанты в Германии одержала верх военная партия, с Россией решено было не церемониться, а все надежды возложить на подготовлявшееся к весне наступление на западном фронте.

Во-вторых, тот-же отказ союзных держав поддержать Советскую республику в ее стремлении к миру ставил Россию в чрезвычайно тяжелое положение. Она была брошена на произвол судьбы государствами Антанты и осталась один на один с чудовищем германского империализма. Между тем, силы Советской Республики в тот момент были слабы, а силы германского империализма—еще очень велики. Об'ективно, таким образом, создавалось положение, при котором речь могла итти уже не о всеобщем мире, а только о мире сепаратном между Россией и центральными державами. Это и было вполне определенно подчеркнуто графом Черниным на первом же заседании вновь открывшейся после перерыва мирной конференции 27-го декабря 1917 года. И так как соотношение сил между центральными державами и Россией теперь складывалось неблагоприятно для последней, то в результате Брестских переговоров все отчетливее начали вырисовываться перспективы не «демократического», а кабального мира. Конечно, это

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

меньше всего соответствовало намерениям советского правительства. Как увидим ниже, несмотря на изменившуюся ситуацию, оно продолжало вести отчаянную борьбу за всеобщий демократический мир, апеллируя к трудящимся массам Европы и Америки. К сожалению, обстоятельства оказались на этот раз сильнее его воли, и под давлением жестокой необходимости оно вынуждено было вступить на путь переговоров о столь нежеланном и невыгодном для него сепаратном мире. Это была не его вина, а его беда. Вина лежала на державах Антанты.

Десятидневный перерыв в Брестских переговорах принес с собой еще одно весьма существенное ухудшение политического положения. 7-го ноября 1917 года Украинская Центральная Рада опубликовала 3-й Универсал, в котором она заявляла об образовании Украинской Народной Республики. Эта Республика, по мысли ее руководителей, должна была представлять собой самостоятельную государственную единицу, которая однако в дальнейшем могла войти в состав обще-российской федерации. В первой стадии мирных переговоров Украинская Народная Республика не участвовала, и советская делегация в Брест-Литовске говорила от имени всей России. Однако во время перерыва в переговорах в Брест-Литовск прибыла делегация Украинской Центральной Рады, во главе с г. Голубовичем и вступила, пока прелиминарно, в сепаратные переговоры с представителями центрально-европейских держав. Появление на сцене украинских «самостийников» имело чрезвычайно пагубные последствия: единство российского фронта в борьбе против германского империализма было расколото, а это, в свою очередь, означало дальнейшее ослабление и без того небольших сил, которыми в тот момент располагала российская революция.

Указанные обстоятельства не могли не оказать громадного влияния на Брестскую ситуацию. За короткий десятидневный промежуток она изменилась до неузнаваемости. Весы истории качнулись, и чаша германского империализма тяжело опустилась вниз.

Народный Комиссариат по Иностранным Делам.

Прежде, чем покончить с первым «весенним» периодом в области внешней политики Советской России, будет не безинтересно несколько остановиться на обстоятельствах рождения того органа, который в течение минувшего пятилетия стоял на страже международных интересов республики. Мы имеем в виду Народный Комиссариат по Иностранным Делам. Эти обстоятельства тем более заслуживают внимания, что они представляют собой один из любопытнейших уголков Октябрьской революции.

Как известно, первым Народным Комиссаром по Иностранным Делам был назначен т. Троцкий. Посетив вскоре после своего назначения величественное здание министерства иностранных дел на Дворцовой площади в Петрограде, он нашел там мерзость запустения и неприкрытый саботаж со стороны старого чиновничества. Так как т. Троцкий был очень занят обще-политической работой, то он вскоре предложил т. И. Залкинду взять на себя функции уполномоченного по приему министерства. Т. Залкинд вступил в связь с меньшевиком-интернационалистом Поливановым, который раньше работал в Азиатском департаменте министерства и теперь предложил свои услуги новому правительству. Большинство чиновников на службу не являлось, поэтому т.т. Залкинд и Поливанов об'ехали ряд виднейших столпов старого министерства и предложили им на следующий же день прибыть в здание на Дворцовой площади для «решающих переговоров». Предложение это подкреплялось угрозой личной ответственности каждого за отказ исполнить предписание. Столпы были сильно взволнованы неожиданным визитом, а один из них при появлении незванных гостей даже так перепугался, что залез в постель под одеяло в полном костюме и ботинках.

Эффект указанной меры оказался необычайным. На следующий день министерство было битком набито старыми служащими, причем чиновники и сановники явились в

полной парадной форме. «Решительные переговоры» произошли в большом зале министерства. Т. Залкинд, обратившись к собравшимся, заявил, что он прислан фактическим правительством Российской Республики для того, чтобы выяснить отношения чинов министерства к их служебному долгу. При этом он упомянул, что работа министерства в интересах страны не терпит ни минуты перерыва. От имени служащих выступил бывший товарищ министра иностранных дел Петряев, который отвечал, что нового правительства они не признают, служить ему не хотят, однако готовы охранять министерство и вести текущие дела (о военнопленных, о переводе денег за границу и пр.). Соглашение было очевидно невозможно, тогда т. Залкинд решил прибегнуть к более крутым мерам. Через т. Поливанова он распустил среди чиновников слух, будто бы вблизи министерства расположена вооруженная сила, готовая к действию, а сам в категорической форме потребовал от собравшихся признания Советского правительства и указания того лица, которое ответственно за хранение архивов и шифров. Последствия за неисполнение этого требования он возложил всецело на Петряева и еще двух рядом с ним стоявших чиновников. Эти меры возымели желаемое действие. Служащие министерства перепугались и представили т. Залкинду некоего графа Татищева, который сдал т. Залкинду ключи и показал ему архивные комнаты и шифровальное отделение.

Министерство иностранных дел оказалось, таким образом, завоеванным. Вслед за тем в него был введен караул Павловского полка, охранявший входы в бронированные комнаты, где в пяти громадных несгораемых шкафах хранились секретные договоры, донесения, копии депеш и т. п. Впрочем, Павловский полк пробыл недолго в министерстве и вскоре был заменен красногвардейской дружиной, состоявшей из рабочих Василеостровского завода Сименс-Шукерт.

Старое министерство иностранных дел было разрушено, —теперь приходилось строить Народный Комиссариат по Иностранным Делам. Работа была не из легких. Почти все прежние чиновники министерства отказались работать с новой властью и были уволены приказом от 16 ноября. На следующий день, 17 ноября, был лишен своих полномочий посол Временного Правительства во Франции В. А.

Маклаков, а 28 ноября та же участь постигла и всех остальных дипломатических представителей прежних правительств за-границей. Правда, иностранные державы отказались признать это распоряжение советского правительства и в течение ряда последующих лет продолжали официально сноситься с царскими посланниками и консулами, представляя в их распоряжение даже значительные суммы денег. Однако для советской власти они умерли в ноябре 1917 г., и Народному Комиссариату по Иностранным Делам пришлось спешно создавать свой собственный аппарат как в России, так и за-границей. Впрочем, пока речь шла о России. Низшие служащие старого министерства (сторожа, курьеры и пр.) приветствовали Октябрьский переворот и остались на месте. Но прочий персонал приходилось заново формировать. К январю 1918 г. общее число сотрудников Комиссариата дошло приблизительно до 200 человек. Люди эти, в большинстве случаев, были очень неопытны, но зато полны революционного энтузиазма. Впрочем, в горячке первых дней в Комиссариат удалось проникнуть в качестве служащих нескольким белогвардейским авантюристам, которых т. Залкинду пришлось собственноручно арестовать с револьвером в руках.

Нравы, утвердившиеся с приходом новых людей в величественном здании на Дворцовой площади, открыто смеялись над всеми традициями прошлого. По длинным корридорам и тихим кабинетам старого министерства носился дух революции. Т. Залкинд, являвшийся заместителем Троцкого, всегда ходил с большим маузером у пояса, приводившим в немалое смущение посещавших его иностранных дипломатов. При входе в Комиссариат на лестницах и перекрестках стояли вооруженные винтовками красногвардейцы, а в наиболее важных «стратегических» пунктах были расположены пулеметы. От скуки охрана развлекалась винтовочными выстрелами, а дипломатическая работа подчас совершалась под зловещую песнь пулеметов. Так, однажды, поздно вечером т. Карахан, сидевший в своем кабинете, вдруг услышал, как за стеной в корридоре раздалось столь характерно-пулеметное:

— Та-та-та-та-та-та.....

Сильно встревоженный—он выскочил на порог, и увидал одного из активнейших работников Комиссариата т. Маркина, палившего из пулемета вдоль по корридору.

— Что вы тут делаете?—невольно воскликнул т. Карахан.

— Да вот—отвечал т. Маркин—сегодня нам новый пулемет привезли... Я и пробую.

Демократизм в отношениях между работниками Комиссариата был очень большой. Никаких правил распорядка не существовало. В кабинете уполномоченного сплошь да рядом происходили целые митинги. Коллектив сотрудников, имея еще слишком смутное представление о конституции республики, пытался присвоить себе право руководства иностранной политикой России. Оплата труда была построена на принципе уравнительности: т. Залкинд получал 500 рублей, его шоффер—450, курьеры—по 300 р. Все жили как на бивуаке, а т. Залкинд ночевал у себя в кабинете. Незадолго до открытия Учредительного Собрания сотрудники Комиссариата организовали особый «интернациональный легион», в котором деятельное участие принимал покойный ныне американский социалист Джон Рид. Впрочем, в боевых действиях этому легиону не пришлось принимать участия. Единственный выпущенный им залп был салютом в честь нового 1918 года, произведенным в полночь 31-го декабря.

Что касается деятельности Комиссариата, то в этот период она носила несколько своеобразный характер. Уничтожение тайной дипломатии, как мы знаем, было одним из наиболее популярных лозунгов Октябрьской революции. Поэтому неудивительно, что тотчас-же за завоеванием министерства иностранных дел началось извлечение из архивов последнего различных секретных документов, их обработка и публикация. Это извлечение в первые недели после 25-го октября занимало центральное место в работе Комиссариата. Особенную энергию в данном отношении проявлял вышеупомянутый стрелок из пулемета, т. Маркин, матрос-электротехник, раздобывший себе несколько переводчиков и с помощью их составивший и опубликовавший шесть номеров «Сборника тайных документов». Ирония судьбы хотела, чтобы эти документы были отпечатаны во всеобщее сведение в собственной типографии министерства иностранных дел.

Кроме публикации тайных документов, имелись еще сношения с иностранцами. Однако сношения эти отличались большой оригинальностью. Европейские державы

отказались признать советское правительство, и потому официальная связь между последними и пребывающим в Петрограде дипломатическими представителями Антанты и нейтральных государств была невозможна. Но так как советское правительство все-таки являлось фактическим правительством, то совершенно избежать каких-либо сношений с ним было немыслимо. Приходилось поэтому действовать в порядке неофициальном или полуофициальном. Что получалось в результате, не трудно себе представить.

В первые месяцы своего существования Народный Комиссариат по Иностранным Делам, несмотря на свои винтовки и пулеметы, был постоянно облеплен несметным количеством иностранцев самого разнообразного образа и вида. Прежде всего была огромная масса желающих как можно скорее бежать назад домой из охваченной революцией России. Всем им требовались разрешения на выезд, пропуски, визы. Они осаждали толпой товарищей, сидевших на этой работе, и когда встречали какое-нибудь противодействие, устраивали истерики и скандалы. В то время английское правительство арестовало в Лондоне целый ряд русских революционеров, в том числе тт. Литвинова, Чичерина, Петрова и др. Советские власти требовали их освобождения и, в качестве меры репрессии, прекратили выдачу разрешений на выезд из России великобританским подданным. Эта мера, в конце концов, достигла своих результатов, — арестованные в Англии товарищи были освобождены,—но пока длились переговоры между Петроградом и Лондоном, в отделе виз Народного Комиссариата по Иностранным Делам происходили раздирающие сцены.

Впрочем, в Комиссариате толклись не только иностранцы, желающие уехать. Бывали там и различные неофициальные или полуофициальные «дипломаты». Так, например,—к т. Залкинду не раз приходил какой-то бельгиец, именовавший себя «товарищем и социалистом» и усердно доказывавший, что Октябрьская революция—великая вещь, но что бельгийских трамваев в России трогать не следует. Не менее часто появлялся в Комиссариате и голландский посланник, старавшийся убедить того же т. Залкинда, что аннулирование государственных займов не должно коснуться нидерландских подданных. Какой-то

канадский майор, прошедший огонь, воду и медные трубы, через Комиссариат предлагал свои услуги советскому правительству для полной реорганизации всех наших железных дорог. Несколько раз т. Залкинда навещал сербский посланник Сполайкович и пытался беседовать с ним «по душам». При этом Сполайкович уверял, что большевики являются самыми подлинными империалистами, и что в области внешней политики между Сазоновым и Троцким в сущности нет никакой разницы. Приходили в Комиссариат и многочисленные иностранные журналисты. Они бегали по его корридорам и закоулкам, вынюхивали различные новости и сплетни и слали потом к себе на родину дико потрясающие телеграммы об ужасах «большевистского господства». Впрочем, среди этих корреспондентов попадались типы и несколько иного рода. Так, один американец в своих сообщениях из России не писал ни о самой революции, ни о ее целях и стремлениях, но зато тщательно следил за костюмами Ленина и Троцкого. Сплошь да рядом он отправлял длиннейшие телеграммы в несколько сот слов с потрясающим известием о том, что Ленин переменил один пиджак на другой, а Троцкий выступал на митинге без воротничка.

Чрезвычайно забавный инцидент вышел однажды с испанским посланником. Этот дипломат принял и отправил своему правительству советскую ноту о мирных шагах советского правительства. Как уже упоминалось выше, в наказание он был отозван своим министерством. Перед его от'ездом из Петрограда к т. Залкинду явился секретарь испанского посольства и в довольно откровенной форме намекнул, что советскому правительству не грех было бы наградить от'езжающего дипломата орденом. Тем более, что он оказал новой российской власти весьма существенную услугу.

— Очень хорошо,—отвечал т. Залкинд,—мы можем дать ему орден.

— Так вы доложите об этом своему правительству?— спросил его собеседник.

— О, это совершенно не нужно!— воскликнул т. Залкинд.—Это я могу сделать сам.

И затем, вынув из стоявшего в комнате несгораемого шкафа целую гору хранившихся там орденов, принадле-

жавших чиновникам министерства иностранных дел, т. Залкинд высыпал их на стол перед изумленным секретарем, заявив:

— Пожалуйста, выбирайте какой хотите!

Почтенный испанец был так потрясен предложением Залкинда, что поспешил как можно скорее убраться из его кабинета.

Впрочем, в тогдашних отношениях между советским правительством и иностранными дипломатами не всегда доминировал комический момент. Бывали и более «серьезные» случаи. Вот один из них. 1-го января 1918 года в связи с нападением румын на русскую территорию в Петрограде был арестован румынский посланник г. Диаманди вместе со всем своим штатом. Дипломатический корпус заволновался. Послы и посланники заявили Залкинду, что они желают разговаривать с председателем Совета Народных Комиссаров. Решено было доставить им эту возможность. Прием состоялся в Смольном в маленьком кабинете т. Ленина, куда было набито столько стульев, сколько могло влезть. Старейшина дипломатического корпуса американский посол Френсис взял на себя труд представлять приезжающих дипломатов т. Ленину, а последний усердно жал им руки. Однако, когда требования этикета были исполнены, начался словесный «бой». Сначала американский посол, потом французский посол,— известный Нуланс,—категорически потребовали немедленного освобождения Диаманди. В ответ дипломатическому корпусу были представлены телеграммы т. Троцкого, сообщавшие о вероломных и противозаконных действиях румынских войск. Тогда вскочил с своего места сербский посланник Сполайкович, тот самый, который приходил беседовать с т. Залкиндом «по душам», и с горячностью, достойной лучшего применения, начал доказывать т. Ленину всю «возмутительность» и «невозможность» ареста Диаманди. Прочие дипломаты его поддерживали. Картина получилась весьма оригинальная и... опять-таки нелишенная известного комизма. Визит дипломатического корпуса к главе советского правительства кончился ничем, но еще долго в иностранных посольствах Петрограда не умолкал шум, вызванный ворвавшимся в тихий дипломатический мирок всплеском революционной волны.

Все это были, конечно, мелочи и штрихи революционной эпохи, которые скоро побледнели и стерлись в величественном ходе исторических событий, но в очерке внешней политики Советской России и они заслуживают специального упоминания.

II. Борьба революции за жизнь.

Второй период Брестских переговоров.

Перемена позиции Германии резко сказалась при возобновлении Брестских переговоров по истечению десятидневного перерыва. Зловещие симптомы обнаружились даже еще раньше. 23-го декабря т. Иоффе обратился к председателям делегаций Четверного Союза с телеграммой, в которой еще раз настойчиво предлагал перенести дальнейшее ведение мирных переговоров на нейтральную почву в Стокгольм. Теперь, когда об'ективное положение делало материальную победу российской революции еще менее вероятной, чем раньше,—для советской делегации приобретала особенное значение принципиальная сторона переговоров. Поскольку правительства отказывались приступить к общим мирным переговорам, вся надежда на возможность прекращения войны естественно возлагалась на трудящиеся массы Европы. Только они своим давлением, своей непосредственной активностью были в состоянии спутать чертежи господствующих классов и принудить их к приостановке международной бойни. Но для этого прежде всего и раньше всего необходима была точная и широкая информация общественного мнения Европы о ходе мирных переговоров, а таковая могла быть осуществлена, конечно, не в районе германской оккупации, а лишь на территории нейтральной страны. Отсюда настойчивость, с которой российская делегация добивалась перенесения места конференции из Брест-Литовска в Стокгольм.

Однако, уже на следующий день, 24-го декабря от председателей делегаций центрально-европейских держав был получен телеграфный ответ с сообщением, что всякое перенесение мирных переговоров из Брест-Литовска в какое-либо иное место решительно отклоняется, и что российская делегация ожидается в Бресте не позже 26-го декабря. Разрыв переговоров на этой стадии был крайне

нежелателен и потому российская делегация 25-го декабря уведомила по телеграфу противную сторону, что 26-го декабря она выезжает в Брест. Состав нашей делегации на этот раз несколько изменился. В нее входили: Л. Д. Троцкий (председатель), Л. М. Карахан (секретарь), А. А. Иоффе, Л. Б. Каменев, М. Н. Покровский, А. А. Биценко и В. А. Карелин, не считая известного числа экспертов по экономическим, национальным и военным вопросам. В составе делегаций Четверного Союза также произошли некоторые изменения, однако главные персонажи остались те-же самые.

В день от'езда нашей делегации из Петрограда от председателей делегаций центрально-европейских держав на имя т. Иоффе пришла телеграмма, в которой определенно устанавливалось, что Четверной Союз соглашался положить в основу заключения мира установленные 12-го декабря руководящие принципы «в зависимости от того, обяжутся ли все находящиеся ныне в войне державы без оговорок и точнейшим образом соблюдать эти условия». Между тем делегации Четверного Союза констатировали, что «срок десятидневного перерыва истек 25-го декабря и ни от одной из остальных воюющих держав к ним не поступило заявления о присоединении к мирным переговорам». Ясно было, что центральные державы, возвращаясь в Брест, заранее развязывали себе руки.

Это почувствовалось с первого же заседания возобновленной мирной конференции. Не добившись перенесения переговоров в нейтральную страну, российская делегация попробовала, по крайней мере, отвоевать гласность заседаний конференции: она предложила допустить на заседания последней представителей прессы. Однако, и эта попытка ее разбилась об упорное сопротивление германцев, сознательно стремившихся окружить переговоры возможно большей таинственностью.

Затем наступила очередь «украинского вопроса». Опасаясь раздробления сил перед лицом могущественного противника, российская делегация приложила немало усилий к тому, чтобы достигнуть известного соглашения с делегацией Украинской Центральной Рады. Здесь российская делегация готова была итти на очень большие уступки. В заседании конференции 28-го декабря г. Голубович огласил ноту Генерального Секретариата Украинской На-

родной Республики, в которой все воюющие и нейтральные державы оповещались об образовании независимого украинского государства. В этой ноте, между прочим, указывалось, что, так как власть Совета Народных Комиссаров не распространяется на Украину, то всякий мирный договор будет иметь для последней связующее значение только в том случае, если он будет принят и подписан правительством Украинской Народной Республики.

Запрошенный фон-Кюльманом по этому поводу т. Троцкий заявил:

«Заслушав оглашенную украинской делегацией ноту Генерального Секретариата Украинской Народной Республики, русская делегация, в полном соответствии с признанием за каждой нацией права на самоопределение, вплоть до полного отделения, заявляет, что со своей стороны не имеет никаких возражений против участия украинской делегации в мирных переговорах».

Несмотря, однако, на готовность российской делегации признать право на участие в переговорах за делегацией Центральной Рады, последняя продолжала вести сепаратно-националистическую политику, предавая на каждом шагу интересы революции. Немцы, со своей стороны, конечно, всячески покровительствовали украинским «самостийникам», надеясь на раздорах между украинцами и русскими нажить себе приличный капитал.

Положение особенно осложнилось, когда 8-го января в Брест-Литовск явилась новая, на этот раз уже советская делегация от той-же самой Украины. Декабрь месяц на Украине прошел в ожесточенной борьбе между буржуазной властью Центральной Рады и подымающей голову властью рабочих и крестьян. В момент возобновления Брестских переговоров большая часть Украины находилась уже в руках Советов, и Центральная Рада держалась на волоске только в Киеве и некоторых прилегающих к нему районах. Естественно было поэтому, что Советская Украина также пожелала принять участие в Брестских переговорах. Прибывшие от ее имени т.т. Шахрай и Медведев вошли в состав российской делегации, и тогда положение делегации Центральной Рады стало еще более странным и двусмысленным. На заседаниях конференции разыгрался продолжительный спор о праве обоих украинских делегаций представлять Украину,

при чем российская делегация естественно отстаивала право т.т. Шахрая и Медведева, а немцы—право г. Голубовича и К°. Впрочем, российская делегация не требовала исключения с конференции представителей Центральной Рады, она только категорически настаивала на том, что ни один договор между центральными державами и Украиной не может вступить в силу без одобрения его со стороны российской делегации. Наоборот, делегация Центральной Рады, ссылаясь на изданный 11-го января 1918 года 4-й Универсал, провозглашавший выход Украины из состава российской федерации, оставляла за собой право на вполне самостоятельное подписание мирного договора. Споры по украинскому вопросу с переры-
вами продолжались в течение всего второго периода Брестских переговоров и были закончены... прямым предательством со стороны представителей Центральной Рады. В то время, как российская делегация в итоге четырехнедельных переговоров отказалась подписать навязываемый ей Германией кабальный договор, делегация Центральной Рады 28-го января подписала сепаратный мир с центрально-европейскими державами. Для того, чтобы по достоинству оценить всю безпримерную гнусность этого акта, необходимо иметь в виду, что в момент подписания мира Центральная Рада на Украине уже пала, (Киев был занят советскими войсками 24 января) и что единственной еще оставшейся в ее распоряжении территорией была территория Брест-Литовска.

Впрочем «украинский вопрос», несмотря на всю свою болезненность, являлся все-таки лишь побочным эпизодом в ходе брестских переговоров второго периода. Центр тяжести конференции сводился к той отчаянной борьбе, которая шла на ней между германским империализмом и русской революцией.

Существует широко распространенное мнение, в особенности поддерживаемое нашими врагами, будто-бы Брестские переговоры являлись безоговорочной капитуляцией Советской России пред империалистической Германией. Мы уже знаем, что в отношении первого периода переговоров это мнение является сплошным вымыслом. Не соответствует оно действительности и в отношении второго периода. Наоборот, перебирая теперь, пять лет спустя, событие мирной конференции в Бресте, невольно

удивляешься, с какими энергией, настойчивостью и даже успехом российская делегация отстаивала жизненные интересы страны, несмотря на всю неблагоприятность внешних условий*).

Заседания мирной конференция возобновились 27-го декабря 1917 года. В течение 10 дней российская делегация, под умелым руководством т. Троцкого, искусно маневрировала в дипломатической битве с представителями центральных держав, стараясь отбить одну атаку противника за другой. Вместе с тем обсуждение всех подымавшихся на конференции вопросов она ставила так, чтобы позиция российской делегации могла возможно сильнее апеллировать к революционному сознанию широких масс европейского пролетариата. Однако об'ективное положение было против нее и в конечном счете делало неизбежным резкое столкновение обоих спорящих сторон. Это столкновение действительно произошло на заседании 5-го (18) января 1918 года, где позиции России и Центрально-европейского блока уточнились и заострились до степени искусно отточенного лезвия.

В чем состояли требования немцев?

Вот как характеризовал их т. Троцкий в речи, произнесенной им на указанном заседании конференции:

«Германия и Австро-Венгрия отрезают от владений бывшей Российской Империи территорию размером свыше 150,000 квадратных верст, при чем в границы ее входят бывшее Царство Польское, Литва и значительные пространства, населенные украинцами и белоруссами; далее намеченная линия прорезает территорию, населенную лагышами, разделяя ее на две части, и отсекает населенные эстонцами острова Балтийского моря от эстонской части континента. В пределах названных областей Германия и Австро-Венгрия сохраняют режим военной оккупации не только по заключении мира с Россией, но и по заключении всеобщего мира, при чем обе упомянутые державы отказываются вступать в какие-бы то ни было об'яснения не только относительно срока очищения оккупированных областей, но и вообще отказываются связать себя какими

*) Успешность борьбы российской делегации проявлялась главным образом в экономической области. Так, ей удалось добиться согласия немцев на невведение в действие крайне невыгодного для России русско-германского торгового договора 1904 г., а также права на получение тех же экономических преимуществ, которые Германия будет предоставлять своим балканским союзникам (Болгарии и Турции).

бы то ни было обязательствами, в смысле очищения оккупированных областей от своих войск...

При этих условиях, те или иные гарантии волеизъявления поляков, литовцев или латышей носят совершенно иллюзорный характер, и практически дело сводится к тому, что правительства Германии и Австро-Венгрии берут в свои руки управление судьбами названных народов»*).

Так выглядели «демократия» и «самоопределение народов» в понимании фон-Кюльмана после отказа Антанты вступить в общие переговоры о мире. Конечно, российская делегация не могла добровольно согласиться на столь явно империалистический грабеж территорий и народов. Так как на правительства «союзных держав» больше не приходилось расчитывать, то представители Советской Республики, с своей стороны, принимали все меры, чтобы стимулировать протесты трудящихся масс Запада, в особенности рабочих Германии и Австро-Венгрии, против подготовляющегося преступления. В этом отношении российская делегация все время вела усиленную работу, пытаясь различными способами связаться с социал-демократическими партиями центрально-европейских держав. Теперь, когда Брестские переговоры подошли к критическому пункту, ей было важно подвести итог достигнутым результатам, учесть степень готовности европейского пролетариата поддержать русскую революцию в борьбе против германского империализма. В зависимости от того или иного результата учета должно было находиться и дальнейшее поведение российской делегации в Бресте. В виду этого т. Троцкий предложил устроить второй перерыв переговоров, определив продолжительность его в двенадцать дней. Делегации Четверного Союза согласились, и с 5-го по 16-е (18—29) января обе стороны были представлены самим себе.

Кюльман и Чернин воспользовались перерывом для того, чтобы выступить с речами в германском и австрийском парламентах. В этих речах они еще раз повторяли сказку об отсутствии у центрально-европейских держав агрессивных намерений и резко нападали на российскую делегацию, которая, по их словам, стремилась не к миру, а к всемирной революции. В противовес ей оба министра

---

*) Мирные переговоры в Брест-Литовске, т. I, стр. 130.

усиленно расхваливали разумную и лояльную делегацию Украинской Центральной Рады.

Российская делегация также не теряла времени даром. Часть ее вернулась в Петроград для переговоров с советским правительством, а т. Троцкий сделал визит в Варшаву, где был встречен бурными овациями со стороны польского пролетариата. Это был момент, когда Европа, казалось, начинает пробуждаться от сна. 10 (23) января партия германских независимых опубликовала резкий протест против условий мира, пред'явленных в Бресте центральными державами. На следующий день 11 (24) января Виктор Адлер потребовал в австрийском парламенте участия подлинных представителей народов Австро-Венгрии в Брестских переговорах. 14 (27) января в Лондоне был устроен ряд массовых митингов по вопросу о прекращении войны, на которых многотысячные массы английских рабочих заявили свою солидарность с выставленной советским правительством мирной программой. 15 (28) января в Финляндии вспыхнула рабоче-крестьянская революция, приведшая к власти финский пролетариат. Красное финляндское правительство послало приветствие российской делегации в Бресте, обещая ей сочувствие и поддержку широких масс финского народа. Несколькими днями позже по Германии, Австро-Венгрии и Польше прокатилась широкая волна забастовок, сопровождавшаяся созданием в Берлине, Киле, Варшаве и некоторых городах Вестфалии советов рабочих депутатов. Одновременно пролетариат глухо волновался в Италии, то там, то сям проявляя свое недовольство бурными вспышками (например, в Неаполе), а во Франции сгущенная общественная атмосфера день ото дня становилась все более невыносимой. Параллельно с ростом пролетарского движения на Западе шли дальнейшие успехи российской революции. Особенно крупное значение имело распространение ее влияния на территорию Украины: 24 января (5 февраля) Киев был занят советскими войсками, и Центральная Рада принуждена бежать под защиту германского правительства. Все это настраивало российскую делегацию в Бресте довольно оптимистически и заставляло ее продолжать упорную борьбу с притязаниями германцев.

16 (29) января возобновились заседания мирной конференции. Не желая сразу разрывать переговоров и стре-

мясь заставить немцев высказаться до конца, российская делегация решила прекратить принципиальные дебаты и категорически поставить вопрос: «сколько требуете?».

В образованной вслед за этим особой территориальной подкомиссии было установлено, что Германия желает аннексировать все, занятое ею пространство, и сверх того «выравнять» границы России, таким образом, что от Советской Республики должны были отойти целые районы, издавна считавшиеся российскими.

Пока шли эти выяснения и обсуждения, положение в Европе стало ухудшаться. Движение австро-германского пролетариата было подавлено с варварской жестокостью. Волнения рабочих в Англии, Италии и Франции с помощью репрессий и уступок были временно прекращены. Таким образом, на немедленную поддержку со стороны трудящихся масс Запада расчитывать не приходилось. Позиции российской революции снова попадали под удар германского империализма.

Что было делать российской делегации?

Добровольно согласиться на германские условия ей не позволяло революционное сознание, открыто сопротивляться—не хватало реальных сил. В этом критическом положении представители Советской Республики решили пойти третьим путем. В заседании мирной конференции 28 января (10 февраля) т. Троцкий сделал следующее заявление:

«Именем Совета Народных Комиссаров, Правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения правительств и народов воюющих с нами, союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, об'являет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенными. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту» *).

Это и было то знаменитое заявление, которое под формулой «мир не подписываем—войны не ведем» стало столь широко известно в Европе. Оно явилось полной неожиданностью для делегаций Четверного Союза и первоначально повергло их в состояние, близкое к остолбенению.

*) Мирные переговоры в Брест-Литовске. т. I, стр. 208.

Однако германское правительство скоро опомнилось. Оно не желало упускать, казалось, уже пойманной добычи и решило теперь язык дипломата сменить на свист меча. 3 (16) февраля генерал Гофман уведомил российские власти, что срок перемирия между Россией и Германией прекращается в полдень 5 (18) февраля, после чего между обоими государствами вновь начинается состояние войны. Т. Троцкий резко протестовал против заявления генерала Гофмана, указывая, что, согласно договору о перемирии, заявка об отказе от него должна быть сделана за 7 дней до срока. Протесты однако не помогли. 5 (18) февраля ровно в 12 часов дня по всему фронту началось германское наступление. Так как русская армия к этому времени уже была демобилизована, то германские войска продвигались вперед, почти не встречая никакого сопротивления. С чрезвычайной быстротой они заняли Двинск, Псков и целый ряд других пунктов, находящихся на путях к Петрограду.

Положение Советской России было воистину трагическое. Не имея в тот момент сил к отпору, советское правительство 6 (19) февраля телеграфно известило Берлин, что оно готово подписать мир на условиях, выработанных в Брест-Литовске. В ответ на это сообщение 8 (21) февраля из Берлина был получен ультиматум, значительно ухудшавший брестские условия, при чем Германия требовала принятия его в течение 48 часов.

11 (24) февраля в Петрограде состоялся пленум ВЦИК, на котором после горячих дебатов большинством 126 голосов против 85 при 26 воздержавшихся и 2-х не участвовавших в голосовании, было решено принять немецкий ультиматум. В тот же день в Брест-Литовск выехала новая российская делегация в составе т. т. Сокольникова (председатель), Л. М. Карахана (секретарь), Г. И. Петровского и Г. В. Чичерина, которая 16 февраля (1 марта) встретилась с делегациями Четверного Союза. В создавшихся условиях о нормальных мирных переговорах, конечно, не могло быть речи,—поэтому российская делегация совершенно отказалась от соблюдения столь излюбленного дипломатами этикета. В самом же начале переговоров т. Сокольников определенно заявил:

«Мир, подлежащий заключению, не является плодом соглашения обоих сторон. Этот мир... диктуется нам с оружием в руках».

И отсюда т. Сокольников делал логический вывод:

«Мы открыто заявляем — говорил он — перед лицом рабочих, крестьян и солдат России и Германии, перед лицом трудящихся и эксплоатируемых классов всего мира, что мы вынуждены принять ультиматум, продиктованный нам более сильной в настоящее время стороной, и что мы немедленно подписываем пред'явленный нам ультимативный договор, отказываясь от всякого его обсуждения» *).

Попытки представителей Германии убедить российскую делегацию разыграть хотя бы для виду комедию дипломатического обсуждения окончились ничем, и 18 февраля (3 марта) 1918 года делегаты Советской Республики подписали без рассмотрения немецкий ультиматум, приобревший себе столь широкую известность под именем Брестского договора.

23 февраля (8 марта) с'езд Р.К.П. высказался за ратификацию договора, а 3 (16) марта последний большинством 704 против 285 при 115 воздержавшихся был ратифицирован IV Всероссийским С'ездом Советов в Москве. 4 (17) марта Брестский договор был ратифицирован германским союзным советом, а 5—9 (18—22) марта — одобрен германским рейхстагом. Только партия независимых голосовала против принятия договора. Большинство германской социал-демократии высказалось за его принятие, тем самым став соучастником одного из гнуснейших преступлений германскаго империализма.

---

*) Мирные переговоры в Брест-Литовске, т. I, стр. 223 и 231.

Брестский мир.

Действительно условия Брестского договора отличались чрезвычайной жестокостью. Территориальные потери России по договору были очень велики: от нее отходили Польша, Литва, Курляндия, часть Лифляндии и Белоруссии, включая такие крупные центры, как Рига и Вильно. Другая часть Лифляндии, а также Эстляндии «временно» передавались в распоряжение германской полицейской власти. В немецкой оккупации оставались и те местности восточнее установленной договором границы, которые к моменту подписания мира были заняты германскими войсками. В число таких местностей попадали, например, Псков и Двинск. Территориальные потери Россия несла также в Азии, где она должна была уступить Турции Карс, Ардаган и Батум. Украина и Финляндия признавались самостоятельными государствами, и Советская Республика обязывалась отказаться от всякого вмешательства в их дела. С Украинской Народной Республикой она должна была немедленно заключить мирный договор. Русская армия должна была быть совершенно демобилизована, а русские военные суда интернированы до окончания войны в русских портах или разоружены. Русско-германский торговый договор 1904 года снова вступал в силу, при чем Германия получала право на беспошлинный вывоз из России руды и на гарантии наибольшего благоприятствования, по крайней мере, до конца 1925 года. О контрибуции в Брестском договоре ничего ни говорилось, однако было предусмотрено, что в дальнейшем между Россией и Германией должно быть заключено дополнительное соглашение, взаимно регулирующее их экономические претензии.

Заключение Брестского мира сопровождалось большой борьбой внутри той коалиции (коммунисты и левые эсеры), которая в начале 1918 года стояла у власти. Левые эсеры категорически высказывались против подписания мира, предлагая вместо него организацию партизанской войны

против германского наступления. Приблизительно аналогичную точку зрения разделяло и меньшинство коммунистической партии. Против заключения мира высказывались также и т.т. Троцкий и Иоффе. Однако т. Ленин необычайно решительно восстал против подобной политики. Он считал, что в тот момент для новорожденной Советской Республики важнее всего была «передышка», которая дала бы ей возможность несколько вздохнуть от напряжения империалистической войны и заняться внутренним экономическим и политическим строительством. Поэтому т. Ленин считал необходимым временную капитуляцию пред физически более сильным врагом, или, выражаясь его собственными словами,- «переход на нелегальное положение по отношению к германскому империализму». Точка зрения т. Ленина, в конце концов, одержала верх, и Брестский мир был подписан и ратифицирован. Товарищи, несогласные с этим шагом, вынуждены были уйти от работы в области внешней политики (так, т. Троцкий отказался от поста Народного Комиссара по Иностранным делам и вскоре был замещен т. Чичериным), но за то российская революция была спасена от преждевременной насильственной смерти и получила возможность дальнейшего победоносного развития. Шаг, который четыре с половиной года тому назад многим казался величайшей политической ошибкой, теперь в свете исторической перспективы невольно поражает своей смелостью и гениальной прозорливостью.

Борьба против последствий Брестского мира.

Период восьмимесячного существования Брестского договора принадлежит к числу тягчайших эпох во внешнеполитической истории Советской России. Германия и ее тогдашний вассал Турция, пользуясь временным ослаблением Российской Республики, стремились выжать из только что заключенного договора максимум выгод, не останавливаясь при этом пред всевозможными искажениями и даже прямыми нарушениями его условий.

Как мы знаем, Россия по Брестскому договору обязалась не вмешиваться в дела Финляндии и Украины,— именно сюда теперь обратила свое внимание Германия.

Уже 10 марта немецкие войска заняли Аландские острова, что послужило прелюдией к их дальнейшему наступлению на Красную Финляндию. Действительно, 3 апреля германский десант был высажен в Ганге, и это явилось началом открытой борьбы Германии в союзе с финскими белогвардейцами против советской власти в Финляндии. 5 апреля особой нотой т. Чичерин протестовал против занятия Ганге германцами, но, конечно, безуспешно. За Ганге наступила очередь других городов. 15 апреля германцами был занят Гельсингфорс, 20 апреля—Свеаборг, 2 мая—Выборг. 8 мая Германия обратилась к России с требованием уступить Финляндии форт Ино. Одновременно германо-финское белогвардейское наступление шло в районе Кеми и на Мурманском направлении. Финская революция истекала кровью под жестокими ударами германо-финских белогвардейцев, десятки тысяч финских рабочих самоотверженно гибли в борьбе против господства капитала, а Советская Республика не могла, не имела права шевельнуть рукой. Она должна была быть безмолвной зрительницей кровавой трагедии финского пролетариата. Таково было требование Брестского договора.

Аналогичные события происходили и на Украине. Киевская Центральная Рада, 5 февраля бежавшая под уда-

рами украинской Красной Армии, обратилась за помощью к Германии, с которой г. Голубович от ее имени только что заключил мирный договор. Германия не заставила себя долго просить. Уже в конце марта немецкие войска появились на территории Украины, ниспровергая везде, куда они приходили, советскую власть, и восстановляя на ее месте власть Центральной Рады. На плечах германских батальонов Центральная Рада совершила свой в'езд в Киев и образовала правительство, во главе которого стал г. Голубович. Однако мелко-буржуазные болтуны из украинских «самостийников» очень скоро надоели германскому правительству, и оно решило обновить власть. 28 апреля Центральная Рада была разогнана немецкими солдатами, и гетман Скоропадский, при благосклонном содействии командующего германскими силами генерала Эйхгорна, об'явил себя диктатором Украины. Начался дикий поход против всего, что хоть в самой отдаленной степени напоминало революцию. Тюрьмы наполнились не только большевиками, но и правыми социалистами, и «самостийниками», и даже левыми либералами. Гражданские свободы были уничтожены, левая печать задушена, профессиональные союзы отданы на поток и разграбление полицейским чиновникам. Буржуазия была снова посажена на свой золотой трон, а помещикам возвращены все их имущества, права и привилегии, которыми они пользовались до революции. На Украине наступила черная ночь, которая прорезывалась лишь пламенем горящих помещичьих усадьб, да молниями все учащающихся крестьянских и рабочих восстаний. Германцы в союзе с русскими белогвардейцами усердно подавляли революционное движение народа, сжигая целые селения до тла и расстреливая тысячи мирных украинских «хлеборобов», но это только подливало масла в огонь, только придавало борьбе все более ожесточенный, все более массовый характер. 30 июля левыми эсерами был убит генерал Эйхгорн, но это мало изменило положение. Реакционная вакханалия продолжалась вплоть до ноября 1918 г., и лишь после германской революции Скоропадский со всей окружавшей его нечистью бежал из охваченной пожаром Украины. Лилась кровь рабочих и крестьян, одна за другой исчезали деревни с лица земли, ужас и смерть вносились в города, а Советская Республика, скрежеща зубами, должна была молча смотреть на разыгры-

вавшуюся перед ней трагедию. Ибо таково было требование Брестского договора.

Однако захват частей российской федерации не ограничился только Украиной в тесном смысле этого слова. Уже 3 мая, несмотря на протесты со стороны советского правительства, немцами был занят Крым, где под их эгидой тотчас же возникло белогвардейское правительство из бывших графов и генералов. 5 мая германские войска вступили в Ростов-на-Дону и вошли в тесный контакт с генералом Красновым, 6—они оккупировали Таганрог. 16 мая австрийские и турецкие войска высадились в Одессе. В течение мая—июня 1918 года немцы в своем неудержимом распространении по всем географическим направлениям постепенно просачивались в чисто-русские области, дойдя даже до южных уездов Курской губернии.

Этого мало. Там, где Германия по тем или иным соображениям не считала удобным появляться сама, она выдвигала фиктивные государственные образования, имевшие целью дальнейшее дробление и ослабление российского государства. Так, в середине мая, Народным Комиссариатом по Иностранным делам была получена декларация некоего «Союза Горцев Кавказа», претендовавшего на полное выделение из состава российской федерации значительной части кавказской территории. Как совершенно точно было установлено, названный «Союз» возник при деятельном участии германских агентов. 26-го мая Грузия об'явила свою независимость,—и этот шаг также совершился при благосклонном содействии со стороны Германии. Германо-турецкие войска постепенно продвигались в сторону Баку, имея целью отторжение от России этого важного в экономическом отношении района. В частях бывших Прибалтийских провинций, оторванных от России Брестским договором, немцы стремились закрепить свое влияние путем соответственной организации государственной власти. 9-го апреля ландтаги Лифляндии, Эстляндии, Риги и Эзеля на совместном заседании приняли решение об образовании «Балтийской монархии», с тем, чтобы монархом было одно из лиц царствующего дома Германии. Почти одновременно в занятой финно-германскими белогвардейцами Финляндии возник вопрос о создании королевской власти, при чем в качестве кандидата на финляндский трон был выдвинут принц Фридрих Мекленбургский.

Впрочем, и самой Советской России Брестский договор доставил массу самых разнообразных неприятностей. Правда, в конце апреля между Германией Россией и произошел обмен официальными посольствами (20 апреля в Берлин выехал т. Иоффе, а 23 апреля в Москву прибыл граф Мирбах). Однако весна, лето и осень 1918 года в отношениях между обоими государствами представляли одну сплошную плоскость трения, чрезвычайно мучительного и болезненного для Советской Республики. Германия делала все возможное для того, чтобы вывести советское правительство из себя. Немецкие подводные лодки на Мурмане и в Черном море как бы невзначай топили русские суда. Немецкие отряды как бы случайно переходили в различных местах установленные демаркационные линии и творили насилия над русским населением. Германские власти и их подручные арестовывали где возможно представителей советского правительетва. Так было, например, с т. Каменевым, в феврале 1918 года отправленным в качестве «чрезвычайного уполномоченного» Советской Республики во Францию. Франция т. Каменева не пустила к себе, и на обратном пути в Россию в конце марта он был задержан германцами на Аландских островах. С Аландских островов т. Каменев попал в Финляндию, где и провел много месяцев в тюремном заключении прежде, чем не был обменен на финнов, арестованных в России.

Не мало огорчений советскому правительству доставляли и неурядицы во взаимоотношениях между Россией и Украиной. Согласно условиям Брестского договора, между обоими республиками должен был быть заключен мир. Действительно, 28-го апреля в Курске открылись заседания русско-украинской мирной конференции. Однако утвердившаяся вслед за этим диктатура Скоропадского внесла полное расстройство в только что начавшиеся переговоры. Место заседаний конференции было перенесено из Курска в Киев. Состав делегации с Украинской стороны претерпел существенные изменения. Изменился также и общий тон взаимоотношений между Россией и Украиной. Подстрекаемое германцами правительство Скоропадского стало проявлять необычайную агрессивность. Особенно обострились отношения между обоими сторонами в связи с вопросом о Донской области, об'явленной в то время генералом Красновым «независимым государством». Россий-

ская делегация настаивала на том, что граница между Украиной и Донской областью должна быть установлена на русско-украинской мирной конференции. Украинская же делегация заявляла, что названная граница должна быть намечена путем непосредственных переговоров между Украиной и генералом Красновым. На этом пункте переговоры зашли в тупик и так и не сдвинулись с места вплоть до германской революции и падения власти Скоропадского.

Одновременно делались попытки урегулировать взаимоотношение между Россией и Финляндией, для чего 20-го июня в Берлине открылись заседания русско-финской мирной конференции. Однако спустя короткое время переговоры прервались, и здесь не приведя ни к каким практическим соглашениям.

Чрезвычайно острое потрясение русско-германские отношения испытали в начале июля 1918 года. 6 июля левыми эсерами, как известно, был убит германский посол граф Мирбах, при чем одновременно в Москве вспыхнуло лево-эсеровское восстание. Последнее было скоро подавлено, ибо не имело никаких серьезных корней в широких массах населения. Но в наших отношениях с Германией убийство Мирбаха вызвало крайнее напряжение, один момент грозившее, казалось, полным разрывом. К счастью для Советской Республики германский империализм в этот момент был уже настолько ослаблен очевидным поражением на западном фронте, что не имел сил для проявления какой-либо агрессивности на востоке. Уже 11-го июля германский канцлер Гертлинг в рейхстаге заявил, что «убийство Мирбаха не вызовет осложнений с Россией». Действительно, Германия ограничилась лишь требованием введения батальона немецких солдат в Москву для охраны германского посольства. Советское правительство ответило отказом. Вслед за тем, путем обмена нот и дипломатических переговоров удалось достигнуть соглашения: подсобный персонал германского представительства в Москве увеличивался до 300 человек, при чем дополнительные силы должны были приезжать небольшими группами без оружия и без немецких мундиров. С своей стороны, советское правительство обязывалось поставить около германского посольства усиленную и особенно надежную охрану. 28-го июля в Москве появился новый немецкий по-

сол Гельферих, известный финансовый и промышленный деятель. Его назначение несомненно означало желание германского правительства войти в более тесные экономические сношения с Россией. Однако для германского империализма было уже поздно. Здание империи Гогенцоллернов трещало по швам, неизбежная катастрофа приближалась. 7-го августа Гельферих был экстренно вызван в Германию для участия в заседании особо важного Коронного Совета, на котором обсуждалось критическое положение страны. Больше он в Россию не вернулся. Заместитель Гельфериха в интересах безопасности решил перенести резиденцию германского посольства из Москвы в более спокойное место. Первоначально он переехал в Петроград, а затем через Финляндию перекочевал в Псков, находившийся в тот момент в районе немецкой оккупации. В Москве же в качестве представителя германского правительства остался генеральный консул Гаушильд, пребывавший здесь вплоть до полного разрыва дипломатических сношений между Россией и Германией.

Быть может, еще тяжелее описанных выше военно-дипломатических осложнений было упорное наступление Германии в сфере экономической. Брестский договор предусматривал, что экономические взаимоотношения между обоими государствами будут урегулированы дополнительным соглашением. В течение всего лета и осени в Москве и Берлине заседали различные смешанные комиссии, имевшие своей задачей подготовить материал для заключения экономического договора. Такой договор действительно был подписан 27-го августа 1918 г.: он представлял собой повторение Бреста, но в финансово-хозяйственной области. Не касаясь деталей, достаточно будет сказать, что Советская Республика обязывалась по разным счетам, пред'явленным ей Германией, в том числе и за убытки, причиненные немцам нашими национализациями (произведенными до 1-го июня 1918 г.), уплатить 1,5 миллиарда марок золотом и банкнотам пятью взносами, 1 миллиард марок товарами, а сверх того Советская Россия должна была заключить в Германии заем на 2,5 миллиарда марок. Германия, таким образом, получала свою «контрибуцию».

Договор 27-го августа явился последней победой германского империализма. Катастрофа приближалась быстрыми шагами, и спустя шесть недель империя Гогенцол-

лернов должна была открыто признать свое политическое и военное банкротство. 3-го октября у власти стало парламентское правительство герцога Макса Баденского, в котором в качестве министра без портфеля принял участие и лидер социал-демократической партии Шейдеман. 4-го октября германское и австро-венгерское правительства заявили о своем согласии на заключение мира на основе «14-ти пунктов» Вильсона. В течение следующего месяца на западном фронте были приостановлены военные действия, и 6-го ноября из Берлина выехала делегация для открытия мирных переговоров с Антантой. Тремя днями позже разразилась германская революция, уничтожившая Германскую Империю и приведшая к власти республиканское правительство, состоявшее из шейдемановцев и независимых.

Исполинское здание германского империализма рухнуло, а вместе с ним рушился естественно и Брестский договор. 13 ноября 1918 года этот договор был единогласно аннулирован ВЦИК без всяких возражений со стороны Германии. Наступление германского империализма на русскую революцию кончилось, а вместе с тем была дописана до конца и одна из наиболее тяжелых страниц в ее истории.

Малая интервенция Антанты.

В противоположность Германии державы Антанты в течение первых месяцев существования Советской Республики обнаруживали в отношении ее сравнительно мало активности. Правда, они отказались признавать новое правительство, больше того, они относились к нему с нескрываемой враждебностью, но открытой войны ему не об'являли. Об'яснялось это прежде всего тем, что в описываемый момент Антанта была слишком поглощена интересами войны и не располагала ни силами, ни энергией для ведения какой-либо действенной политики на востоке. Поневоле ей приходилось соблюдать пассивность и выжидать. Но была и другая причина, об'яснявшая поведение Антанты: державы Согласия все еще не теряли надежды использовать Россию для борьбы с Германией. Поэтому Лондон и Париж засылали в Народный Комиссариат по Иностранным Делам десятки неофициальных и полуофициальных эмиссаров для нащупывания почвы в большевистских кругах, для привлечения советского правительства в стан англо-французского империализма. Положение обязывает, и потому союзники до поры до времени церемонились с рабоче-крестьянской властью.

В интересах справедливости необходимо отметить, что в рассматриваемый период в лагере Антанты явственно проступали две линии в «русском вопросе». Водораздел между державами Согласия уже в то время проходил там, где он с такой резкостью выявился в 1921 году, где он отчетливо выступает и в наши дни. Франция, пострадавшая больше всех от российской революции, так как она сразу потеряла русские долги и русское пушечное мясо, обнаруживала наибольшую враждебность по отношению к советскому правительству. Наоборот, Англия и Америка, гораздо меньше затронутые российским переворотом, склонны были проявить значительно больше терпимости и не переставали подчеркивать, что даже и сейчас они готовы оказывать

поддержку России в ее борьбе с Германией. Так, 12 марта 1918 г. Бальфур в палате общин сказал, что России необходимо помочь против наступающей на нее Германии. Двумя днями позже о том же заявил американский посол в России Фрэнсис. Еще многозначительней было выступление президента Вильсона, приславшего приветственную телеграмму IV Всероссийскому С'езду Советов, созванному для ратификации Брестского договора. Телеграмма эта гласила следующее:

«Пользуясь С'ездом Советов, я хотел бы от имени народа Соединенных Штатов выразить искреннее сочувствие русскому народу, в особенности теперь, когда Германия двинула свои вооруженные силы вглубь страны, с тем, чтобы помешать борьбе за свободу, уничтожить все ее завоевания и вместо воли русского народа осуществить замысел Германии.

Хотя правительство Соединенных Штатов, к сожалению, в настоящий момент не в состоянии оказать России ту непосредственную и деятельную поддержку, которую оно желало бы оказать, я хотел бы уверить русский народ через посредство настоящего С'езда, что правительство Соединенных Штатов использует все возможности, чтобы обеспечить России снова полный суверенитет и полную независимость в ее внутренних делах и полное восстановление ее великой роли в жизни Европы и современного человечества.

Народ Соединенных Штатов всем сердцем сочувствует русскому народу в его стремлении освободиться навсегда от самодержавия и сделаться самому вершителем своей судьбы».

Указанное раздвоение в лагере Антанты продолжалось однако не долго. 18-го марта конференция держав Согласия в Лондоне официально заявила о непризнании ею Брестского договора. С этого момента можно считать начало поворота в русской политике Антанты. Две ранее существовавших в ней линии постепенно сливаются в одну— линию открытой войны против рабоче-крестьянской революции.

Первый акт этой войны разыгрался на крайнем востоке Российского государства. 4 апреля 1918 года во Владивостоке было устроено провокационное нападение неизвестной вооруженной группы на японскую контору Усиди. Это по-

служило необходимым предлогом: 5 апреля во Владивостоке был высажен японский десант, встреченный горячим протестом со стороны Центрального Исполнительного Комитета Советов Сибири. Центральное советское правительство тоже поспешило откликнуться на первую ласточку иностранной интервенции резкой дипломатической отповедью, в ответ на что послы Англии, Франции и Америки в беседе с т. Чичериным заявили о полной непричастности их правительств к выступлению Японии. 10-го апреля британский и американский представители в Москве даже официально уведомили Н. К. И. Д. о том, что японский десант не имеет в виду вмешательства в политические дела России. Конечно, это было не больше, как простое дипломатическое лицемерие, ибо вслед за японским во Владивостоке был высажен и небольшой английский десант, а еще несколько позже французский посол Нуланс в интервью 22-го апреля, отбросив всякие фиговые листки, выступил с откровенной защитой японской интервенции. Цель этой интервенции была совершенно ясна. Опубликованная советским правительством секретная телеграфная переписка, относящаяся к июню 1917 года, не оставляет сомнений в том, что японское правительство уже с марта 1917 года носилось с мыслью об удушении российской революции. Различные обстоятельства помешали ему немедленно приступить к осуществлению своей программы, но теперь оно нашло момент удобным для того, чтобы сделать первый решительный шаг.

Борясь против революции, Япония, конечно, всемерно покровительствовала контр-революции. Действительно, за гранью японских штыков, в сфере японского военно-политического влияния, на Дальнем Востоке стали формироваться очаги белогвардейской реакции. Почти одновременно с высадкой японских войск во Владивостоке, в Пекине возникло Дальневосточное правительство с генералом Хорватом во главе и адмиралом Колчаком в качестве одного из министров, претендовавшее на господство в восточной части Сибири и мечтавшее даже о завоевании Москвы. Тогда же китайское правительство заявило советским властям Сибири, что оно не гарантирует территорию последней от вторжений разбойничьих банд укрывавшегося в Манджурии Семенова, но что оно, тем не менее, ни в коем случае не допустит перехода советских войск на китайскую территорию. Конечно,

за спиной китайского правительства стояла Япония, которая в диком забайкальском атамане нашла удобный инструмент для осуществления своих империалистических планов.

Интервенция на Дальнем Востоке, начатая в апреле 1918 года, оказалась очень длительной и упорной. В течение всего лета японцы продолжали постепенно усиливать свой экспедиционкый корпус в Приморской области, а осенью их примеру последовали и другие члены Антанты. 9 августа во Владивостоке высадился французский десант, два дня спустя зянявший Никольск-Уссурийский, 12 — повторный английский десант, 16—американский. В течение последующих четырех лет политическая ситуация на Дальнем Востоке неоднократно подвергалась крутым переменам, однако иностранная интервенция оказывается там не изжитой вплоть до настоящего дня. Еще и сейчас по улицам Владивостока маршируют японские солдаты, и момент освобождения Дальнего Востока от чужеземного нашествия пока остается неизвестным.

Несколько позднее владивостокской началась интервенция на севере Европейской России. С самого начала октябрьской революции Мурманский район оказался в фактической оккупации англичан, так как этим путем из России стали эвакуироваться многочисленные миссии, организации и общества Антанты, работавшие в России во время войны. Однако в конце июня в Мурманске был высажен уже официальный британский десант, на что т. Троцкий ответил приказом от 1-го июля, об'являвшим борьбу против появившихся на севере английских войск. 4-го июля с аналогичным призывом выступил Архангельский Совет Рабочих Депутатов, и в тот же день англичанами была захвачена Соловецкая радио-станция. К 10-му июля англичанами была занята Мурманская железная дорога вплоть до станции Сороки, а 31-го июля оккупирована Онега. При поддержке пяти крейсеров и четырнадцати миноносцев англичане, все больше расширяя линию фронта, 5-го августа с боем заняли Архангельск, где в то время находились громадные склады военного снаряжения, транспортированные союзниками в Россию еще во времена империалистической войны. Интервенция, таким образом, принимала серьезный характер и из чисто английской постепеннно превращалась в «общесоюзную»: вскоре в Архангельске появились американские,

французские и итальянские солдаты. Как и на Дальнем Востоке, вооруженное вмешательство иностранцев в русские дела имело не только военные, но и политические последствия: под защитой английских броненосцев и английских штыков в Архангельске образовалось эсеро-белогвардейское правительство Чайковского, которое вскоре было признано государствами Антанты. Северная интервенция хотя и оказалась значительно менее упорной, чем дальневосточная, тем не менее затянулась почти на два года и окончательно ликвидирована была только в 1920 году.

Третьим пунктом, где Антанта демонстрировала свои интервентские вожделения, был крайний юг российской федерации. Летом 1918 года турецкие войска начали наступление на Баку. Бакинский Совет Рабочих Депутатов, состоявший в то время в большинстве из эсеров и примыкающих к ним националистических партий Кавказа, не расчитывая отразить турецкое нашествие собственными силами, обратился за помощью к стоявшим в северной Персии английским войскам. Британское командование охотно откликнулось на этот призыв, и 4-го августа Баку было оккупировано английскими частями. Пребывание англичан в Баку ознаменовалось кровавым преступлением, следы которого британскому империализму не скоро удастся смыть с своих одежд: на пути из Красноводска в Асхабад английским капитаном Тиг-Джонсом были расстрелены 26 коммунистов, составлявших до оккупации бакинское правительство.

Все три указанные попытки иностранного вмешательства, взятые сами по себе, не представляли слишком большой угрозы для Советской Республики: они происходили за многие тысячи верст от центра России и распростанялись на территории, не имеющие для нее непосредственно жизненного значения. Гораздо серьезнее была четвертая попытка интервенции, связанная с именем чехо-словаков. Как известно, чехо-словацкие части австро-венгерской армии, крайне враждебно настроенные по отношению к своему дунайскому «отечеству», в самом начале имериалистической войны перешли на сторону России. Впоследствии они стали сражаться на русском фронте против Германии и Австро-Венгрии. Еще во время Брестских переговоров, по указанию из Парижа, чехо словацкие войска начали эвакуацию из России с намерением через Сибирь и Дальний Восток

проехать во Францию для участия в борьбе на западном фронте. Эвакуация эта происходила довольно медленно, так что чехо-словацкие эшелоны растянулись длинной лентой по линии Сызрано-Вяземской, Самаро-Златоустовской и Сибирской железных дорог. Ведь в то время чешских войск в России насчитывалось около 80.000 человек. Так как транспортировка такой значительной армии через всю огромную страну представляла чрезвычайные трудности, то у представителей Антанты в России возникла мысль использовать чехо-словацкие войска для борьбы с «большевистской революцией». Особенно энергично настаивал на этом уже упоминавшийся выше французский посол Нуланс. Заманчивая идея скоро получила свое осуществление. В конце мая 1918 года почти одновременно произошли восстания чехо-словацких войск в Пензе, Златоусте, Челябинске и Марьяновке (под Омском), имевшие своим последствием уничтожение советской власти и возникновение реакционных правительств в районах их влияния. Действительно, в начале июня в Самаре образовался эсеровский Комитет членов Учредительного Собрания, а в Омске — эсеро-белогвардейское Сибирское Правительство. После занятия Екатеринбурга чехо-словаками, там возникло кадетско-эсеро-меньшевистское Областное Правительство Урала, а в Оренбургской области утвердилась диктатура атамана Дутова. Благодаря описанным действиям летом и осенью 1918 года вся Россия к востоку от Волги оказалась во власти контр-революции, кичливо похвалявшейся, что она скоро водрузит свои белые знамена в Москве.

Советское правительство сразу же решило принять крутые меры против чехо-словацкой интервенции. Уже 30-го мая т. Троцкий издал приказ о повсеместном разоружении чехо-словацких войск в России, а декретом 12-го июня было закрыто отделение Чехо-словацкого Национального Совета в России. Антанта очень живо реагировала на эти мероприятия. 3-го июня Версальская конференция держав Согласия решила оказать поддержку чехо-словакам, а 4-го июня представители этих держав в России официально заявили советскому правительству, что чехо-словацкие войска являются частью союзных армий, и что всякое выступление против них будет рассматриваться последними, как враждебный акт по отношению к государствам Антанты. Конечно, советское правительство не могло

считаться с правилами дипломатического этикета, когда опасность угрожала его дому. И потому оно повело решительную борьбу против чехо-словацких войск и примкнувших к ним контр-революционных отрядов, борьбу, развернувшуюся в дальнейшем в одну из самых трагических страниц российской революции. Могучий энтузиазм рабоче-крестьянских масс сумел, в конце концов, преодолеть все преграды и победоносно отразить натиск реакции с востока. Но нельзя забывать, что уничтожение самарских эсеров, Колчака и Семенова потребовало двух лет ожесточенной гражданской войны и стоило многих десятков тысяч человеческих жизней. Такова была цена чехо-словацкой интервенции.

Описанные формы открытой борьбы против советской власти гармонично дополнялись энергичной поддержкой внутренней контр-революции. Весной и летом 1918 года «союзные» посольства в России стали очагами белогвардейской деятельности. Отсюда текли деньги в руки различных офицерских организаций, «национальных центров», «союзов защиты родины и свободы». Отсюда давались директивы анти-советским политическим партиям и группировкам. Отсюда исходила инициатива восстаний, и террористических актов. Теперь уже совершенно точно известно, что, например, эсеры находились в тесной связи с французской миссией, и что знаменитое июльское восстание в Ярославле было устроено Савинковым по указанию представителей Антанты в России. Больше того, имеются достоверные сведения, что английский лейтенант Сидней Рейли подготовлял захват Вологды белогвардейцами, а британский представитель в Москве Локкарт пытался подкупить латышских стрелков для устройства переворота. В августе месяце советскими властями были установлены тайные собрания русских и иностранных белогвардейцев в доме американского консульства в Москве и в английском посольстве в Петрограде. При аресте последнего собрания произошла перестрелка, при чем случайно был убит английский морской агент Кроми.

Таковы были формы и проявления «малой интервенции» Антанты 1918 года. Это был первый еще неуверенный натиск на позиции российской революции, который исторически явился прологом к великой борьбе 1919 - 20 г. г. Скоро однако ветер начал крепчать, а политический барометр определенно показывать грозу.

Разрыв сношений с капиталистическим миром.

Первым предвестником надвигающейся бури явился полный разрыв экономических и политических сношений между Советской Россией и остальным капиталистическим миром, совершившийся на рубеже 1918-19 г.г.

Мы уже знаем, что хотя советское правительство не было признано державами Антанты и нейтральными государствами, однако дипломатические представители последних, пребывавшие в России в эпоху Керенского, не уехали, а остались на месте. Больше того, они поддерживали неофициальные сношения с новой властью, подчас стараясь воздействовать на нее в желательном для них направлении.

Советское правительство, с своей стороны, тоже пыталось установить известные отношения с государствами Запада. Старые послы и консулы, правда, были лишены своих полномочий, но советское правительство непосредственно после своего возникновения стало формировать свой собственный дипломатический корпус за границей. В конце 1917 года, находившийся в то время в Лондоне т. Литвинов был арестован английскими властями. Приказом 22-го декабря 1917 года т. Троцкий назначил т. Литвинова «временным уполномоченным Н. К. И. Д. в Англии», после чего британское правительство вынуждено было освободить т. Литвинова и даже предоставить ему возможность выполнять свои функции. В течение последующих девяти месяцев британское правительство считало необходимым поддерживать с т. Литвиновым неофициальный контакт. В начале 1918 года такими же «временными уполномоченными» были назначены: т. Воровский в Швеции, т. Сурин в Дании, т. Симонов в Австралии и английский коммунист Маклин в Шотландии. В феврале 1918 года т. Каменев был отправлен в качестве «чрезвычайного уполномоченного» во Францию, однако не был туда допущен и вынужден был вернуться назад в Россию, испытав по дороге все прелести

ареста и заключения в белогвардейской Финляндии. Только 1-го августа 1918 года т. Каменев был освобожден из Улеаборгской тюрьмы. В конце апреля того же года из Москвы выехал т. Берзин в качестве уполномоченного советского правительства в Швейцарии. Последнее, под давлением только что заключившей с Россией мир Германии, согласилось принять т. Берзина и допустить его к исполнению возложенных на него обязанностей. Менее удачна была попытка завязать сношения с Голландией. Правда, голландское правительство дало разрешение на въезд советского представителя в Нидерланды, однако направленный туда т. Розин был задержан по дороге германскими властями (дело происходило уже после германской революции) и возвращен назад в Россию. Значительно позднее, уже к концу 1918 г., советским уполномоченным в Соед. Штатах был назначен находившийся там т. Мартенс. Что касается центрально-европейских держав, то с ними после Брестского договора были установлены вполне официальные дипломатические сношения. Как уже упоминалось выше, советским послом в Германии был назначен т. Иоффе, а генеральным консулом в Берлине — т. Менжинский. Российским представителем в Австро-Венгрии должен был быть т. Каменев, однако, задержанный в Финляндии, он не смог отправиться к месту своего назначения. Как видим, число советских представителей за границей в 1918 году было еще очень незначительно, но первое звено нового дипломатического корпуса все-таки было создано, и, не вмешайся интервенция, вероятно уже в 1919 году уполномоченных рабоче-крестьянской республики можно было бы встретить во всех концах света.

В действительности, однако, случилось совсем иное. Надежды на вооруженное подавление российской революции не давали спать владыкам Лондона и Парижа, а это, в свою очередь, мешало им трезво взглянуть на действительность и признать факты таковыми, как они есть. Вместо того, чтобы сразу отнестись к советскому правительству, как к фактическому правительству России, и на этой базе попытаться наладить с ним хотя-бы чисто деловые отношения, державы Антанты бросились на путь вооруженных авантюр, с помощью которых они надеялись фальсифицировать волю русского народа. Эта политика стоила огромных потерь людьми и деньгами обоим сторо-

нам, особенно же России, и на целых три года задержала естественный ход развития. Эта политика, в частности, отразилась и на экономических и политических отношениях России и капиталистического мира.

Как мы уже знаем, в течение первых пяти месяцев после октябрьской революции дипломатические представители Антанты в России не выходили из состояния пассивности и выжидания. Однако в начале марта 1918 года, когда был подписан Брестский договор, они переехали из Петрограда в Вологду. Официальная версия гласила, что союзные послы в виде протеста против заключения мира собираются покинуть Россию,—в действительности-же им просто казалось слишком опасным оставаться в Петрограде, находившемся под угрозой германских штыков и в непосредственной близости от финляндской границы. В течение ряда последующих месяцев Вологда являлась дипломатической ставкой Антанты в России (здесь находились французский посол Нуланс, американский—Фрэнсис, итальянский—Торрети, английский—Линдлей, японский—Марумо и др.), где в тишине посольских помещений ковались цепи и ножи против российской революции. Впрочем, в Вологду переселились только наиболее видные представители дипломатического корпуса Антанты. Второстепенные персонажи вплоть до полного разрыва сношений продолжали оставаться в Петрограде и Москве, по мере сил и возможности стараясь здесь вредить советскому правительству.

С началом интервенции отношения между новой властью и представителями держав Антанты стали быстро ухудшаться. Когда французский посол Нуланс в интервью 22-го апреля выступил на защиту японского десанта во Владивостоке, Н. К. И. Д. обратился к французскому правительству с требованием его немедленного отозвания. Французское правительство отказалось. Тогда Нуланс был об'явлен частным лицом, лишенным прав и привилегий, которыми пользуются дипломатические представители. Так как контр-революционная роль «союзных» послов становилась все более несомненной, то 2 мая последовало распоряжение советского правительства о воспрещении им пользоваться шифром. Еще более обострилось положение, когда началось восстание чехо-словаков. Связь этого восстания с «союзными» посольствами, в осо-

бенности с французским посольством, была настолько очевидна, что невольно заставляла серьезно задуматься. Не менее очевидна была поддержка, оказываемая теми-же посольствами различным контр-революционным организациям внутри России. Вологда мало-по-малу превращалась в центр, куда со всех сторон стекались белогвардейские элементы и где каждый момент мог произойти анти-советский переворот. Когда вспыхнуло ярославское восстание, опасность стала слишком реальной. Медлить больше было нельзя. Поэтому 19 июля т. Чичерин обратился с нотой к послам Антанты, предлагая им переехать из Вологды в Москву. В тот же день в Вологду был командирован т. Радек, имевший задачей уладить без большого скандала назревающий конфликт. Представители Антанты категорически отказались ехать в Москву, мотивируя это тем, что там они не будут себя чувствовать в полной безопасности. В ответ им было указано, что в случае восстания в Вологде, советские войска вынуждены будут обстреливать город, а при этом они могут серьезно пострадать. В конце концов, был найден компромисс: 22-го июля представители Антанты покинули Вологду и выехали в Архангельск, откуда 30-го июля они перебрались в Мурманск. Позднее Нуланс, Фрэнсис и др. «киты» дипломатического мира вернулись назад к себе на родину, а на территории, подчиненной контр-революционному северному правительству, остались лишь второстепенные представители союзных держав.

Между тем в Москве и Петрограде люди Антанты продолжали вести анти-советскую работу, и российскому правительству волей-неволей приходилось вступать на путь пресечения их вредной деятельности. 31-го июля в Петрограде были произведены аресты в союзно-дипломатических и буржуазных кругах, а 1-го сентября в Москве был арестован английский представитель Локкарт. 3-го сентября к т. Зиновьеву явились все находившиеся в Петрограде иностранные представители с протестом против «красного террора», при чем весьма характерно, что в этой демонстрации совместно участвовали дипломаты Антанты и дипломаты центрально-европейских держав. 5-го сентября швейцарский представитель Одье от имени всех своих коллег направил аналогичную ноту протеста Народному Комиссару по Иностранным Делам.

Разрыв с каждым днем становился все глубже, а вместе с разрывом естественно наступала ликвидация и дипломатических отношений. После от'езда «союзных» послов из Вологды, а в особенности после арестов, произведенных в августе—сентябре в антантовских сферах Петрограда и Москвы, начался массовый «исход» иностранцев из России. Все, кто мог, стремились получить визу и покинуть пределы Советской Республики. Бежали не только частные лица, но и дипломатические представители. Сначала эта паника захватила лишь дипломатов Антанты, но потом их примером заразились и нейтральные дипломаты. Один за другим, под разными более или менее благовидными предлогами, уезжали иностранные послы и консулы, пока, наконец, дипломатические кварталы Москвы и Петрограда совершенно не опустели. Представители нейтральных стран выпускались свободно, также свободно были отпущены и представители Соединенных Штатов (тогда Америка занимала относительно дружественную России позицию). Дипломаты же Антанты получали разрешение на выезд лишь в обмен на задержанных в странах Согласия сторонников Советской России.

Но разрыв дипломатических сношений коснулся не только держав Антанты и нейтральных государств,—он распространился также и на центрально-европейские страны. 5-го ноября, за 4 дня до германской революции, т. Иоффе вместе со всем посольством был выслан из Берлина. Причиной для столь экстраординарной меры послужило следующее обстоятельство: на берлинском вокзале «случайно» упал и разбился один из ящиков, пришедший с дипломатической почтой из России, при чем обнаружилось, что ящик наполнен зажигательными прокламациями к германскому пролетариату. Конечно, все это была сплошная провокация, так как никаких прокламаций в дипломатическую почту в Москве никто не вкладывал. Однако данного факта для германского правительства оказалось достаточным для того, чтобы отделаться от присутствия в Берлине столь неприятных гостей.

9-го ноября разразилась германская революция, уничтожившая империю Гогенцоллернов. Вильгельм бежал в Голландию, а Германия была об'явлена республикой, и у власти стало правительство Шейдемана, состоявшее из социал-демократов большинства и представителей партии

независимых. Казалось бы теперь, когда во главе Германии оказалось социалистическое правительство, отношения между ней и Советской Россией должны были стать особенно близкими и сердечными. Действительность однако сулила жестокое разочарование. Социал-демократы большинства, смертельно боявшиеся превращения Германии в советскую республику, стремились держаться возможно дальше от Москвы, а трусливо-бесхарактерные независимые позволяли тащить себя на поводу. В результате отношения между Германией и Россией после 9-го ноября не только не улучшились, но определенно ухудшились. 11-го ноября ВЦИК отправил из Москвы в Берлин 25 вагонов хлеба для голодающего немецкого народа,—уже 17-го ноября Гаазе от имени нового германского правительства отказался от русского подарка. Советы рабочих и солдатских депутатов, в первые недели революции покрывшие собой всю территорию Германии, настойчиво требовали возвращения в Берлин т. Иоффе. Однако социалистическое правительство под разными предлогами уклонялось от исполнения этого требования, пока в январе 1919 г. не произошел разгром «спартаковскаго движения». Больше того, когда ВЦИК в начале декабря отправил в Берлин особую делегацию в составе т.т. Радека, Бухарина, Иоффе, Игнатова и Раковского для участия во Всегерманском С'езде Советов, немецкие власти воспретили ей в'езд в страну. Всегерманский С'езд энергично протестовал против действия правительства, но не мог добиться отмены принятого решения. А 28-го декабря германское правительство специально заявило, что оно не допустит никакого представительства Советской России в Германии, хотя бы это был даже Красный Крест. С начала 1919 г. разрыв отношений между Россией и Германией стал полным и только два года спустя, уже после окончания большой интервенции Антанты, возобновились прерванные дипломатические сношения между обоими государствами.

Одновременно с от'ездом иностранных дипломатических представителей из России шло возвращение в Россию советских уполномоченных за границей. Возвращение это в разных случаях носило различный характер, подчас сопровождаясь целым рядом более или менее драматических подробностей. Выше уже упоминалось об убийстве

английского морского агента Кроми во время ареста белогвардейского собрания в Петрограде. Британское правительство потребовало удовлетворения за эту смерть и для вящей убедительности 6-го сентября арестовало т. Литвинова в Лондоне. В результате последовавших затем переговоров Литвинов вскоре был освобожден и 26 сентября вместе с 54 другими русскими был отправлен в Россию в обмен на арестованных в Москве англичан и французов. Так как другой советский представитель в Великобритании англичанин Маклин еще раньше был приговорен судом к 5 годам принудительных работ, то с от'ездом Литвинова всякое представительство Советской России в Англии было ликвидировано. Несколькими неделями позже должен был покинуть Швейцарию и т. Берзин. 8-го ноября Швейцарское Федеральное Правительство предложило ему выехать из пределов страны, а 10-го в Швейцарии вспыхнула всеобщая забастовка, как протест против мероприятий, принятых швейцарскими властями для предупреждения празднования октябрьской революции. Два дня спустя т. Берзин вместе со всем своим штатом был выслан из Швейцарии и к концу ноября прибыл в Россию. 19-го декабря т. Воровский получил от шведского правительства запрос, «не пожелал ли бы он уехать из Швеции». Так как т. Воровский такого желания не обнаружил, то 22-го января 1919 г. он получил от шведского министра иностранных дел официальное предложение выехать из Швеции и вскоре затем очутился в России. Несколько раньше Воровского в Москву прибыл не доехавший до Голландии т. Розин, а вслед за ним и т. Суриц из Копенгагена. После их приезда единственным представителем Советской Республики за границей остался т. Мартенс в Соединенных Штатах, сумевший продержаться там до осени 1919 г.

Приблизительно на рубеже 1918—19 годов разрыв дипломатических сношений между Советской Республикой и иностранными державами стал совершившимся фактом. Клемансо—главный вдохновитель борьбы против рабоче-крестьянской России провозгласил, что для решения «русского вопроса» есть только один рецепт, состоящий из трех слов: «интервенция и блокада». Клемансо удалось добиться принятия этой программы Верховным Советом Антанты, и с конца 1918 г. началось практическое про-

ведение ее в жизнь. Соединенными силами «союзников» Россия была изолирована от всего остального мира и окружена двойным кольцом политической и экономической блокады. Вместе с тем в широких размерах началась вооруженная борьба против советской власти. Эпоха «малой интервенции» кончилась, наступила эпоха открытой войны капиталистического мира против российской революции.

Война Антанты против Советской России.

Эта война обнимает собой два года—1919 и 1920. Она началась наступлением Колчака и кончилась разгромом Врангеля. Однако не весь этот период носил одинаковый характер.

Несомненно наиболее грозным и опасным для Советской Республики явился 1919 год. Он видел максимальное напряжение сил российской и мировой контр-революции. В этом году Советская Россия, территория которой в то время обнимала лишь полтора десятка центральных губерний, все время находилась в огненном кольце. С востока на нее наступали полчища Колчака, с юга шел Деникин, с севера—Миллер, с северо-запада—Юденич. На польской границе все время было неспокойно: правда, Польша открытой войны против Советской Республики не вела, однако она не переставала тревожить своими выступлениями наши западные окраины. Вооруженная борьба происходила и в Прибалтике. Еще в конце 1918 года, непосредственно после германской революции, в Литве, Латвии и Эстонии возникли социалистические советские республики, официально признанные ВЦИК декретом от 24-го декабря 1918 года. Буржуазно-помещичьи элементы прибалтийского края при активной поддержке со стороны Антанты через несколько месяцев сумели опрокинуть здесь рабоче-крестьянскую власть*). Создались белая Эстония, белая Латвия, белая Литва. Подстрекаемые Англией и Францией Латвия и Эстония вступили в борьбу с Советской Россией, а Финляндия, не начиная открытой войны, всячески поддерживала контр-революционные выступления Прибалтики. Одна Литва осталась нейтральной, но это не меняло общего положения.

Ожесточенная гражданская война в течение всего 1919 года кипела по границам Советской Республики.

---

*) Впрочем, советское правительство Латвии просуществовало еще около года и ликвидировалось лишь в начале 1920 года.

Богатейшие хлебные районы России, районы угля, нефти и железа были заняты неприятелем. Связь с внешним миром была разорвана. Голод и холод царили в городах и селениях рабоче-крестьянской страны. Неоднократно враг стоял у ворот Москвы и Петрограда, и тело революции, казалось, холодело в последних судорожных усилиях. Жизнь, однако, величайшая из всех волшебниц. Концентрическая аттака капиталистического мира против Советской Республики разбилась о могучий энтузиазм трудящихся масс. Свершилось то, что, повидимому, было невозможно. Летом 1919 года был нанесен смертельный удар Колчаку, а пятью месяцами позже были повержены в прах Деникин и Юденич. С разгромом главных вождей контр-революции изменился тон их подручных с берегов Балтийского моря, в Архангельске и на Кавказе. Стало меняться и настроение больших господ в Лондоне и Париже. Их уверенности в быстрой и легкой победе над российской революцией был нанесен серьезный удар: Красная Армия начинала учить их трезвости и благоразумию.

Однако, правительства Антанты так просто не хотели сдаваться. Не понимая внутренней сущности российской революции, они склонны были об'яснять неудачи 1919 года случайными причинами. Поэтому, они считали необходимым попытать счастья еще раз. Наступил 1920 год—год польского наступления и авантюры Врангеля. Он дорого обошелся обоим сторонам. Он стоил сотен тысяч жизней и беспримерного разрушения материальных ценностей. Но 1920 год вторично доказал то, что уже было сказано 1919 годом. Он доказал, что капиталистический мир бессилен раздавить социалистическую революцию, и что с помощью танков и пулеметов в России нельзя сокрушить рабоче-крестьянскую власть. Только тогда державы Антанты вынуждены были признать свое поражение и, вложивши меч в ножны, протянуть Советской Республике руку примирения.

Когда говорит пулемет, молчит язык дипломата. Вполне естественно, поэтому, что дипломатическая история описываемого периода была весьма бедна выдающимися событиями. Особенно это верно по отношению к 1919 году. Но жизненные процессы не останавливаются. И как раз в годы ожесточенной борьбы капиталистического мира против Советской Республики сложились те условия, ко-

торые подготовили в дальнейшем целый ряд блестящих побед советской дипломатии в области внешней политики. Для того, чтобы легче ориентироваться в этих условиях, необходимо бросить беглый взгляд на позиции главнейших держав в эпоху «большой интервенции» Антанты.

Мировое положение, сложившееся после 1918 года, характеризовалось прежде всего полным исчезновением с политической арены Германии, как действенного фактора. Военный разгром временно вывел ее из игры. Из суб'екта политики она превратилась в ее об'ект. Задавленная Версальским договором, бесконечно усталая от только-что пережитого ею напряжения, она похожа была на тяжело раненого волка, забравшегося в берлогу и там зализывающего свои язвы. Влияние Германии на международные отношения в 1919—20 г.г. совершенно не чувствуется, она точно исчезла с европейской арены. Еще хуже было положение Австро-Венгрии. Она прекратила свое прежнее государственное существование, распалась на части и совершенно ушла из орбиты международной политики.

Зато в эти годы полновластно господствовала Антанта. Она определяла судьбы мира, она пыталась решать и судьбы России. Однако не все державы Антанты мыслили и действовали одинаково. Каждая из них имела свои особые интересы и в зависимости от этого вела свою особую политику.

Наиболее упорным и непримиримым врагом Советской Республики в течение всего периода «большой интервенции» являлась Франция. Это было понятно. В довоенные годы Россия интересовала Францию в двух отношениях: во-первых, как должник, который платит исправно причитающиеся с него проценты, во-вторых, как неисчерпаемый источник живой силы, с помощью которой Франция всегда сможет грозить Германии. Как рынок сбыта или как источник сырья, Россия Францию интересовала сравнительно мало, так как французская промышленность никогда не отличалась крупными размерами и работала главным образом на внутренний рынок. Октябрьская революция сразу лишила Францию и русского пушечного мяса и одолженных России денег. Понятны были злоба и негодование французской буржуазии. И так как вернуть ей и то и другое могла только реставрация сильной *реакционной* власти, то Франция твердо взяла курс на уничтожение Советской

Республики. На меньшем она не считала возможным примириться, так как всякое компромиссное решение ставило под вопрос осуществление ее вожделений. Однако в осуществлении своей политики Франция не всегда проявляла достаточную последовательность. Так, с одной стороны, она ставила ставку на русских «белых генералов», которые должны были создать единую и платежеспособную Россию. С другой стороны, та же Франция покровительствовала Польше, заигрывала с Латвией и Эстонией, мечтала о создании самостоятельной Украины с преобладающим французским влиянием, т.-е. содействовала расчленению России, а стало-быть, и ослаблению военной и экономической мощи. Данное противоречие об'яснялось самой противоречивостью об'ективного положения: «белые генералы» были недостаточно сильны для того, чтобы опрокинуть советскую власть; в качестве союзников против большевиков приходилось брать окраинные нации и государства, а последние были проникнуты духом сепаратизма Франция не сумела распутать этого клубка. Его распутала Советская Республика, создав сильную единую (хотя и федеративную) Россию под красным знаменем революции

В противоположность Франции, Англия в своей русской политике обнаруживала сравнительно много гибкости и терпимости. И это также было совершенно понятно. В довоенные годы Россия представляла для Англии обширный рынок сбыта и значительный источник сырья. В русских займах Англия участвовала мало, а в области политики сталкивалась с Россией, главным образом, на Ближнем и Среднем Востоке. Революция мало затронула непосредственные интересы Англии, а последовавший за империалистической войной тяжелый промышленный кризис побуждал ее искать рынка для сбыта своих товаров. Россия могла бы быть таким рынком, и, потому воюя против нее. Ллойд-Джордж никогда не забывал, что он воюет с страной огромных экономических возможностей. Он готов был прекратить борьбу в тот момент, когда русский рынок стал бы доступен английской промышленности, а для этого вовсе не было необходимости в предварительном уничтожении рабоче-крестьянской власти. Торговать можно было и с Советской Россией. Естественно поэтому, что Англия всегда обнаруживала известную склонность к соглашению с рабоче-крестьянской властью при условии, что последняя

позволит ей эксплоатировать рессурсы и население своей страны. Однако и в английской политике также не было твердой последовательности, ибо правительство Великобритании всегда запиналось о «восточный вопрос». Белый царь был достаточно неприятным для Англии соседом в Малой и Средней Азии,—красный Ленин сулил ей еще меньше хорошего. Советская Республика, бросившая в массы Востока великий лозунг самоопределения народов, Республика, сумевшая осуществить этот лозунг на своей территории, являлась, конечно, вечной угрозой для самих основ британского империализма. По вопросу о мерах борьбы с этой угрозой мнения в правящих кругах Англии расходились: одни, как Ллойд-Джордж, находили, что лучшим способом для ослабления опасности является соглашение с Советской Россией, другие, как Черчилль, полагали, что единственным выходом может быть только беспощадная борьба. В результате политика Англии в 1919—20 г.г. обнаруживала резкие колебания,—от мира к войне и обратно, пока, наконец, победа русской революции не дала перевеса линии Ллойд-Джорджа.

Крутой перелом в течение описываемого периода испытала политика Соединенных Штатов. Как мы уже знаем, в 1917—18 г.г. позиция американского правительства по отношению к Советской России выгодно отличалась от позиции других держав Антанты. Президент Вильсон неоднократно подчеркивал, что он не думает ни о каком вмешательстве в русские дела, и что он желает русскому народу только свободы и благополучия. Правда, во Владивостоке и Архангельске в 1918 году были высажены американские дессанты. Однако справедливость требует признать, что большой контр-революционной активности они не обнаружили и сопутствовали англичанам и французам главным образом из соображений союзнического этикета. В первой половине 1919 года Соединенные Штаты продолжали держать все ту же примирительную линию, способствуя достижению какого-либо соглашения между державами Антанты и Советской Республикой. Но со второй половины того же года замечается резкий поворот. 1919 год в Америке был полон бурных и многочисленных стачек, сильно напугавших местную буржуазию. Испуг этот еще больше увеличился, когда 21 марта в Венгрии образовалась Советская Республика, за которой последовали та-

кие же Республики в Баварии и Словакии. Призрак коммунизма воистину бродил по всему миру. Президентские выборы, приведшие к власти вместо слезоточивого «демократа» Вильсона определенного империалиста и реакционера Гардинга, только оформили и закрепили совершившийся в общественном мнении перелом. Отношение к Советской России сразу изменилось, начались преследования советского представителя в Соединенных Штатах т. Мартенса, принудившие его в конце 1920 года покинуть Заокеанскую республику. С тех пор официальная Америка застыла в своем тупо-враждебном отношении к Советской России, что впрочем легко об'яснялось ее малой заинтересованностью в установлении тесных связей с последней. Политически Россия была ей не очень нужна, так как американо-японский конфликт еще не созрел до степени открытого столкновения, мешаться же в гущу европейских военно-политических противоречий она отнюдь не собиралась. Экономически Россия представляла для Америки также малую приманку, ибо русско-американская торговля в довоенные годы представляла совершенно ничтожную величину, местом-же приложения для ее свободного капитала после войны стала Южная Америка и район Тихого океана. Соединенные Штаты могли позволить себе поэтому роскошь политики выжидания и бездействия в период «большой интервенции» и позже.

Совсем особую политику в рассматриваемую эпоху вела Япония. Ее непосредственные интересы сводились к захвату известной части Дальнего Востока. А так как достижение этой цели было тем легче, чем слабее была Россия, то Япония больше всего стремилась к максимальной дезорганизации российской государственности. Ей в сущности одинаково опасна была и белая, и красная Россия, поскольку она вообще была сильна. Поэтому, хотя политические симпатии господствующих классов Японии были всецело на стороне Колчака, токийское правительство с большой сдержанностью относилось к мечтам сибирского диктатора о завоевании Москвы. Ему гораздо выгоднее было иметь рабоче-крестьянскую республику в Москве и буржуазную монархию в Сибири, дабы на распаде и междуусобной борьбе России наживать себе политический и территориальный капитал на Дальнем Востоке. Вот почему японская помощь Колчаку была очень коварной помощью: ровно настолько,

чтобы ни Колчак не мог побить большевиков, ни большевики не могли побить Колчака. И так как одно время казалось, что Колчак готовится побить большевиков, то для предупреждения этой опасности Япония стала прикармливать забайкальского бандита Семенова, который должен был позаботиться о том, чтобы власть Колчака не стала слишком всемогущей.

Какова была основная линия российской политики в описываемый период?

Эта линия лучше всего характеризовалась термином «мирная оффензива». В течение 1919—20 г.г. Советская Россия бесконечное число раз демонстрировала перед всем миром свои определенно пацифистские стремления. Однако необходимо указать, что ее пацифизм не походил на слабонервный пацифизм буржуазных демократов Запада, боящихся крови и потому предоставляющих поле битвы милитаристам. Пацифизм Советской России был иного рода. Два года она упорно дралась с мечем в руках, отстаивая завоевания революции, но всегда, даже в самый разгар ожесточенной битвы не забывала, что целью ее политических стремлений является мир, тот справедливый «демократический» мир, которого не хотели и не умели дать Европе буржуазные правительства Запада. И всякий раз, как в сменяющемся ходе событий открывалась малейшая надежда на возможность прекращения войны, она усиленно хваталась за эту возможность, пытаясь претворить ее в практическое дело. Если, тем не менее, война опустошала российскую территорию в течение целых двух лет, то это была не вина Советской Республики. Эта была вина ее врагов.

Мирные выступления Советской России чрезвычайно многочисленны. Они начались еще в эпоху «малой интервенции». Так уже 5-го августа 1918 года т. Чичерин отправил американскому консулу в России Пулю особую ноту, в которой, заявляя протест против вмешательства Антанты в русские дела, просил его выяснить, какую цель преследует английское правительство, высаживая свои войска на Архангельском севере: желает ли оно таким образом уничтожить рабоче-крестьянскую власть, или же хочет получить для себя какую-либо определенную территорию?

24-го октября того же года Советское правительство отправило ноту президенту Вильсону, в которой оно спра-

шивало последнего, какой ценой может быть куплено прекращение интервенции держав Антанты? 3-го ноября советское правительство через посредство представителей нейтральных государств, еще находившихся в России, предложило всем державам Антанты начать мирные переговоры, а 7-го ноября 6-ой Всероссийский С'езд Советов официально обратился к правительствам Антанты с предложением мира, уполномочив НКИД принять все необходимые в этом направлении шаги. 23 декабря посланный в Швецию т. Литвинов снова обратился ко всем державам Антанты с предложением начать прелиминарные переговоры о прекращении войны. Вскоре после того им послана была аналогичная телеграмма президенту Вильсону. В начале января 1919 г. в сенатской комиссии внешних сношений в Вашингтоне был поднят вопрос о причинах иностранной интервенции в России, — советское правительство немедленно же послало радио американскому правительству, в котором просило указать время и место для открытия мирных переговоров. Около того же времени французское правительство сделало заявление (правда, оказавшееся впоследствии сплошным лицемерием) об отказе от вмешательства в русские дела,—17-го января советское правительство запросило державы согласия о том, где и когда могут быь начаты переговоры о восстановлении мира.

23-го января 1919 года Антанта, по предложению президента Вильсона, обратилась с телеграфной декларацией ко всем фактическим правительствам Европейской России и Сибири, в которой она им предлагала прислать своих представителей на Принцевы острова около Константинополя, где совместно с ее уполномоченными должны были быть выработаны меры к прекращению опустошавшей Россию гражданской войны. Советское правительство ответило на это приглашение нотой от 4-го февраля, одобренной впоследствии ВЦИК, в которой, заявляя о своей полной готовности идти на заключение мира, оно соглашалось также признать финансовые обязательства прежних русских правительств странам Антанты, производить уплату сырьем процентов по государственным займам, предоставить капиталу держав Согласия концессии, совместимые с сохранением советского строя, и, наконец, произвести даже территориальные уступки, т.-е. отказаться от притязаний на те области бывшей Российской Империи,

которые в данный момент были заняты различными контрреволюционными правительствами. Кажется, трудно было идти дальше по пути уступчивости. В противоположность советскому правительству Колчак, Деникин и другие «белые генералы» решительно отказались идти на соглашение с большевиками, и в середине марта державы Согласия заявили, что в виду сложившихся обстоятельств конференция на Принцевых островах не может состояться.

Однако прежде, чем было сделано это заявление, в Россию секретно прибыл начальник информационного отдела американской мирной делегации в Париже Буллит, который от имени Вильсона предложил советскому правительству проект соглашения между всеми фактическими правительствами России. Проект этот, содержание которого было известно и Ллойд-Джорджу, подвергся в Москве внимательному рассмотрению и был принят с некоторыми поправками, одобренными также и Буллитом. В окончательной редакции проект гласил следующее: по предложению держав Антанты между всеми наличными правительствами России заключается перемирие и вслед за тем созывается конференция для установления прочного мира. Блокада с Советской Республики снимается и с ней возобновляются экономические и политические сношения. Иностранные войска с российской территории удаляются, а вооруженные силы отдельных российских правительств сокращаются в определенной пропорции. Все правительства России обязуются совместно оплатить обязательства бывшей Российской Империи, причем захваченное чехо-словаками в Казани русское золото и русское золото, отобранное у Германии, должно рассматриваться, как частичная уплата советскими республиками России части падающего на них долга. Все российские правительства об'являют взаимную амнистию, и населению подчиненных им территорий предоставляется возможность произвести желательные для него изменения политического строя. Советское правительство соглашалось принять данный проект, если он будет предложен ему до 10-го апреля 1919 года. План Буллита, по возвращении его в Париж, вначале встретил полное одобрение со стороны Ллойд-Джорджа, но затем был отложен в сторону и забыт. Как раз в это время началось успешное насту-

пление Колчака, и державы Антанты возложили все свои надежды на сибирского диктатора.

В апреле 1919 г. известный путешественник Фритиоф Нансен предложил советскому правительству допустить в пределы России особую комиссию для распределения продовольствия и медикаментов среди населения при условии прекращения военных действий, однако без всяких гарантий, что это прекращение не будет использовано потивниками Советской Республики для новых ударов и нападений. 7-го мая советское правительство ответило согласием на предложение Нансена, но заявило, что переговоры о прекращении военных действий могут вестись лишь сами-ми представителями Антанты. Ответ советского правительства был Нансеном передан правительствам Согласия, однако никаких встречных шагов с их стороны сделано не было.

5-го декабря 1919 года, уже после разгрома Колчака, Деникина и Юденича, VII Всероссийский С'езд Советов вновь предложил государствам Антанты начать мирные переговоры, однако и на этот раз со стороны последних не было получено никакого ответа. Французское правительство в то время подготовляло новое наступление Польши, а британское правительство помогало Врангелю превратить остатки разбитой деникинской армии в боеспособную силу.

Всемерно стремясь к достижению общего мира с Антантой, советское правительство однако не упускало случая заключать договоры и соглашения частичного характера с отдельными государствами или политическими группами, находившимися в войне с рабоче-крестьянской республикой. Так в январе 1919 года Уфимский Ревком, по уполномочию Совнаркома и ВЦИК, вступил в переговоры с президиумом С'езда членов бывшего Учредительного Собрания, приведшем в конце концов к соглашению между советской властью и левым крылом партии социалистов-революционеров (группа «Народ»). 31-го августа того же года советское правительство сделало мирное предложение Эстонии, а 11-го сентября — Латвии, Литве и Финляндии. В результате последовавших затем переговоров в 1920 году со всеми перечисленными странами были заключены мирные договоры.

10-го февраля 1919 года советское правительство обратилось с предложением мира и к Польше, однако

в тот момент это предложение не встретило сочувственного отклика другой стороны. 22-го декабря того же 1919 года советское правительство вторично сделало мирное предложение Польше, но и на этот раз безуспешно. В течение первых четырех месяцев 1920 года советское правительство настойчиво добивалось заключения мира между Россией и Польшей, обещая последней значительные территориальные уступки,—ответом на примирительную политику России послужило польское наступление и польская война, стоившая обоим сторонам огромных жертв людьми и материальными ценностями. Только в конце июля 1920 года начались русско-польские переговоры о мире, которые привели к конкретным результатам в марте 1921 года.

Прибалтийские государства и Польша не составляли какого-либо исключения. 31-го января 1920 года советское правительство предложило меньшевистскому правительству Грузии завязать дипломатические сношения, а 9-го мая того же года был подписан мирный договор между Россией и Грузией. 24-го февраля 1920 года советское правительство сделало мирное предложение Румынии, повторенное им еще раз 8-го марта. Ни на то, ни на другое предложение никакого ответа со стороны Румынии не последовало. Несмотря на это, 6-го августа и 30-го сентября НКИД вновь обращался к румынскому правительству с предложением о начале мирных переговоров. Однако и на этот раз оно оказалось безуспешным. В том же 1920 году советское правительство два раза—25-го февраля и 22-го апреля—предлагало правительству Чехо-Словацкой республики установить дипломатические отношения и заключить мирный договор, — к сожалению обе эти попытки окончились ничем.

Одновременно с обращением к правительствам и дипломатам Советская Республика апеллировала и непосредственно к трудящимся массам Европы и всего мира. Приведем несколько примеров. 19-го апреля 1919 года т. Чичерин обратился с воззванием к пролетариату держав Антанты, призывая его не поддаваться обманчивым уверениям своих правительств о якобы решенном прекращении интервенции и энергично продолжать борьбу против удушения российской революции. 17-го июля того же года, накануне массовых демонстраций против интервен-

ции, назначенных рабочими организациями стран Согласия. т. Чичерин снова обратился к пролетариату Франции Англии и Италии с призывом принудить правительства к прекращению дельнейшего. вмешательства в русские дела. Аналогичное воззвание было опубликовано т. Чичериным 27-го сентября. 30-го октября т. Чичерин еще раз апеллировал к рабочим Франции, Англии и Эстонии, протестуя против участия эстонских войск в нападении Юденича на Петроград и против продолжающихся интриг мировой реакции в борьбе с российской революцией.

В обстановке вооруженного капиталистического окружения, конечно, не могло быть и речи о сколько-нибудь нормальных дипломатических сношениях между Россией и иностранными державами. Не удивительно поэтому, что кроме обращений к правительствам и народам с предложением мира внешне-политическая история описываемого периода содержит еще только длинную цепь радио-протестов Советской Республики против тех или иных актов враждебных ей государств. Так, 21-го января 1919 года Н. К. И. Д. протестовал против задержания русских военно-пленных в Германии и против насильственной вербовки их в белые армии и отряды. 18-го февраля того же года Н.К.И.Д. протестовал против наступления на русские территории польских легионеров, а 16-го апреля — против насилия над советским представительством в Персии, произведенного при непосредственном участии английских агентов. 21-го апреля и 14-го июня Н.К.И.Д. протестовал против упоминавшегося выше расстрела бакинских комиссаров в Средней Азии по приказу английского офицера Тиг Джонса. 13-го августа Н.К.И.Д. протестовал против зверств, чинимых англичанами над русскими пленными на севере, а 20-го ноября—против выдачи французским правительством находящихся во Франции русских солдат контр-революционным русским генералам.

Из прямых сношений советского правительства с державами Антанты в описываемый период можно упомянуть лишь о двух попытках. В марте 1919 года из Москвы во Францию была отправлена красно-крестная комиссия в составе т.т. Мануильского, Дафтяна и Арманд, имевшая целью производство обмена русских солдат, оставшихся во Франции еще от времени империалистической войны, на французскую военную миссию, задержан-

ную в России. Наша комиссия добралась до Дюнкирхена, но дальше французское правительство ей не разрешило проехать и, пробыв почти два месяца в почетном заключении, она вынуждена была безрезультатно вернуться назад.

Вторая попытка оказалась удачнее. Еще 24-го января 1919 года советское правительство обратилось к Англии с предложением взаимно произвести обмен военнопленных. В течение целых девяти месяцев, пока на полях сражений решались судьбы революции и контр-революции, британское правительство под разными предлогами уклонялось от дачи прямого ответа на наше предложение. Только после разгрома Колчака, Деникина и Врангеля, когда ставка на «белых генералов» оказалась битой, британское правительство увидело себя вынужденным изменить свою политику. 7-го ноября Лорд Керзон сообщил о согласии вступить в переговоры с Советской Республикой, правда, не в Лондоне, а на нейтральной территории, и 25-го ноября уполномоченный советского правительства т. Литвинов встретился в Копенгагене с уполномоченным британского правительства, лидером рабочей партии О'Греди. После довольно продолжительных переговоров 12-го февраля 1920 года Литвиновым и О'Греди был подписан договор об обмене русских и английских военнопленных. Это было первым прорывом политической блокады, установленной державами Антанты в отношении Советской России. По соглашению с О'Греди т. Литвинову удалось также закупить и отправить в Россию некоторое количество медикаментов и других товаров, — это явилось первым прорывом и экономической блокады. Впрочем, большого практического значения успехи т. Литвинова не имели, их ценность была по преимуществу морального характера. Они знаменовали собой начинавшийся перелом в настроении держав Антанты, обусловленный победой Красной Армии над «белыми генералами».

Около того же времени произошло и формальное снятие блокады с Советской Республики. Еще в декабре 1919 г. итальянское правительство решило добиваться ее аннулирования, а 16-го января 1920 г., после доклада кооператора Беркенгейма, Верховный Совет Антанты разрешил буржуазии «союзных стран» вести торговые операции с «русским населением», т. е. с русскими коопера-

тивами, но не с советским правительством. Это был, конечно, значительный сдвиг, но и он пока имел больше теоретическое значение.

Потребовался еще год отчаянной борьбы на фронтах, потребовалась польская кампания, разгром Врангеля и ликвидация Семенова забайкальского для того, чтобы капиталистический мир открыто признал свое поражение. На рубеже 1920—21 г.г. стало совершенно ясно, что «большая интервенция» Антанты кончилась большим поражением. Российская революция победила.

III. Победа российской революции.

Окно в Европу.

Как и 200 лет назад, окно в Европу и на этот раз было прорублено на Балтийских берегах. Действительно, первые мирные договоры Советской Республики были заключены с небольшими окраинными государствами, возникшими на территориях, прилегающих к Балтийскому морю.

Начало в этом отношении было положено *Эстонией*. Выше уже упоминалось, что 31-го августа 1919 года советское правительство обратилось к Эстонии с предложением открыть мирные переговоры. Эстония ответила согласием, и в сентябре переговоры действительно начались. Вслед затем однако Юденич стал наступать на Петроград. и эстонское правительство прервало переговоры под тем предлогом, что ему необходимо сговориться с другими Балтийскими государствами. Только, когда выяснилось поражение Юденича, Эстония вновь обрела стремление к миру, и 5-го декабря в Юрьеве открылась русско-эстонская мирная конференция. На первых же заседаниях определились позиции обоих сторон. Российская делегация заявила, что непременным условием прекращения военных действий является соглашение с Эстонией о гарантиях против возобновления нападения на нас контр-революционных сил с ее территории. Вопрос этот имел в то время большое значение для Советской России, так как остатки армии Юденича под командой генерала Глазенапа укрывались в Эстонии и в любой момент могли снова перейти в наступление. Эстония, с своей стороны, ставила условием согласия на эти гарантии признание независимости Эстонии в определенном территориальном об'еме. Против признания независимости российская делегация не возражала, но вопрос о территории оказался довольно сложным. Исходя из стратегических соображений, эстонцы требовали проведения русско-эстонской границы около Ямбурга и Пскова, в результате чего не только Псков, но

и Петроград легко могли бы оказаться под ударом. Дебаты о границах продолжались до конца декабря и закончились компромиссом (граница проведена на полдороге между Нарвой и Ямбургом, а в Псковском районе за Эстонией остались Изборские высоты), и 31-го декабря 1919 года между Россией и Эстонией был подписан договор о перемирии.

Весь январь 1920 года прошел в переговорах об окончательном мире, при чем здесь на первый план выдвинулись уже вопросы экономические. Вначале требования эстонцев были чрезвычайно велики, однако постепенно российской делегации удалось сократить об'ем ее притязаний, чему в немалой степени способствовало принятое Антантой как раз в это время постановление о снятии с России блокады. В конце концов, соглашение было достигнуто, и 2-го февраля 1920 года между Россией и Эстонией был заключен мирный договор. Россия согласилась уплатить Эстонии 15 миллионов рублей золотом и предоставить ей лесную концессию, площадью на 1 миллион десятин. Это было немножко дорого, но Эстония, как первая страна, вступавшая с нами в соглашения, требовала себе известной «компенсации за риск», и мы должны были пойти ей навстречу.

Несмотря на подписание мирного договора, дипломатические отношения с Эстонией возобновились у нас не сразу. В течение почти всего 1920 года в Ревеле находился лишь представитель Центросоюза, фактически, правда, выполнявший роль полномочного представителя. Только 10-го декабря того же года между Россией и Эстонией были установлены регулярные дипломатические и консульские отношения и 13-го января 1921 года полномочный представитель Р.С.Ф.С.Р. т. Литвинов представил свои верительные грамоты эстонскому министру иностранных дел. 11 января 1921 года была заключена русско-эстонская конвенция о ремонте русских паровозов в Эстонии, а 16-го марта и 2-го апреля—соглашение о почтово-телеграфных сношениях. В дальнейшем экономическая и политическая связь между обоими государствами стала быстро крепнуть, лишь изредка прерываясь некоторыми досадными инцидентами. Так, в виду усилившихся гонений на коммунистическую партию в Эстонии, 5-го октября 1921 года советское правительство настояло на обмене

167 арестованных в Эстонии коммунистов на 274 эстонских граждан, заключенных в российских тюрьмах за всевозможные преступления—от воровства до шпионажа. А в мае 1922 года в специальной ноте Н.К.И.Д. резко протестовал против убийства эстонской охранкой вождя эстонской коммунистической партии т. Кингисепа.

Примеру Эстонии скоро последовали *Латвия* и *Литва*. 11-го сентября 1919 года советское правительство предложило мир обоим названным государствам. Последние обнаружили готовность пойти навстречу, и в ноябре между ними и Советской Республикой были заключены соглашения об обмене военнопленными и беженцами. Затем наступила очередь настоящих мирных переговоров.

История мира с *Латвией* в кратких чертах такова. В середине января 1920 года латвийский министр-президент Ульманис заявил об отказе Латвии от борьбы против советской власти, в ответ на что советское правительство Латвии опубликовало декларацию о прекращении своего существования. 26-го марта министр иностранных дел Латвии Мееровиц официально предложил начать переговоры о мире, а 16-го апреля в Москве открылись заседания русско-латвийской мирной конференции. Территориальные вопросы были разрешены сравнительно просто (спор шел только о так наз. Дриссенском участке), но вопросы хозяйственные вызвали ожесточенные дебаты. Латыши, подобно эстонцам, пред'явили к Советской Республике сильно преувеличенные имущественные, финансовые и экономические притязания, требуя возмещения всех убытков, которые Латвия претерпела во время империалистической и гражданской войны. Конечно, наша делегация не могла на это согласиться и старалась ввести латвийские вожделения в рамки допустимого. В конце концов, удалось добиться компромисса, и 11-го августа в Риге был подписан русско-латвийский договор, согласно которому Советская Республика уплачивала Латвии 4 миллиона рублей золотом и представляла лесную концессию в 100 тысяч десятин.

Дальнейшее развитие отношений между обоими государствами протекало не так гладко, как того можно было бы ожидать. Виной тому было стремление латвийского правительства покровительствовать различным анти-советским авантюрам, которых особенно много было в 1920—21 г.г.

Так, в период Врангеля латвийское правительство разрешало на своей территории вербовку солдат для армии крымского диктатора, а в эпоху Кронштадта оно допускало использование прямого провода между Москвой и Ригой, предоставленного в распоряжение латвийского посла в России, для распространения заведомо ложных сведений во вред советскому правительству. Весной 1921 года произошел конфликт между латвийским правительсвом и полномочным представителем РСФСР в Риге т. Ганецким в связи с вспыхнувшей там стачкой портовых рабочих. Как раз в то время в рижском порту находились срочные грузы, предназначенные для России. Не желая задерживать их переотправку, т. Ганецкий удовлетворил все требования забастовщиков. Латвийские предприниматели запротестовали, их поддержало латвийское правительство. В латвийской прессе стали распространяться тенденциозные сообщения о том, что т. Ганецкий якобы ведет агитацию среди портовых рабочих. В результате произошел крупный скандал, закончившийся появлением 1-го марта в газетах официального сообщения латвийского министра иностранных дел с выражением сожаления по поводу случившегося и с заверением о готовности Латвии поддерживать дружеские связи с Россией.

Несмотря на эти отдельные шероховатости, взаимоотношения между Латвией и Советской Республикой в течение последующего времени продолжали становиться все более нормальными. Постепенно налаживался контакт между обоими странами. В ноябре 1920 года между Ригой и Москвой было открыто прямое железнодорожное сообщение, а 27-го марта 1921 года было заключено русско латвийское соглашение об установлении почтово-телеграфных сношений.

Значительно легче и проще произошло восстановление наших отношений с *Литвой*. В конце февраля 1920 года литовское правительство официально заявило о своей готовности заключить мир с Советской Россией, а 9-го мая того-же года в Москве состоялось уже первое заседание русско-литовской мирной конференции. Переговоры пошли довольно быстро, и 12 июля был подписан договор между обоими государствами. Конечно, территориальные и экономические притязания литовцев первоначально также были велики. Достаточно сказать, что литовцы требо-

вали включения в состав Литвы губерний Ковенской, Виленской, Сувалкской, Гродненской, Новогрудского уезда Минской губернии и некоторых частей Курляндской губернии, и настаивали на возмещении Россией понесенных Литвой во время мировой войны убытков в сумме около 900 миллионов рублей золотом. После долгих споров территориальные притязания Литвы были введены в разумные границы, а в области экономической состоялось соглашение, по которому Советская Россия уплачивала Литве 3 миллиона рублей золотом и предоставляла ей лесную концессию в 100 тысяч десятин. В дальнейшем взаимоотношения между Литвой и Советской Республикой развивались вполне нормально, не нарушаемые никакими крупными событиями или осложнениями.

Неизмеримо труднее складывались отношения между Советской Россией и *Финляндией*. Предложение о заключении мира было сделано Советской Республикой Финляндии одновременно с аналогичными предложениями Латвии и Литве 11-го сентября 1919 года, однако Финляндия тогда ответила на него категорическим отказом. В первой половине 1920 г. в Финляндии господствовали еще «активисты», сторонники агрессивной политики по отношению к России, и потому вопрос о мирных переговорах намеренно затягивался. Только 12 июня 1920 г. в Юрьеве собралась русско-финляндская мирная конференция, и после четырехмесячных тяжелых переговоров родила, наконец, русско-финский договор, подписанный обоими сторонами 14-го октября. Главным препятствием к достижению соглашения служили необ'ятные территориальные притязания финской буржуазии. В 1918 году, в эпоху велико-финского империализма, гельсингфорские властители мечтали об отторжении от России Онеги, Петрозаводска, Петрограда и Ямбурга, а также прилегающей к Финляндии части Швеции и Норвегии. На упоминавшейся выше русско-финской конференции 1918 года в Берлине тогдашнее финское правительство потребовало от Советской Республики всего Кольского полуострова и значительной части Олонецкой губернии. В 1920 году аппетит финской буржуазии был уже значительно скромнее. Тем не менее она требовала присоединения к Финляндии так называемой Восточной Карелии, охватывающей части Олонецкой и Архангельской губерний. В годы гражданской войны в

Восточной Карелии создалась и укрепилась советская власть, подвергавшаяся ожесточенной атаке со стороны буржуазных элементов Карелии, поддерживаемых финским правительством. 9-го июня 1920 года постановлением В. Ц. И. К. Восточная Карелия была об'явлена автономной трудовой коммуной, и у финского правительства тем самым была отнята возможность разыгрывать роль защитника национальных интересов карел. В конце концов, в Юрьеве состоялось соглашение: Финляндия отказалась от притязаний на Восточную Карелию и согласилась срыть форты Ино и Пумало, могущие обстреливать Кронштадт. а также нейтрализовать острова Финского залива. Советская же Республика согласилась уступить ей на дальнем севере район Печенеги.

Экономические притязания Финляндии в начале были громадные: она требовала себе всего, не давая России почти ничего. В частности финское правительство требовало возмещения убытков финских граждан, понесенных ими от российской революции, а также потерь, причиненных им гражданской войной в самой Финляндии, ответственность за которую финская буржуазия возлагала на Советскую Республику. Конечно, российская делегация ответила решительным: нет! После долгих переговоров. обе стороны пришли к соглашению о взаимном отказе от экономических требований. Впрочем, из этого принципа был сделан ряд исключений. Так, обе стороны обязались вернуть захваченные ими суда (Финляндия должна была возвратить России 169 судов, а Россия Финляндии 18 судов). Далее Россия получала в свое исключительное пользование три прямых телеграфных провода через Финляндию и два кабеля прямого сообщения со Швецией.

Проведение в жизнь мирного договора между Россией и Финляндией натолкнулось на целый ряд затруднений. Прежде всего задержалась его ратификация финляндским сеймом. Она была проведена только 1-го декабря, а затем началась длительная полоса конфликтов. Правда, уже 24-го декабря последовало соединение русских железных дорог с финляндскими, а в феврале 1921 года произошел обмен между обоими странами полномочными представителями, однако это не могло предупредить крайне болезненных столкновений в экономической и политической областях. Так, в течение целого ряда месяцев

после ратификации русско-финляндского договора, финское правительство отказывалось допустить в Гельсингфорс нашу торговую делегацию. Только к началу мая этот вопрос был разрешен в положительном смысле, после чего начались торговые операции между обоими сторонами. Далее многочисленные трения происходили по вопросу о сплаве леса через Карелию и Ладожское озеро, разрешенные лишь специальными соглашениями осенью 1921 года.

Однако еще серьезнее были осложнения, возникшие в связи с карельским вопросом. Финское правительство претендовало на контроль за проведением в жизнь предусмотренной договором автономии Восточной Карелии, на что советское правительство, конечно, не могло согласиться. Положение чрезвычайно обострилось, когда в конце октября на территорию Восточной Карелии стали вторгаться из Финляндии вооруженные отряды, избивавшие трудовые элементы местного населения и пытавшиеся ниспровергнуть советскую власть. Финское правительство пыталось представить это движение в качестве стихийного восстания карел против Советской России и даже обратилось к Лиге Наций с предложением рассмотреть и разрешить карельский вопрос. 5-го декабря НКИД категорически потребовал от Финляндии прекращения всех противоречащих мирному договору действий и так как последнее медлило с выполнением этого требования, то советское правительство вынуждено было прибегнуть к мерам военной репрессии. В течение короткого времени (январь—март 1922 г.) Красная Армия очистила Восточную Карелию от финских белогвардейцов, и это оказало весьма благотворное действие на настроение финского правительства. Политика его приняла гораздо более лойяльный характер, был создан ряд русско-финских смешанных комиссий (по вопросу о контроле за безопасностью русско-финской границы, по вопросу о русско-финском торговом договоре и др.), которые должны поставить на твердую базу дальнейшее развитие русско-финских отношений.

Как бы ни были подчас болезненны отдельные моменты в процессе заключения и проведения мирных договоров с Балтийскими государствами, не подлежит во всяком случае сомнению, что эти договоры сыграли чрезвычайно

крупную политическую роль. Они явились первым прорывом той более чем двухлетней дипломатической блокады, которой Советская Россия была окружена с момента Октябрьской революции. Они оказались для нее подлинным «окном в Европу». Договоры 1920 года вывели рабоче-крестьянскую республику из состояния политической изоляции и открыли собой новую эпоху в развитии ее международных отношений. Непосредственно за соглашением с Прибалтийскими странами последовал ряд соглашений с великими государствами Европы, знаменовавших собой фактическое признание советского правительства и вводивших его «в концерт европейских держав». Прежде однако, чем перейти к данному вопросу, мы должны остановиться на характеристике отношений между Советской Россией и Польшей.

Отношения с Польшей.

Рожденная одновременно с германской революцией буржуазно-польская республика в течении первого года своего существования занимала весьма странную позицию по отношению к Советской России. Открытой войны она не вела и в концентрической атаке 1919 года на русскую революцию не участвовала, однако все время тревожила наши границы мелкими нападениями и бесчинствами, являясь постоянной угрозой для рабоче-крестьянского государства. Чтобы покончить с этим положением и установить между Польшей и Россией нормальные отношения, советское правительство 22 декабря 1919 г. обратилось к Польше с предложением открыть мирные переговоры К сожалению, на это предложение не было получено никакого ответа. Тогда 28 января 1920 года Совнарком обратился к польскому правительству и польскому народу с торжественным заявлением, в котором, подтверждая мирное предложение 22 декабря, он указывал, что между обоими государствами нет вопросов, не могущих быть разрешенными путем мирных переговоров. 2-го февраля с аналогичным воззванием к польскому народу обратился ВЦИК, заверяя польских рабочих и крестьян, что Советская Россия отнюдь не собирается вводить коммунизм в Польше силою штыка.

Только 4-го февраля от польского министра иностранных дел Патека впервые получилось уведомление, в котором был обещан скорый ответ на заявление Совнаркома от 28-го января. Польская «скорость» оказалась однако довольно медлительной и только после ряда настойчивых запросов с нашей стороны Патек, 27 марта, наконец, прислал ноту с предложением начать мирные переговоры в Борисове. Польская армия в то время переходила уже в наступление, и Борисов лежал как раз в сфере военных действий,—поэтому советское правительство предложило перенести переговоры в какое-нибудь нейтральное место, хотя бы в Эстонию. Патек категорически отказался. Тогда Советское правительство предло-

жило в качестве места переговоров любую нейтральную страну или Петроград, или Москву, или Варшаву, но Патек не хотел ничего слышать. Из всех пунктов земного шара он считал возможным вести русско-польские мирные переговоры только в Борисове. Конечно, это была лишь дипломатическая уловка, с помощью которой польское правительство надеялось выиграть время. Действительно, 26-го апреля появилось воззвание Пилсудского к жителям Украины, в котором он сообщал о предстоящей оккупации последней польскими войсками совместно с отрядами Петлюры, и затем слово было предоставлено мечу.

Мирные переговоры с Польшей возобновились вновь только 22-го июля, когда польское правительство и польское командование одновременно отправили нам радио с предложением о перемирии. Советская Россия, переживала в этот момент апогей военных успехов (Красная Армия была под Варшавой). Тем не менее советское правительство согласилось на открытие мирных переговоров. Однако, когда 30 июля около Барановичей состоялась встреча русских и польских делегатов, то оказалось, что последние уполномочены вести переговоры о перемирии, но не имеют мандатов для ведения переговоров о мире. Это упущение (если здесь было только упущение) можно было бы легко и быстро исправить, однако по непонятным причинам польская делегация в течение двух с половиной недель не могла получить соответствующих полномочий и приступить к мирным переговорам с Россией. Только 17-го августа в Минске, наконец, состоялось первое заседание русско-польской конференции по вопросу о перемирии и предварительном мире между Польшей, с одной стороны, Россией и Украиной, с другой. Наши предварительные условия, опубликованные за три недели перед тем (сокращение польской армии до 50 тысяч человек, создание рабочей милиции, демобилизация военной промышленности, наделение поляков инвалидов войны землей и т. д.) были теперь, в виду начавшегося отступления русских войск от Варшавы, признаны поляками неприемлемыми. Однако своих условий Польша тоже не выставила. Затем, по взаимному соглашению сторон, мирные переговоры из Минска были перенесены в Ригу, и здесь с 21 сентября началась уже действительная работа по заключению мирного договора.

В целях скорейшего прекращения войны В. Ц. И. К. 22-го сентября обратился к Польше с предложением оставить в стороне принципиальные дебаты по вопросу о самоопределении народов и ограничиться установлением восточной границы Польши. При этом В. Ц. И. К. обещал провести эту границу значительно восточнее той «линии Керзона», которую в декабре 1919 года фиксировал Верховный Совет держав Антанты. От прежних требований ВЦИК отказывался и заявлял, что его предложение будет иметь силу только в том случае, если соглашение будет подписано в десятидневный срок.

Несмотря на очевидную выгодность русского предложения, Польша опять прибегла к системе увертoк и проволочек, и только 5-го октября между сторонами было достигнуто соглашение по территориальным вопросам, и только 12 октября был, наконец, подписан договор о перемирии и о предварительном мире. 2-го ноября в Либаве произошел обмен ратификационными грамотами между Польшей и ее противниками, однако действительного мира между ними никак не могло установиться. Дело в том, что хотя регулярные польские войска в это время уже приостановили военные действия, но образовавшиеся на территории Польши отряды Савинкова и Балаховича, а равно и части атамана Петлюры, уже после заключечения перемирия стали наступать на Советскую Россию. Когда же Красная Армия разгромила белогвардейские банды, польская армия оказала им поддержку и покровительство. Этого мало. Сами польские войска в течение нескольких недель после установленного по договору срока отказывались отойти на линию новой государственной границы и лишь с большим трудом к концу ноября удалось добиться окончательного очищения поляками российской территории. Ряд осложнений далее возник в связи с занятием Вильны польским гевералом Желиговским, где вслед за тем стали скопляться русские контр-революционеры, образуя новые банды, угрожающие безопасности Советской Республики.

В этой сгущенной, насыщенной электричеством атмосфере русско-польская конференция приступила к выработке постоянного мирного договора. Наибольшие трудности возникли в связи с разрешением экономических вопросов, при обсуждении которых Польша обнаружила

не меньший аппетит, чем окраинные Балтийские государства. Почти три месяца ушло на достижение соглашения и, наконец, 18 марта 1920 года состоялось подписание сторонами так долго ожидаемого мирного договора. Сущность последнего сводилась к следующему: обе стороны дают друг другу гарантии невмешательства в их внутренние дела и обязуются ни прямо, ни косвенно не поддерживать враждебных интервенций. Национальным меньшинствам предоставляется право развития культуры, языка и религии. Устанавливается взаимный отказ от возмещения военных расходов и убытков, утверждается взаимное предоставление амнистии гражданам противной стороны. Польша получает 30 миллионов золотых рублей в виду призванного участия ее в хозяйственной жизни бывшей Российской Империи. Ей возвращается также железнодорожное имущество на сумму 29 миллионов рублей. Россия и Украина обязуются вернуть Польше культурные ценности, вывезенные оттуда распоряжениями царских властей. До заключения торгового договора взаимно предоставляется свободный транзит. Немедленно по ратификации договора устанавливаются дипломатические сношения.

Однако подписать договор еще не значит провести его в жизнь. Лучшим доказательством тому может служить как-раз русско-польский договор 18-го марта. Действительно, 2-го мая в Минске произошол обмен ратификационными грамотами и вслед за тем немедленно начались осложнения. Прежде всего польское правительство вопреки договору заявило, что на первых порах оно не считает нужным восстанавливать между обоими сторонами дипломатические сношения в полном об'еме, а предлагает пока ограничиться назначением в Варшаве, Москве и Харькове неполноправных chargès d'affaires (поверенных в делах). Советское правительство категорически протестовало и после длительной переписки с польским министром иностранных дел Сапегой добилось осуществления своего требования. 3-го августа полномочный представитель Р. С. Ф. С. Р. т. Карахан прибыл в Варшаву, обменявшись на границе специальными поездами с отправлявшимся в Москву польским послом Филипповичем.

Это осложнение было не единственным. С большим трудом и чрезвычайной медленностью продвигались переговоры между обоими сторонами по вопросу об обмене

военнопленными, при чем вина опять-таки лежала на стороне Польши. Крайне возбуждающе на настроение советского правительства действовало также варварское обращение с интернированными в польских лагерях русскими солдатами. Российская репатриационная комиссия, прибывшая в Варшаву, пыталась прекратить эти безобразия, но долгое время не могла добиться никакого результата. Большие осложнения происходили и с установлением границ, так как поляки под всякими предлогами стремились увеличить свою территорию вопреки мирному договору.

Однако главным препятствием к практическому осуществлению мирного договора являлось систематическое нарушение с польской стороны обязательства не поддерживать организаций и групп, враждебных другой договаривающейся державе (§ 5 договора). В самом деле, вскоре после заключения Рижского мира Варшава превратилась в главный штаб русской контр-революции. В начале июля 1921 года советскому правительству стало известно об образовании громадного белогвардейского заговора против России, руководящая верхушка которого находилась в Варшаве. Во главе заговора стоял Борис Савинков, которому польские власти, особенно второй отдел польского генерального штаба, оказывали всемерное покровительство. В обширной ноте от 4-го июля Н. К. И. Д. потребовал от польского правительства принятия энергичных мер против русских белогвардейцев, укрывшихся в Варшаве. 11-го июля новый польский министр иностранных дел Скирмунт ответил контр-нотой, в которой пред'являл ряд встречных обвинений Советской России. Попытки уладить конфликт путем личных переговоров между т. Чичериным и польским послом в Москве Филлиповичем не привели к желательным результатам. Между тем Поволжье охватил голод, заставивший всех врагов революции с надеждой поднять головы. Во Франции усилились интервентские тенденции, и в секретной ноте от 3-го сентября она потребовала от Польши открытого выступления против России. Под давлением французской дипломатии пало стремившееся к сохранению мира правительство Витоса, на смену которому пришло внепартийное министерство Пониковского. 18-го сентября Польша пред'явила России ультиматум, требуя выполнения до 1-го октября целого ряда пунктов рижскаго

договора, некоторые из которых в такой короткий срок физически не могли быть осуществлены (напр., возвращение всех военнопленных поляков, разбросанных по разным концам России). В ответной ноте от 22-го сентября Н.К.И.Д. решительно заявил, что выполнение рижского договора обязательно для обоих сторон, и что Россия согласна будет удовлетворить польские требования лишь в том случае, если Польша очистит свою территорию от пребывающих там белогвардейских банд. Наступил самый критический момент. Вся Европа невольно замерла, с напряжением ожидая дальнейшего развития событий. На весах истории в тот миг взвешивались судьбы войны и мира. Но Польша не расчитала своих сил. Перед грозно надвинувшейся опасностью нового кровопролития она дрогнула и стала отступать.

28-го сентября польский посол в Москве выразил т. Чичерину свое удовлетворение по поводу ноты Н.К.И.Д. от 22-го сентября. Одновременно Скирмунт в Варшаве заявил, что никакой французской ноты 3-го сентября, подстрекавшей Польшу к выступлению против России, вообще не существовало и выдвинул ряд компромиссных предложений по вопросу о ликвидации белогвардейского гнезда в Варшаве. С 1-го по 6-ое октября происходил ряд важных совещаний между т. Караханом и г. Домбским (председателем польской делегации во время рижских переговоров), закончившихся подписанием 7-го октября особого протокола, точно устанавливающего сроки и условия выполнения обязательств, возложенных на обе стороны рижским договором. Угроза войны миновала, однако потребовался еще месяц для того, чтобы соглашение Карахана — Домбского начало, наконец, приводиться в исполнение. Только 28-го октября руководящая верхушка контр-революционного центра была выслана из пределов Польши, и столь заострившийся политический конфликт вступил на путь постепенного безболезненного рассасывания.

К концу 1921 года в отношениях между Польшей и Россией наступило значительное улучшение, которое продолжалось и в 1922 году. Былая натянутость постепенно проходила, по обе стороны границы крепли и оформлялись более спокойные настроения. Конечно, отдельные конфликты бывали и в 1922 году. Так, не прекраща-

ющиеся нападения мелких банд со стороны Польши на российскую территорию вынудили Н.К.И.Д. 12-го марта отправить польскому правительству ноту с категорическим требованием принять меры против творящихся безобразий, на что польское правительство ответило нотой от 11-го мая с встречными обвинениями к советскому правительству за якобы оказываемую им поддержку какому-то «Союзу крестьянской самозащиты в Белоруссии». Так, польское правительство нотой от 27-го апреля протестовало против из'ятия церковных ценностей в католических районах России, а нотой от 18-го июля заявило свое возмущение по поводу вскрытия в г. Плоцке мощей Андрея Боболи, на что последовала резкая отповедь со стороны Н.К.И.Д. Однако все эти инциденты не имели слишком большого политического значения и не могли остановить прогрессирующего выравнивания отношений между обоими странами. Новейшим актом, свидетельствующим об успехах этого выравнивания, должно быть признано согласие польского правительства на участие в предложенной Россией конференции по сокращению вооружений в Советской Республике и окружающих ее небольших государствах, которая в ближайшем будущем состоится в Москве.

Оглядываясь на пройденный со времени заключения рижского мира путь, можно с удовлетворением констатировать, что польская политика пережила за это время существенную эволюцию к лучшему. Она постепенно освобождается от столь свойственного ей романтического импрессионизма, не умеющего отличать фантазии от действительности, и становится на рельсы трезвого учета реальных сил и возможностей. Можно пожелать, чтобы это развитие не прерывалось и в дальнейшем.

Договор с Англией.

Склонность к соглашению с Советской Россией в правящих кругах Антанты стала явственно обнаруживаться с конца 1919 года. Первым конкретным проявлением этого нового настроения было последовавшее 16 января 1920 г. снятие блокады с Советской Республики. Вслед за тем начались практические попытки установления экономической связи между Москвой и иностранными государствами. Так как постановление Верховного Совета от 16 января предусматривало ведение торговых операций не с советским правительством, а лишь с российскими кооперативами, то Центросоюз 24-го февраля назначил делегацию для поездки за-границу в составе т. т. Красина, Ногина и Разовского, к которым должен был присоединиться находившийся в то время в Дании т. Литвинов. После целого ряда осложнений в Финляндии и Швеции делегация эта, в конце концов, попала в Копенгаген, куда приехали также и торговые представители Англии и Франции. Французы интересовались исключительно вопросом об уплате Россией займов, англичане же начали длительные переговоры по вопросам товарообмена, все время настаивая на переносе переговоров в Лондон. Однако переезд в Англию тормозился одним непредвиденным обстоятельством: британское правительство соглашалось пустить в Лондон всех русских представителей, кроме т. Литвинова, а без него не хотела туда ехать русская делегация.

Одновременно с экономическими начались с Англией и первые политические переговоры. 21 февраля 1920 г. лорд Керзон передал советскому правительству просьбу белогвардейского генерала Миллера о том, чтобы после взятия Архангельска в городе не было применено массовых репрессий. В ответ советское правительство предложило, чтобы воевавшие против него в Архангельском районе силы сдались на капитуляцию, при чем всем им

гарантируется жизнь, а руководителям право от'езда. Прежде однако, чем ответ советского правительства был доставлен по адресу, генерал Миллер бежал, а его войска распылились и рассеялись.

11-го апреля лорд Керзон снова обратился к советскому правительству, предлагая ему прекратить борьбу против Врангеля и обещать последнему амнистию. При этом лорд Керзон заявил, что от ответа советского правительства будет зависеть, смогут ли начаться торговые переговоры с делегацией Центросоюза. В ноте от 14-го апреля Н. К. И. Д. предложил лорду Керзону поставить на обсуждение между Англией и Россией всю сумму интересующих их вопросов и, в частности, настаивал на том, чтобы взамен помилования Врангеля были доставлены в Россию бывшие венгерские народные комиссары. Как раз в этот момент английская радиостанция почему-то начала «шутить», и лорд Керзон, ссылаясь на неполучение ответа от советского правительства, приказал английскому флоту обстреливать Черноморское побережье. 28-го апреля Н. К. И. Д. заявил, что советское правительство может предложить Врангелю капитуляцию на тех же условиях, на которых оно раньше предлагало ее генералу Миллеру, но лорд Керзон 4-го мая ответил, что речь идет не о капитуляции, а о перимирии с Врангелем, и предлагал свое посредничество для начала переговоров. Обмен нотами продолжался еще недели две, пока Врангелю не были подвезены необходимые припасы и снаряжение, а затем лорд Керзон сразу замолчал, Врангель-же перешел в наступление.

Но если попытка политических переговоров на этот раз кончилась ничем, то это еще не означало полного разрыва отношений между Англией и Советской Россией. Экономические переговоры продолжались и, в конце концов, были перенесены в Лондон, куда в мае 1920 г. уехал т. Красин. На первом же совещании с английскими министрами, состоявшемся 31-го мая, т Красин развил программу мероприятий, которые должны были обеспечить нормальное развитие торговых отношений между обоими сторонами. В этой программе между прочим содержались такие требования, как окончательное снятие блокады, взаимное торговое представительство, неприкосновенность депозитов и товаров советского правительства в Англии, очистка

Балтийского моря от мин, а также прекращение поддержки, которую Англия в то время оказывала Польше в борьбе с Россией. Отвечая т. Красину, Ллойд-Джордж также указал на ряд предпосылок, необходимых для развития товарообмена между обоими государствами. Предпосылки эти были чисто политического характера, как-то: возвращение английских пленных, отказ от антибританской агитации в Малой Азии, Персии, Афганистане и Индии, обязательство не нападать на Балтийские государства, не начинать на Черном море наступления против Врангеля и т. д. На следующем заседании 7-го июня происходила детализация выставленных в первый раз положений, при чем Ллойд-Джордж здесь выдвинул новое требование — принципиальное признание со стороны Советской России старых долгов царского правительства. Взамен всего этого Англия не обещала Советской Республике ничего сверх того, что она будет с ней торговать.

В течение всего июня месяца между т. Красиным и английскими министрами шли переговоры о возможности соглашения, при чем последние шаг за шагом начали отходить от своих первоначальных позиций и делать уступки советскому правительству. 30-го июня английское правительство представило т. Красину меморандум, на который оно требовало ответа в недельный срок. В этом меморандуме были выставлены четыре пункта, на основе которых Англия считала возможным заключить с Советской Республикой торговый договор. Названные пункты гласили следующее:

1. Обе стороны взаимно отказываются от враждебных действий и враждебной пропаганды одна против другой, в частности российское правительство отказывается от подобных действий и пропаганды в Азии, взамен чего английское правительство отказывается от поддержки врагов Советской России.

2. Обе стороны обмениваются пленными.

3. Российское правительство признает в принципе обязательство платить частным лицам англичанам за полученные от них товары и за оказанные ими услуги.

4. Обе стороны обмениваются торговыми представительствами, при чем каждой стороне предоставляется право отвода. (Речь шла о т. Литвинове, которого английское правительство не хотело пускать в Лондон).

7-го июля т. Красин ответил согласием принять указанные четыре пункта за основу для будущих мирных переговоров, оговорившись при этом однако, что данное согласие не распространяется на отношения между Россией и Францией. Казалось, все препятствия для мирного урегулирования русско-английских отношений были устранены, и пред советским правительством открывается возможность восстановления экономической связи с одним из левиафанов капиталистического мира. Если вспомнить, что все это происходило еще в 1920 году, когда борьба российской революции за жизнь далеко не могла считаться законченной, то станет понятным, какое огромное значение лондонские переговоры имели для Советской Республики. Не желая задерживать заключение мирного договора, советское правительство поспешило назначить новую, более полную делегацию, в составе т.т. Красина, Каменева, Милютина и Ротштейна, для дальнейшего продолжения переговоров. 1-го августа эта делегация уже прибыла в Лондон.

Однако политика еще раз ворвалась в ход экономических переговоров и почти на целых полгода приостановила нормальное развитие событий. Суть дела состояла в в следующем. Переговоры советского правительства с Англией происходили как раз в тот момент, когда русско-польская война приняла наиболее драматические формы. Отголоски событий, разыгрывавшихся на полях сражений под Минском, Гродной и Варшавой, долетали до стен лондонских кабинетов и заставляли остро реагировать на них руководителей британской политики. Уже 11-го июля 1920 года, когда польская армия находилась в полном разложении и беспорядочно отступала к своей территории, английское правительство обратилось с нотой к советскому правительству, в которой, заверяя в своей приверженности к идее всеобщего мира, настаивало на заключении перемирия между Россией и Польшей. Польские войска должны были отступить до «линии Керзона», в Лондоне же должна была собраться конференция из представителей России и окраинных государств (кроме Эстонии, уже заключившей мир с Россией), где при участии Англии в качестве примирительницы были бы урегулированы все разделяющие их спорные вопросы. Выходило, таким образом, что Ллойд-Джордж хотел присвоить себе права вер-

ховного судьи по отношению к Советской Республике и окружающим ее странам. Неудивительно, что в ответной ноте 17-го июля советское правительство категорически заявило о недопустимости каких-либо посредников между ней и Польшей. 20-го июля Англия разразилась новой нотой, в которой, не настаивая на своем посредничестве, требовала приостановки советского наступления на Польшу. В случае отказа последнего исполнить это требование британское правительство грозило своим вмешательством в происходящую войну. Так как 22-го июля Польша сама обратилась к России с предложением о мире, то Н. К. И. Д. 23-го июля сообщил в Лондон о предстоящей встрече русских и польских делегатов для начала переговоров о перемирии. Одновременно Н. К. И. Д. заявил о согласии советского правительства на участие в конференции с державами Антанты, но без Польши и окраинных государств. Непосредственно вслед за этим произошло свидание между Ллойд-Джорджем и Мильераном в Булони, в результате которого советскому правительству 30-го июля от имени Англии и Франции была послана нота, выражающая согласие названных держав на предлагаемую Россией конференцию, если последняя сначала займется вопросами о Польше и окраинных государствах, а потом уже перейдет к заключению мира между Россией и Антантой. Для Франции это был шаг поистине беспримерный: впервые она соглашалась сесть за один стол с большевиками. Но такова была сила аргументов, представленных Красной Армией на полях русско-польских сражений.

Как раз в этот момент в Лондон приехала советская делегация. 4-го августа произошло первое свидание т.т. Каменева и Красина с английскими министрами. Британское правительство находилось в состоянии чрезвычайной растерянности, Ллойд-Джордж не хотел ни о чем говорить, кроме Польши. «Ваши войска—заявил он—идут к Варшаве, это единственное, что в данный момент интересует Англию». В процессе дальнейшего разговора британский премьер поставил ультиматум: или Россия прекращает наступление, или английский флот через 3 дня выступает против нее. Между тем, на польском фронте завязывались первые переговоры о перемирии и мире, переговоры, в которых поляки сознательно вели игру в прятки. 5-го ав-

густа т. Каменев обратился к Ллойд-Джорджу с нотой, в которой излагал истинные причины задержки в прекращении военных действий. Ллойд-Джордж страшно волновался и нервничал. Хотя прошло три дня со времени его ультиматума, английский флот еще продолжал спокойно стоять в своих портах. Британский премьер, видимо, не решался на слишком крутые действия. Наоборот, он выдвинул новый план—заключение десятидневного перемирия, которое должно было начаться в ночь с 9-го на 10-е августа. Так как в это время были получены известия о предстоящих переговорах между русскими и поляками в Минске, то советская делегация ответила на предложение Ллойд-Джорджа заявлением, что оно уже запоздало. Ллойд-Джордж согласился с этим мнением и решил выжидать дальнейшего хода событий.

Сдержанность становилась для него тем более необходимой, что на улицах, за стенами министерских кабинетов, общественное настроение делалась все более возбужденным. Рабочие массы глухо волновались. По всей стране происходили массовые митинги и демонстрации под лозунгами: «Руки прочь от России!», «Мир с Россией!», «Не помогайте Польше!» и т. д. 9-го августа состоялась конференция вождей трэд-юнионов и Рабочей партии, которая решила создать Совет Действия и в трехдневный срок созвать общую конференцию всех политических и профессиональных организаций английского пролетариата. 12-го августа эта конференция действительно собралась. На ней присутствовало свыше тысячи делегатов, представлявших $6^1/_2$ миллионов организованных рабочих. Настроение конференции было крайне возбужденное, так что даже соглашательские лидеры вынуждены были говорить революционным языком. Конференция единогласно постановила об'явить всеобщую стачку, если английское правительство будет продолжать свою агрессивную политику по отношению к Советской России. Совет Действия послал своих делегатов во Францию для ведения аналогичной агитации среди французского пролетариата, однако они были оттуда высланы.

В этой возбужденной атмосфере Ллойд-Джордж пытался спасти то, что еще можно было спасти. 10-го августа он выступил в парламенте, где в длинной речи пытался доказать, что Россией управляет кучка насильников,

однако по вопросу о войне обнаружил большую сдержанность, предлагая выждать результатов минских переговоров. 17-го августа Ллойд-Джордж выступил вторично в парламенте, но на этот раз, главным образом, против Совета Действия, который угрожал массовой забастовкой, не видя перемены в характере британской политики. О Советской России Ллойд-Джордж отзывался на этот раз очень мягко и даже заявлял, что Англия не намерена поддерживать Врангеля.

19-го августа пришли первые известия о неудачах Красной Армии под Варшавой, и положение круто изменилось. Растерянность английского правительства исчезла. Ллойд-Джордж вновь обрел привычный ему язык. Его страх пред разгромом Польши, а вместе с тем и пред возможной ликвидацией Версальского договора сразу прошел, и он с яростью набросился на советскую делегацию. Последовал резкий обмен нотами и контр-нотами между британским правительством и российскими уполномоченными, в результате которого Ллойд-Джордж вызвал к себе 1-го сентября т. Каменева и заявил ему, что дальнейшее его пребывание в Англии невозможно. В числе мотивов, которыми Ллойд-Джордж обосновал эту невозможность, особенно крупную роль играли обвинения в том, что т. Каменев занимался продажей в Англии царских бриллиантов, а также субсидировал рабочую газету «Daily Herald». Конечно, эти обвинения были весьма далеки от истины, но Ллойд-Джорджу надо было на чем нибудь порвать переговоры с русской делегацией, а для этого годились даже царские бриллианты. Вслед затем т. Каменев уехал назад в Москву, и политические переговоры прервались. Однако т. Красин остался в Лондоне, и торговые переговоры продолжались. Впрочем, и они подвигались так медленно вперед, что одно время казались остановившимися на точке замерзания.

Новое оживление в переговорах наступило лишь с ноября месяца. 9-го ноября Н. К. И. Д. обратился к лорду Керзону с нотой, в которой, указывая на бесконечные проволочки со стороны Англии, предлагал дать прямой и категорический ответ, готово ли британское правительство идти на торговые соглашения с Советской Республикой. Два дня спустя, 11-го ноября английский министр торговли сэр Роберт Хорн, в речи, произнесенной им в Оксфорде,

заявил о необходимости установления товарообмена между Россией и Англией. 18-го ноября Ллойд-Джордж уведомил палату общин о том, что британским правительством выработаны основы соглашения с Россией, а 29-го ноября т. Красину был официально вручен проект англо-русского торгового договора.

Данный проект значительно отличался—и притом в худшую сторону—от того соглашения, которое 7-го июля было признано обоими сторонами. Н. К. И. Д. протестовал против изменений первоначального соглашения, а т. Красин 22-го декабря на совещании с Ллойд-Джорджем, Бонар Лоу и сэром Робертом Хорном внес ряд поправок в текст предложенного проекта. Английское правительство пошло на уступки и, например, исключило Кавказ из числа тех стран, где Россия обязывалась воздерживаться от враждебных британской империи действий. Оно согласилось также перечислить те страны, в которых Англия должна была особенно воздерживаться от враждебных выступлений против Советской России. Тем не менее, новый проект договора не вполне удовлетворял т. Красина, и в конце декабря он уехал в Москву для переговоров с советским правительством. 5-го марта 1920 г. т. Красин вернулся в Лондон, привезя с собой ряд дальнейших поправок к предполагаемому соглашению. Переговоры возобновились, и англичане увидали себя вынужденными удовлетворить почти все требования советского правительства. В результате 16-го марта 1921 г. в Лондоне т. Красиным и сэром Робертом Хорном был подписан англо-русский торговый договор, сущность которого сводилась к следующему.

Обе стороны обязываются воздерживаться от всяких враждебных действий и враждебной пропаганды друг против друга. Советская Республика в особенности должна воздерживаться от подобных актов в Индии и Афганистане, а британское правительство—в странах, которые составляли раньше части Российской Империи. Подданные обоих государств получают право вернуться назад к себе на родину. Устраняются препятствия для возобновления торговли между обоими странами, возобновляются также почтово-телеграфные сношения. Англия и Россия взаимно обмениваются торговыми представительствами. Британское правительство обязуется не предпринимать никаких шагов.

имеющих целью завладение золотом, имуществом, товарами, принадлежащими советскому правительству. В особой декларации, приложенной к договору, советское правительство обязывалось в будущем уплатить возмещения частным лицам, поставившим товары или оказавшим услуги России, однако практическое разрешение всех этих вопросов откладывалось до заключения общего мирного договора.

Торговое соглашение 16-го марта знаменовало собой фактическое признание советского правительства, что и было официально заявлено Ллойд-Джорджем 23-го марта в палате общин. В полном соответствии с этим заявлением апелляционный суд в Лондоне 12-го мая вынес решение, что золото советского правительства в Англии не подлежит аресту или конфискации.

В течение дальнейших месяцев 1921 года постепенно совершалось восстановление порванных со времени октябрьской революции экономических отношений между Россией и Англией. Открыто было почтово-телеграфное сообщение (7-го апреля), началось размещение заказов на необходимые России предметы среди английских фирм, завязались переговоры с представителями крупных капиталистических предприятий Великобритании и возможности различных концессий в Советской Республике. Особенное значение при этом имели переговоры с руководителями бывшего Русско-Азиатского Общества Лесли Эркартом относительно передачи ему на концессионных началах принадлежавших ему прежде рудников и заводов. Одновременно от месяца к месяцу возрастали размеры англо-русской торговли, и увеличивался интерес британских официальных и деловых кругов к судьбам русского народного хозяйства.

Конечно, не обходилось без шероховатостей и осложнений. Так, например, английские власти в Константинополе позволяли себе совершенно невозможное обращение (обыски, аресты, оскорбления и т. п.) с членами выехавшей туда русской торговой делегации. Протесты т. Красина в Лондоне долгое время не имели никаких результатов, так как британское правительство заявляло, что англо-русский договор не распространяется на территорию Константинополя. Однако в общем и целом отношения между обоими государствами постепенно налаживались, открывая перед ними перспективы дальнейшего сближения.

Соглашения и переговоры с другими государствами.

Договор с Англией сыграл крупнейшую роль в развитии международных отношений Советской Республики. Если договоры с маленькими балтийскими государствами явились для нее «окном в Европу», то соглашение с Англией послужило дверью на арену мировой политики. После того, как исполинская Британская Империя сочла возможным фактически признать советское правительство и пойти на компромисс с «врагами собственности и цивилизации», другим великим и малым державам было уже немыслимо строго выдерживать линию полного бойкота рабоче-крестьянской республики. В среду капиталистического мира были внесены элементы внутреннего разложения, и европейские государства одно за другим начали менять свою прежнюю непримиримую позицию. Нити экономических и политических отношений стали все гуще протягиваться между Советской Россией и буржуазными странами.

Одной из первых стран, последовавших примеру Англии, была Италия. Еще в декабре 1919 года итальянский парламент признал необходимым снятие с России экономической блокады, а тогдашний итальянский премьер Нитти заявил, что возобновление сношений с Советской Республикой для Италии представляет большую важность.

Действительно, Италия была сильно разорена войной, она стремилась к восстановлению своего хозяйства и в частности искала источников дешевого топлива для своей промышленности. До 1914 г. углем ее снабжала Германия, теперь Германия оказывалась не в состоянии это делать, и Италия вынуждена была получать уголь от своей доброй союзницы Англии, которая, пользуясь стесненным положением Италии, взимала с нее растовщические цены. Неудивительно, что итальянская буржуазия стала мечтать о кавказской нефти и о донецком угле, как об избавителях от британского экономического ига.

Долгое время однако дело сближения между Италией и Россией дальше разговоров не шло. Правда, т. Литвинову во время его пребывания в Копенгагене удалось заключить договор о товарообмене между русскими и итальянскими кооперативами, в результате которого летом 1920 г. из России в Италию был отправлен груз пшеницы. Однако никакие официальные отношения между итальянским и российским правительствами в течение всего 1920 года никак не могли наладиться. Причина была проста: во-первых, Италия, слабейший из членов Антанты, не решалась брать на себя инициативу столь смелого шага, а, во-вторых, итальянское правительство боялось пустить в пределы своей страны представителей Красной России, опасаясь их «пагубного» влияния на революционно-настроенные массы собственного пролетариата (1920 г. был ознаменован бурным движением итальянских рабочих, местами выливавшимся в захват фабрик и заводов).

Только в октябре 1920 года, после прокатившейся по всей Италии волны демонстраций в пользу мира с Россией, итальянское правительство вынуждено было зашевелиться. Разгром Врангеля окончательно сдвинул его с мертвой точки. В Ревель был отправлен итальянский дипломатический агент Депрейтес с поручением сговориться с советским правительством относительно поездки в Италию русской торговой миссии. Соглашение было достигнуто, и 14-го марта 1921 года в Италию прибыло советское торговое представительство, во главе с т. Воровским. Однако с первых же шагов своей деятельности оно натолкнулось на чрезвычайные затруднения. Итальянские власти обнаружили к нему крайне враждебное отношение. Они требовали вскрытия багажа делегации, хотя это противоречило установленным международным правилам. Несмотря на протесты т. Воровского, 20-го марта багаж был все-таки вскрыт. В ответ на это т. Воровский на следующий день демонстративно отклонил назначенное ему итальянским министром иностранных дел Сфорцой свидание. Тогда г. Сфорца нотой от 21-го марта уведомил т. Воровского, что отныне к его багажу будут применяться обычные дипломатические льготы.

На этом столкновения не кончились. В итальянской печати началась бешеная травля советской делегации. Фашисты преследовали ее при каждом удобном случае

оскорблениями и угрозами. Были даже попытки нападения Положение приняло столь угрожающий характер, что т Воровский нотой от 24-го мая заявил итальянскому правительству о невозможности для него дальнейшего пребывания в Италии и потребовал визы для от'езда делегации в Россию. Только теперь итальянское правительство принципиально признало неприкосновенность российской миссии и распорядилось о выдаче ее членам разрешения на ношение оружия. Одновременно генерал-прокурором был опротестован оправдательный приговор, который суд вынес фашисту Сервенти, оскорбившему т. Воровского. Мало-по-малу условия существования советской делегации в Италии стали улучшаться, и она смогла приступить к положительной работе.

В конце мая итальянский министр иностранных дел предложил т. Воровскому начать переговоры о заключении торгового договора. 6-го июня т. Воровский представил проект такого договора итальянскому правительству. Первоначально этот проект встретил сочувствие со стороны последнего, но затем итальянское правительство предложило просто скопировать англо-русское торговое соглашение. Советское правительство считало однако необходимым внести в договор пункт, признающий советское представительство единственным представителем России, на что Италия не хотела согласиться. Так как ни одна из сторон не считала возможным идти на уступки, то договор между Россией и Италией оставался неподписанным в течение осени и зимы 1921 — 22 г.г. Только после Генуэзской конференции, о которой речь будет ниже, т.т. Чичерин и Красин выработали вместе с представителем итальянского правительства новый проект договора, представлявший значительный шаг вперед. Однако и этот проект был признан Совнаркомом недостаточно выгодным, и 16-го июня 1922 года был им отклонен. Экономические отношения между Россией и Италией в течение минувших полутора лет продолжали постепенно развиваться, но официального оформления их до сих пор все-таки не последовало. Надо думать однако, что день такого оформления не за горами.

Значительно благоприятней развились отношения между Советской Республикой и Германией. Как мы знаем, с конца 1918 года дипломатические сношения между

обоими государствами были разорваны. Возобновление их совершилось уже после разгрома Колчака и Деникина. 20-го февраля 1920 года т. Копп был официально признан уполномоченным советского правительства в Берлине по делам военнопленных (в Москву был допущен также соответственный уполномоченный германского правительства), а затем началось постепенное сближение между обоими странами. Первоначально германское правительство пыталось ставить некоторые препоны к восстановлению дипломатических сношений с Советской Республикой, выставляя требование извинения с ее стороны за убийство Мирбаха в 1918 году. Это требование советским правительством было отклонено, что не помешало однако германскому правительству 19-го апреля заключить с нашим уполномоченным в Берлине особое соглашение о реэвакуации военнопленных, развитое и дополненное соглашениями 29-го апреля и 7-го июня. С начала 1921 года в немецкой печати, а также в деловых и политических кругах Германии стала усиливаться агитация в пользу заключения торгового договора с Россией. Это было вполне понятно, в виду того исключительно тяжелого экономического положения, в которое Германия попала после Версальского мира. Однако германское правительство не решалось сделать необходимого шага из боязни Антанты. Только после заключения англо-русского договора оно сочло возможным вступить на манивший его путь, и 6-го мая 1921 года представителями советского и германского правительств было подписано в Берлине «Временное соглашение о возобновлении торговых сношений». Соглашением этим предусматривалось расширение полномочий уже существовавших ранее представительств обоих государств для попечения о военнопленных, которым отныне поручалась защита общих интересов граждан их страны. При этом представительство РСФСР в Германии было признано единственным представителем России. Далее последовал ряд дополнительных соглашений экономического характера, в частности о взаимном судоходстве и о правах германских граждан, отправляющихся в Россию по торговым делам.

Результатом русско-германского договора явилось значительное оживление отношений между обоими странами. 19-го сентября в Москву прибыл германский пред-

ставитель г. Виденфельд, а 25-го октября в Берлин прибыл полномочный представитель РСФСР т. Крестинский. В течение всей зимы 1921—22 года продолжалось постепенное расширение русско-германских торговых операций, велись также переговоры между некоторыми крупными немецкими фирмами и советским правительством о возможности предоставления им различных концессий на территории Российской Республики. Это неуклонное развитие добрососедских отношений между Советской Республикой и Германией завершилось заключением в Рапалло 16-го апреля 1922 года русско-германского договора, имеющего чрезвычайно важное как принципиальное, так и практическое значение. Этот договор признает советское правительство de jure, восстанавливает между обоими государствами дипломатические сношения в полном об'еме и подтверждает взаимный отказ сторон от каких-либо экономических притязаний друг к другу, в связи с событиями войны и революции. Рапалльский договор является образцовым договором, нормами которого Советская Республика намерена руководиться при заключении политических договоров с другими государствами.

Примеру Германии вскоре последовала Австрия. Еще в начале 1920 года т. Литвиновым в Копенгагене было заключено соглашение с австрийским правительством о взаимном обмене военнопленными, для чего обе стороны обменялись также соответственными представительствами. Вскоре однако эта форма сношений перестала удовлетворять Австрию. Уже 21-го января 1921 года австрийский министр торговли сделал заявление о необходимости восстановить экономические связи с Россией, однако из страха пред Антантой Австрия не решалась приступить к практическому осуществлению этой идеи. Только после заключения русско-английского и русско-германского договоров она набралась необходимой смелости, и 8-го декабря 1921 года представителями австрийского и советского правительств был подписан русско-австрийский договор, расширяющий компетенцию советской миссии по делам военнопленных в Вене до полномочного представительства РСФСР. В задачи последнего входит защита политических и экономических интересов Советской России, причем ему присваиваются все права и преимущества дипломатического представительства.

Из других государств Центральной Европы наибольшую склонность к установлению нормальных отношений с Советской Республикой обнаружила Чехо-Словакия. Это об'яснялось тем, что, будучи страной чрезвычайно промышленной, она задыхалась от отсутствия рынков для сбыта своих товаров. В довоенные годы богемская промышленность имела обеспеченный рынок в пределах бывшей Австро-Венгерской монархии. Теперь с распадом последней на ряд независимых государств, окруженных таможенными барьерами и мечтающих о создании своей собственной промышленности, фабрики и заводы Чехо-Словакии оказались в критическом положении, так как их производительная сила была слишком велика для потребностей внутреннего рынка. Естественно, что Россия манила чешских промышленников и купцов, как необ'ятное поле для приложения их деловой энергии. Впрочем, на первых порах сближению между Чехо-Словакией и Россией мешали чисто-политические обстоятельства, а именно зависимость Чехо-Словакии от Франции, ведшей борьбу за уничтожение Советской Республики. Действительно, мирные предложения Советского правительства от 25-го февраля и 22-го апреля 1920 года были оставлены Чехо-Словакией без ответа Наоборот, Н. К. И. Д. в этот период не раз приходилось выступать с решительными протестами против покровительства, оказываемого чехо-словацким правительством различным контр-революционным группам и организациям, в особенности партии социалистов-революционеров. Только после разгрома Врангеля настроение чехо-словацких правящих кругов стало меняться, и в начале 1921 года практически стал вопрос об обмене между обоими государствами торговыми делегациями. Сперва на пост российского представителя в Праге был выдвинут т. Аралов, однако, ввиду протеста с чехо-словацкой стороны, он был заменен т. Мостовенко. Непосредственно после приезда последнего в Прагу в феврале 1921 г. начались переговоры о заключении русско-чешского торгового договора, которые лишь около года спустя привели к практическому результату. По договору, подписанному сторонами 5 июня 1922 года, оба государства взаимно отказывались от враждебных друг другу действий и взаимно обменивались представительствами, причем советское представительство признавалось единственным представителем России в Чехо-

Словакии. Сверх того Р.С.Ф.С.Р. получала в Чехо-Словакии права юридического лица.

Немалый интерес к возобновлению сношений с Россией обнаружили и Скандинавские страны. Впереди всех шла Норвегия. В довоенные годы последняя ввозила в Россию значительное количество своей рыбы, для сбыта которой она ни во время войны, ни после нее не могла найти подходящего рынка. Вполне естественно поэтому, что во время пребывания т. Литвинова в Копенгагене норвежское правительство предприняло некоторые шаги для начала переговоров о возобновлении сношений между Россией и Норвегией. Внутренние политические осложнения в самой Норвегии, поведшие к смене министерства, несколько задержали ход переговоров, и только 4-го апреля 1921 года, вскоре после приезда в Стокгольм русской торговой миссии во главе с т. Керженцевым, норвежское правительство назначило делегацию для ведения переговоров с Россией. Первоначально эти переговоры натолкнулись на значительные затруднения, так как норвежское правительство не соглашалось дать достаточных гарантий неприкосновенности русского золота и товаров на своей территории, а равно и ввиду чрезмерных требований Норвегии по вопросу о принципиальном признании имущественных прав ее граждан в России. Но потом, после вступления во власть нового либерального министерства Блера, Норвегия быстро пошла на уступки, и 2-го сентября 1921 года в Христиании был подписан русско-норвежский торговый договор. По характеру своему он подобен англо-русскому, однако, в противоположность последнему, он совершенно определенно признает советское представительство единственным представителем России.

Менее благоприятны были наши переговоры с Швецией. Еще во время пребывания т. Литвинова в Копенгагене, деловые круги Швеции буквально забрасывали его различными торговыми предложениями и посылали к нему делегации для выяснения возможности восстановления экономических сношений между Швецией и Россией. Т. Литвинов выставил однако предварительным условием вступления в торговые переговоры согласие шведского правительства на восстановление с РСФСР хотя бы полуофициальных сношений. Под двойным давлением предпринимателей и дружественно расположенных

к Советской России рабочих тогдашнее шведское правительство проявляло готовность пойти на такое соглашение. Однако благодаря внутреннему кризису оно вынуждено было уйти и было заменено министерством Брантинга-Пальмшерна, попавшим сразу в орбиту французской политики. Переговоры между Швецией и Россией временно оборвались, и шведское правительство признало возможным допустить в Стокгольм лишь представительство Центросоюза. Впрочем, потребовался еще целый ряд месяцев для того, чтобы были преодолены различные препятствия и уловки формального характера, с помощью которых шведское правительство пыталось воспрепятствовать приезду в Швецию даже делегации Центросоюза. Только 13-го февраля 1921 года эта делегация, во главе с т. Керженцевым, наконец, прибыла в Стокгольм. Постепенно отношения между Швецией и Россией начали выравниваться и, наконец, было приступлено к переговорам о русско-шведском торговом договоре. Благодаря саботажу со стороны шведского правительства, переговоры эти затянулись почти на целый год, и только 1-го марта 1922 года договор был, наконец, подписан обоими сторонами. Но тут произошло новое осложнение: ратификация договора была отклонена шведским парламентом, правое крыло которого до сих пор не изжило полностью своих антисоветских настроений.

Еще менее удачны были переговоры Советской России с Данией. Во время пребывания т. Литвинова в Копенгагене датские торговые круги вели с ним разговоры на экономические темы, однако датское правительство, крайне реакционное и находящееся под сильным влиянием Антанты, уклонялось от вступления в официальные переговоры. После приезда т. Керженцева в Стокгольм была сделана попытка достигнуть известного соглашения. 28-го июня 1921 года датская делегация вручила т. Керженцеву проект русско-датского торгового договора. Затем начались длительные переговоры. Возможно, что эти переговоры привели бы, в конце концов, к какому-нибудь положительному результату, но... тут вмешалось влияние Романовых, весьма сильное при датском дворе, и намечавшееся соглашение застыло на точке замерзания. Дания отказывалась признать советское правительство единственным представительством России, а без этого т. Керженцев, конечно, не считал возможным подписать договор. Русско-датские

переговоры оборвались и пока никаких официальных отношений между Данией и Советской Россией не существует.

Описанные выше соглашения и переговоры в основном исчерпывают собой полосу 1920—21 года, частью еще приходящуюся на период гражданской войны, а частью падающую уже на период торжества революции над силами реакции. Эти немногочисленные акты дипломатической истории знаменовали собой медленный и тернистый выход Советской Республики из железного кольца военно-политической и экономической блокады на широкую арену международных отношений. Но это были только первые робкие шаги, первые попытки сепаратных сношений с отдельными странами и государствами. Однако к началу 1922 года то русло, которым шло восстановление отношений между Россией и капиталистическим миром, оказалось уже слишком узким для разрешения проблем о включении России в международный хозяйственный оборот. Пора дипломатического кустарничества прошла, наступила эпоха мировой политики.

IV. Эпоха мировой политики.

Генуя.

К началу 1922 года для всякого внимательного наблюдателя становилось ясно, что процесс восстановления отношений между Советской Республикой и капиталистическим миром принимает стихийный характер. Главных причин тому было две.

Прежде всего империалистическая война оставила, в качестве своего наследия человечеству, беспримерный экономический кризис, равного которому мы напрасно стали бы искать в истории буржуазного общества. Не вдаваясь сейчас в излишние детали, укажем только, что в основе этого кризиса лежало, с одной стороны, огромное обеднение широких масс населения, а с другой, коренное расстройство сложной системы экономического обмена, поддерживавшего жизнеспособность мирового хозяйства до войны. Одним из важнейших моментов расстройства обмена являлся выход России, с ее богатейшими естественными рессурсами, из сферы мирового хозяйства, выход, совершившийся в результате войны капиталистического мира против Советской Республики. Для ликвидации или, по крайней мере, ослабления господствующего кризиса необходимо было включение России в международный хозяйственный оборот. Договоры и соглашения, заключенные различными европейскими государствами с Советской Республикой в 1920—21 г.г., являлись внешним и пока еще недостаточно уверенным проявлением этой об'ективной необходимости.

Вторая причина указанного явления коренилась в области политических отношений. Война 1914 — 18 г.г. не только не привела к всеобщему миру, который лицемерно обещали народам вожди европрейской буржуазии, но, наоборот, создала целый клубок новых противоречий, которые в рамках капиталистического общества могут быть разрешены только силою меча. После 1918 г. остались те же взаимная борьба, подозрительность и со-

перничество отдельных государств, которые привели к катастрофе 1914 года. Данное обстоятельство, естественно, должно было обострять интерес больших и малых держав к Советской Республике. Государство, располагающее 1/6 всей суши и заключающее население в 150 миллионов человек, являлось слишком крупным фактором в борьбе противоречивых интересов международной политики для того, чтобы его можно было оставить без внимания. Каждому правительству хотелось использовать в своих интересах тот огромный резервуар потенциальной силы, который представляла из себя Советская Республика. Отсюда вытекала неизбежность восстановления с ней прерванных в 1918 году сношений.

Но если таким образом вопрос о включении России в мировой экономический и политический оборот становился одним из важнейших вопросов дня, то оставалось еще неясным, каким путем будет совершаться самый процесс включения. Здесь намечались две возможности: или путь сепаратных соглашений между Россией и другими странами, путь, которым Советская Республика шла в 1920—21 г.г., или же—единовременное «всеобщее» примирение между рабоче-крестьянской республикой и капиталистическим миром.

С точки зрения интересов России, первый путь был, пожалуй, выгоднее. Правда, он был значительно длиннее, но зато обещал больше практических успехов, так как при переговорах Советской Республики с каждым государством в отдельности соотношение сил для нее складывалось бы более благоприятно. Наоборот, для капиталистического мира общее организованное соглашение с Россией представлялось более желательным, так как в этом случае все буржуазные страны выступали бы единым фронтом против Советской Республики и соотношение сил складывалось бы гораздо менее благоприятно для последней. Конечно, более дальновидные представители буржуазии должны были склоняться к второму пути, как обещающему им значительные преимущества в переговорах с Советской Россией.

Одно случайное обстоятельство дало окончательный перевес этой последней тенденции. Чувствуя приближение конца своего господства, Ллойд-Джордж—несомненно умнейший из государственных людей Запада,—задумал под-

новить туснекнеющий блеск своей политической репутации удачным разрешением «русского вопроса». И так как он понимал все выгоды выступления единым капиталистическим фронтом, то и выдвинул идею созыва обще-европейской конференции держав, на которой могла бы совершиться встреча между Советской Республикой и буржуазным миром для заключения общего соглашения хотя бы о временном прекращении экономической и политической войны.

6-го января 1922 года Верховный Совет Антанты в Каннах, по предложению Ллойд-Джорджа, принял постановление о созыве подобной конференции. Соответственная резолюция, ставшая широко известной под именем Каннской резолюции, гласила следующее:

«Союзные державы, собравшиеся на конференции, высказывают единодушное мнение, что в первых числах марта должна быть созвана экономическая и финансовая конференция, на которую всем европейским державам, в том числе Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии и России, должно быть предложено послать их представителей. Они считают, что такая конференция является неотложным и необходимым шагом на пути к экономическому возрождению Центральной и Восточной Европы. Они твердо убеждены, что в этой конференции должны были бы принять, по возможности, личное участие премьер-министры каждой нации с тем, чтобы все принятые на конференции решения могли возможно быстрее претвориться в действия. Союзные державы признают, что возобновление международных торговых сношений в Европе, равно как и развитие ресурсов всех стран необходимы для увеличения числа занятых производительным трудом лиц и для облегчения страданий, испытываемых европейскими народами. Совместные усилия наиболее мощных государств необходимы для восстановления жизнеспособности европейской системы, ныне парализованной. Эти усилия должны быть направлены к устранению всех препятствий, затрудняющих торговлю. Они должны также заключаться в предоставлении значительных кредитов наиболее слабым государствам и в сотрудничестве всех стран в деле восстановления нормальных условий производства.

Союзные державы считают, что основные условия, необходимые для плодотворной работы, в общих чертах сводятся к следующему:

1) нации не могут присвоивать себе права диктовать другим принципы, на основе которых они хотят организовать свою внутреннюю экономическую жизнь и свой образ правления; каждая страна имеет право избрать для себя ту систему, которую она предпочтет;

2) невозможно однако получить в распоряжение иностранные капиталы для оказания помощи какой-либо стране, если иностранцы, доставляющие для того денежные средства не будут иметь уверенности в том, что их имущество и права будут пользоваться неприкосновенностью и что прибыль от их предприятий будет обеспечена;

3) это чувство безопасности может быть восстановлено лишь в том случае, если нации (или правительства наций), которые желают получить иностранные кредиты, добровольно обязуются признать все публичные долги и обязательства, которые были или будут заключены или гарантированы государством, муниципалитетами или другими общественными учреждениями, а также признать за собою обязательство вернуть, восстановить или, в случае невозможности этого, возместить все потери или убытки, причиненные иностранным интересам конфискацией или секвестром имущества, и восстановить систему законов и судопроизводства, охраняющую и обеспечивающую беспристрастность выполнения коммерческих и других сделок;

4) нации должны располагать общепризнанными средствами обмена и вообще должны быть установлены финансовые и денежные условия, обеспечивающие достаточные гарантии для торговли;

5) все нации должны принять на себя обязательство воздерживаться от всякой пропаганды, направленной к ниспровержению порядка и политической системы, установленных в других станах;

6) все государства должны сообща принять обязательство воздерживаться от каких бы то ни было враждебных действий против своих соседей.

Если российское правительство, в целях обеспечения необходимых для развития русской торговли условий, потребует официального признания, союзные державы могли бы согласиться на это признание лишь в том случае, если бы российское правительство приняло вышеуказанные условия».

Решение было принято. Однако осуществление его натолкнулось на ряд крупных препятствий, важнейшим из которых было сопротивление Франции. Понадобилась трехмесячная агитация в мировой печати, понадобился длительный обмен нотами, меморандумами, визитами между главами различных держав, в особенности же между руководителями политики в Англии и Франции для того, чтобы, пройдя через цепь министерских кризисов (в Италии, Франции, Австрии) и парламентских землетрясений (Англия, Германия), идея Ллойд-Джорджа, наконец, воплотилась в действительность.

Только 10-го апреля в Генуе открылись заседания обще-европейской конференции, на которой присутствовала азиатская Япония, но на которую не была допущена Ангорская Турция под тем предлогом, что она находится за пределами Европы. Всего в Геную явились представители 34 различных государств, в том числе представители Германии и России. В состав российской делегации входили тт.: Чичерин (председатель), Красин, Литвинов, Иоффе, Воровский, Раковский, Нариманов, Мдивани, Бекзадян, Ходжаев, Рудзутак и Сапронов. Соединенные Штаты, следуя своей политике по возможности меньше вмешиваться в Европейские дела, в конференции официально не участвовали. Присутствовавший в Генуе американский посол в Риме Чайльд преследовал исключительно информационные цели.

Мы не станем останавливаться на подробностях этого любопытного совещания, детали которого несомненно сохранились еще в памяти читателя, а лишь вкратце обрисуем создавшееся на нем положение. В программе конференции в полном соответствии с текстом Каннской резолюции стояли два пункта:

1. Русский вопрос.
2. Восстановление Европы.

Не подлежит сомнению, что при всей своей важности «русский вопрос» является лишь частью более общего вопроса о «восстановлении Европы». Надо было думать поэтому, что Генуэзская конференция сосредоточит свое главное внимание на проблемах возрождения европейского хозяйства и будет затрагивать вопрос о России лишь постольку, поскольку это связано с проблемами европейской экономики. В действительности вышло одна-

ко иначе. «Восстановление Европы» свелось к нескольким бесцветным и бесцельным декларациям, от которых никому не было ни тепло, ни холодно,—наоборот, «русский вопрос» стал подлинным фокусом внимания конференции. Можно смело утверждать, что Генуэзская конференция в сущности была конференцией по «русскому вопросу», т. е. по вопросу о том, каким путем можно найти примирение между буржуазным миром и Советской Республикой в целях вовлечения последней в мировой хозяйственный оборот.

Как же ставился и решался этот вопрос в Генуе?

В Генуе столкнулись два мира—мир капитала и мир труда, и позиции обоих сторон были чрезвычайно ярко запечатлены в двух дипломатических документах, имеющих несомненно историческое значение. Первый документ,—это меморандум капиталистических держав от 2-го мая, где требования международной буржуазии получили наиболее полную и законченную форму. Названный меморандум состоит из двух частей: экономической и политической. Экономическая часть в основном сводилась к следующему.

1) Советская Республика должна признать все финансовые обязательства ранее существовавших российских правительств, включая сюда как государственные довоенные и военные долги, так и муниципальные, общественные и другие обязательства, с уплатой всех причитающихся по ним процентов.

2) Советская Республика должна отказаться от всяких претензий на возмещение убытков, причиненных ей блокадою и интервенцией европейских государств. В случае согласия на этот отказ, державы Антанты, не требуя немедленной уплаты по военным долгам, предложат в дальнейшем своим парламентам сократить сумму военных долгов России в соответствии с ее финансовым и экономическим положением.

3) Советская Республика должна вернуть иностранным подданным все конфискованное у них во время революции имущество (фабрики, заводы, торговые предприятия и т. д.) или же, в случае невозможности такого возврата, компенсировать их за причиненные убытки различными иными способами (уплатой денег, предоставлением концессий и т. п.). В случае разногласий между советским прави-

тельством и бывшими собственниками спор решается особым трибуналом, в котором на 4-х иностранцев, т.-е. представителей капиталистической буржуазии, приходится один русский. Советскому правительству воспрещается передавать имущество, принадлежавшее раньше иностранным подданным, в руки третьих лиц.

Таков тот «фунт мяса», который капиталистические Шейлоки хотели вырезать из тела рабоче-крестьянской России. Для того, чтобы еще ярче оттенить наивную самоуверенность буржуазного мира, необходимо прибавить, что упомянутые экономические притязания сопровождались рядом воистину курьезных политических требований. Так, например, меморандум 2-го мая требовал от Советской Республики предоставления иностранцам особых по сравнению с русскими прав и привилегий, безусловного нейтралитета России в Малой Азии, возврата Румынии задержанного советским правительством золотого запаса и даже... воспрещения в пределах России существования всякого рода организаций, оказывающих помощь революционному движению других стран. Иными словами, Антанта требовала роспуска Коминтерна и Р. К. П.! Несмотря на все это, представители Франции и Бельгии отказались подписать меморандум, находя его слишком мягким. Франко-бельгийские капиталисты ни за что не хотели согласиться на возможность возмещений за конфискованную революцией собственность — они желали полного восстановления этой собственности в натуре.

Что отвечала на это российская делегация?

Ее ответ был зафиксирован во втором из упомянутых исторических документов—в меморандуме от 11-го мая, адресованном представителям капиталистических держав. Этот меморандум отнюдь не являлся агитационным произведением, в чем его обвиняли буржуазная пресса и буржуазные политики,—наоборот, это был деловой документ купца, который в целях совершения сделки готов идти на известные уступки, но не иначе, как на основе полной взаимности. Суть меморандума 11-го мая сводилась к следующему:

1) Советская Республика согласна отказаться от своих претензий к державам Антанты за убытки, причиненные блокадой и интервенцией, но лишь в том случае, если державы Антанты полностью откажутся от всех военных долгов.

2) Советская Республика, не признавая в принципе своей ответственности за обязательства царского правительства, в интересах целесообразности готова согласиться на уплату довоенных долгов, но только при условии, что, во-первых, ей будет предоставлен мораториум (отсрочка по платежам) на 30 лет, и что, во-вторых, советскому правительству державами Антанты будут даны кредиты, необходимые для восстановления народного хозяйства России. При этом делегация подчеркивала, что кредиты должны быть даны именно правительству, а не иностранным промышленникам и купцам, которые захотят вести экономические сношения с Россией (представители Антанты финансовую помощь по восстановлению России понимали именно в этом последнем смысле).

3) Советская Республика, категорически отказываясь от восстановления национализированной собственности иностранцев в натуре, тем более, что такое требование противоречит пункту Каннской резолюции, соглашается однако известным образом компенсировать пострадавших от революции иностранных владельцев. Она готова предоставить последним «преимущественное право во всех тех случаях, когда речь идет о предоставлении концессий бывшим собственникам на эксплоатацию принадлежавшего им раньше имущества, будь это в форме аренды или в форме смешанного общества, организованного государством и иностранным капиталом, или, наконец, в любой другой форме, предусматривающей участие иностранцев». Вместе с тем Советская Республика решительно отклоняет какое бы то ни было вмешательство со стороны в право распоряжения принадлежащей ей собственностью, равно как и не допускает разрешения споров между ней и иностранными владельцами через предлагаемые союзниками смешанные трибуналы.

Позиции сторон, как видим, были достаточно ясны и определенны. Ллойд-Джордж, поддерживаемый итальянцами, приложил все свое изумительное искусство соглашателя для того, чтобы сблизить эти позиции и достигнуть хоть какого-нибудь примирения. Но все его усилия остались тщетными. Представители Советской России твердо отстаивали свой основной принцип—никаких уступок без взаимности. И так как взаимность капиталистического мира, в особенности же взаимность Франции и Бельгии,

была совершенно ничтожной, то никакого соглашения, конечно, не могло состояться. Мечта, которую лелеял Ллойд-Джордж, таяла и расплывалась, как легкое облачко. Однако британский премьер не хотел признать себя побежденным, не хотел отказаться от манившей его роли «спасителя Европы». Поэтому, прежде чем Генуэзская конференция разошлась, он сделал еще одну попытку спасти от окончательной гибели карточный домик своих политических построений. Он настоял на том, чтобы рассмотрение «русского вопроса» в Генуе не было признано законченным, но было перенесено на новое международное совещание, именно на специальную «комиссию экспертов», которая приблизительно через месяц после Генуи должна была собраться в Гааге. Предложение Ллойд-Джорджа было принято, и 19-го мая конференция 34 держав, потратившая пять недель на свои заседания, разошлась, не приведя ни к какому практическому результату.

Гаага.

Генуэзская конференция кончилась 19-го мая,— Гаагская конференция началась 15-го июня. Промежуток времени, разделявший их, был, как видим, не очень велик, но он оказался все-таки достаточно продолжительным для того, чтобы заинтересованные в «русском вопросе» великие державы успели обменяться достаточным количеством дипломатических документов, излагавших их взгляды на предстоящее совещание.

Франция и на этот раз, как и перед Генуей, стремилась всеми возможными способами сорвать Гаагскую конференцию. В этих видах Пуанкаре 4-го июня разослал всем союзным правительствам длинный меморандум на 18-ти страницах, краткий смысл которого сводился к тому, что Гаагская конференция не должна касаться никаких политических вопросов, а ограничиться лишь вопросами о долгах, о частной собственности и кредитах, что все решения ее должны носить лишь совещательный характер, и что все капиталистические державы должны выступать на ней единым фронтом на основании специально заключенного между ними соглашения. Далее указывалось, что Россия должна отказаться от своего меморандума 11-го мая и признать восстановление частной собственности иностранцев в натуре. Никаких кредитов Советскому правительству не должно быть открыто, кредит может быть оказываем только частным лицам и организациям, желающим участвовать в возрождении народного хозяйства России. Такова была линия Франции.

Но Англия не разделяла этой точки зрения. В ответе на меморандум, опубликованном 11-го июня, лондонское правительство, соглашаясь с тем, что Гаагская конференция должна ограничиться лишь экономическими вопросами и принятием несвязывающих представленные там правительства решений, тем не менее, категорически возражало против попыток предварительного сговора между капита-

листическими державами, а также против намерения навязать Советской Республике неприемлемые для нее требования.

13-го июня французское правительство в новом меморандуме возражало своему английскому союзнику, настаивая на соблюдении единого капиталистического фронта и угрожая даже мерами экономической репрессии в случае попыток со стороны британских граждан использовать раскол в буржуазном лагере для получения специальных выгод и преимуществ от советского правительства. Англо-французский спор так и не был закончен до открытия Гаагской конференции, что, впрочем, не помешало представителям обоих государств на самой конференции довольно дружно проводить одну и ту же анти-советскую политику.

Что касается Соединенных Штатов, то и в отношении Гааги они заняли ту же самую позицию, какую занимали по отношению к Генуе. Несмотря на любезное приглашение со стороны Генуэзской конференции, правительство Гардинга в ноте от 15-го мая категорически отказалось от участия в новом совещании по «русскому вопросу». В качестве мотивировки этого отказа нота проводила то соображение, что, пока Россия будет стоять на почве меморандума 11-го мая, восстановление ее производительных сил невозможно. Стало быть, и всякая попытка действительного разрешения «русского вопроса» заранее обречена на неудачу. Около того же времени американский министр торговли Гувер, в речи, произнесенной в Филадельфии, заявил еще более определенно:

«Когда Россия, медленно поворачивая курс к прежним нормальным условиям, которые мы считаем жизненно-необходимыми для ее возрождения, подойдет к тому пункту, откуда уже станет возможным приступить к этому возрождению, Америка не станет больше медлить».

В переводе на более простой язык это означало: когда голод и разруха заставят Советскую Республику безоговорочно капитулировать пред капитализмом, мы придем для того, чтобы милостиво накинуть вам на шею петлю. А до тех пор—лучше подальше от Европы! В соответствии с подобной точкой зрения Вашингтонское правительство решило своего делегата в Гаагу не посылать, а ограничиться лишь наблюдением за Гаагским «действом» через американского посланника в Голландии.

Принципиально осталась неизменной и позиция России. В интервью, данном накануне от'езда в Гаагу председателем российской делегации т. Литвиновым, отчетливо высказывалась та мысль, что делегация идет на новое совещание с представителями капиталистического мира «с таким же твердым намерением отстаивать завоевания революции, суверенитет рабоче-крестьянского правительства и охранять интересы трудящихся масс, с каким она уезжала в Геную». Однако, конкретизируя условия возможного соглашения, т. Литвинов заранее заявлял, что Гаагская конференция сможет привести к положительным результатам лишь при наличии трех «если»:

1) если капиталистические державы полностью признают первый пункт Канской резолюции, т.-е. суверенитет Советской Республики во всем, что касается ее внутреннего устройства;

2) если правительства, желающие придти к соглашению с Россией, будут делать это на собственный риск и страх, независимо от Франции и Америки, в настоящее время явно уклоняющихся от сближения с Советской Республикой;

3) если эти желающие соглашения правительства дадут совершенно точные и конкретные обязательства о размерах и формах кредита, который они готовы предоставить советскому правительству для восстановления народного хозяйства России.

Курс взят был совершенно правильный. Что же получилось, в конце-концов, в действительности?

Гаагская конференция открылась 15 го июня при наличии представителей от 28 различных государств, включая сюда такие великие державы, как Люксембург и Албания. Конференция состояла из двух частей: русской и не-русской. Не-русская часть, собравшаяся 15-го июня, в течение десяти дней занималась своим конституированием, т.-е. выработкой порядка дня, назначением президиума конференции, созданием специальных комиссий по подлежащим обсуждению вопросам и т. п. В эти же десять дней со стороны французов и бельгийцев делались некоторые попытки к созданию единого капиталистического фронта на конференции, попытки, увенчавшиеся значительным успехом.

В высшей степени любопытен был личный состав не-русской части конференции. Вот некоторые характерные

данные. Английскую делегацию возглавлял Ллойд-Грим—директор департамента внешней торговли и, судя по отзывам многих, будущая политическая звезда Великобритании. Но Ллойд-Грим играл скорее роль официального представителя. Действительной душой английской делегации в Гааге был Лесли Эркарт, бывший директор правления Русско-Азиатского банка и бывший владелец Кыштымских и Ленских рудников. Председателем французской делегации являлся Альфан—директор департамента государственных имуществ Франции и одновременно директор бюро защиты частной собственности французских граждан в России. Рядом с Альфаном выступал профессор Парадель, типичный представитель капиталистической юриспруденции, а также Шевильи, коммерческий агент по делам России, бывший владелец резиновых фабрик в России, в первый период революции помогавший французскому послу Нулансу в организации вооруженных выступлений против советской власти. От Бельгии на конференции присутствовал Катье, директор банка, в руках которого сосредоточены бумаги русских промышленных предприятий, и Витмер, генеральный секретарь комитета защиты бельгийских интересов в России. От Японии выступал Яманучи, директор банка в Токио, заинтересованного в русских бумагах, и Окубо, директор банка в Иокогаме, имеющего большие «интересы» в Сибири. В рядах польской делегации находился Ястржембский, бывший директор Русско-Азиатского банка, а от имени Дании выступали Андерсен и Петерсен, директор и секретарь общества защиты датских претензий к России. Таковы были люди, которым «великие демократии Запада» поручили представительство своих интересов в Гааге. Букет, как видим, получался достаточно красочный и эффектный!

Русская часть конференции, состоявшая из т.т. Литвинова, Сокольникова, Крестинского и Красина, прибыла в Гаагу 26-го июня, и тогда началась совместная работа обоих частей. Велась она следующим образом. Были образованы три комиссии: о частной собственности (комиссия № 1), о долгах (комиссия № 2) и о кредитах (комиссия № 3), в каждую из которых входили представители 11 государств, при чем пять держав Антанты участвовали во всех комиссиях. Русская делегация в полном составе работала совместно со всеми тремя комиссиями.

В чем состояла эта работа?

Она носила весьма странный характер. Во всех трех комиссиях представители иностранных держав обнаруживали поистине неутолимую любознательность и требовали от русской делегации информации, информации и еще раз информации. Это была какая-то игра в информацию, достаточное представление о которой может дать хотя бы описание работы комиссии о долгах. Комиссия эта имела три заседания—28-го июня, 4-го и 7-го июля,—и все они сплошь были заполнены вопросами иностранцев и обстоятельными ответами на них российских представителей. И чего, чего только ни хотелось знать любознательным гаагским экспертам! Их интересовал и наш бюджет, и наши натуральные налоги, и характер советского Госбанка, и размер нашей эмиссии, и баланс Н. К. П. С., и финансирование национализированной промышленности, и хлебный заем, и таможенные пошлины, и смешанные общества, и бюджеты автономных республик, и многое, многое другое. Коротко говоря, иностранцы желали выспросить у советской делегации все, что так или иначе характеризировало состояние народного хозяйства России, но зато в отношении оказания финансовой помощи России они оставляли за собой полную свободу действий.

За игрой в информацию скрывалась суровая капиталистическая проза. На заседании комиссии о кредитах 30-го июня т. Литвинов огласил сумму, которую Россия считала необходимым получить в долг для восстановления своего народного хозяйства,—она определялась в 3,224 миллионов золотых рублей, которые должны были распределяться следующим образом: на восстановление транспорта—1050 миллионов, на нужды сельского хозяйства—904, на нужды промышленности—750 и на финансовые реформы—520. В случае согласия капиталистических держав оказать Советской Республике этот кредит, последняя готова была пойти на значительные уступки в деле возмещения иностранцев за убытки, причиненные им революцией. Но не-русская часть конференции ставила вопрос совершенно иначе. Она считала, что сначала Советская Республика должна признать долги и согласиться на реституцию частной собственности иностранцев, а затем уже могла идти речь о предоставлении России нужных ей кредитов. В виду этого центром тяжести конференции явилась комиссия о частной собствен-

ности. Решающую роль сыграло заседание названной комиссии 7-го июля.

На этом заседании российская делегация представила обширный список предприятий, предполагаемых к сдаче в концессию (о величине списка можно судить по тому, что он занимал около 30 страниц текста). И вот здесь, при обсуждении данного списка, разыгралась весьма характерная сцена. Едва т. Литвинов начал оглашение списка, как бельгийский делегат Катье, перебив т. Литвинова, предложил передать список для более тщательного ознакомления в секретариат не-русской части комиссии, а на этом заседании обсудить несколько иные вопросы. Вопросы, которые занимали Катье, сводились к следующему: 1) включены-ли в представленный список все предприятия, ранее принадлежавшие иностранцам, или не все? Иначе говоря, предполагает-ли советское правительство вернуть конфискованную собственность их прежним владельцам, хотя бы и в форме концессий? 2) в каких формах и на каких условиях Россия согласна совершить эту реституцию?

Ответ т. Литвинова жестоко разочаровал представителей капиталистических держав. Председатель русской делегации совершенно определенно заявил, что советское правительство отнюдь не думает о реституции частной собственности и что, составляя список предприятий, подлежащих к сдаче в аренду или концессию, оно совершенно не интересовалось вопросом о том, является ли данное предприятие русским или иностранным. Оно составляло свой список, исходя исключительно лишь из потребностей русского народного хозяйства. Однако при сдаче в аренду или концессию прежним собственникам будет предоставляться право преимущества.

Заседание 7-го июля, со всей определенностью подчеркнувшее отказ советского правительства капитулировать пред требованиями европейского капитала, окончательно решило судьбу Гаагской конференции. Положение достаточно выяснилось, и разговаривать больше стало не о чем. Результат понятен: 18-го июля Гаагская конференция умерла, достойно увенчав своим фиаско фиаско своей предшественницы Генуэзской конференции.

После Генуи и Гааги.

Исход Генуи и Гааги с несомненностью свидетельствовал о неспособности капиталистического мира в порядке единого фронта разрешить вопрос о вовлечении России в международный хозяйственный оборот. Советская Республика обнаружила гораздо больше стойкости и упорства, чем от нее ожидали вожди европейской буржуазии. Несмотря на разруху, вызванную последствиями империалистической и гражданской войны, несмотря на страшный голод, охвативший в 1921 году огромные районы страны, Советская Республика оказалась достаточно сильной для того, чтобы устоять пред дипломатической атакой всего капиталистического мира. Она оказалась способной ждать, а стало быть и выбирать наиболее подходящий момент для заключения соглашения с странами Запада. Гинденбург в начале мировой войны утверждал, что войну выиграет тот, кто обладает более крепкими нервами. В том историческом поединке, который в течение минувших пяти лет происходил между капиталистическим миром и Советской Республикой, более крепкие нервы обнаружила Советская Республика. Вот почему есть полная уверенность ожидать, что разыгрывающаяся на наших глазах дипломатическая борьба в конечном счете закончится победой рабоче-крестьянской России.

Однако пути этой победы после Генуи и Гааги рисуются несколько иначе, чем они рисовались до них. Теперь уже совершенно ясно, что никакого общего соглашения между капиталистическим миром и Советской Россией не может быть. Время его ушло, ушел также с общественной арены и главный его инициатор Ллойд-Джордж. Теперь процесс вовлечения Советской Республики в сферу мировой политики и экономики будет совершаться тем путем, каким он шел до Генуи и Гааги,

т.-е. путем сепаратных соглашений между Советской Республикой и отдельными иностранными государствами. И как раз те немногие месяцы, которые отделяют нас от финала Гаагской конференции, дают несомненные доказательства правильности только что высказанной мысли.

В самом деле, вот, например, Франция. Из предыдущего мы знаем, что начиная с октябрьской революции она всегда была наиболее последовательным и непримиримым врагом Советской Республики. Наши отношения с Францией на протяжении минувших пяти лет исчерпывались главным образом открытой борьбой, да обменом многочисленными нотами протеста. Поскольку же речь идет о дипломатических отношениях в собственном смысле слова, они возникли в начале 1920 года во время пребывания т. Литвинова в Копенгагене. Туда к представителю советского правительства явились уполномоченные Франции и Бельгии для переговоров об обмене военно-пленными. Главным предметом спора являлся отказ т. Литвинова выпустить из России французов и бельгийцев, обвиняемых в шпионаже и контр-революции, без официального заявления со стороны французского и бельгийского правительства о полном прекращении ими каких-бы то ни было враждебных действий против Советской России. Такие заявления в документальной форме, в конце концов, были переданы т. Литвинову, и 20-го апреля им был подписан договор об обмене пленными. Однако не успели еще высохнуть чернила, которыми писался договор, как французское правительство вероломно нарушило свое торжественное обещание, бросив польские войска на Советскую Республику.

В течение всего 1920 и 1921 г.г. политика Франции по отношению к Советской России была политикой жестокой вражды и бешеной ненависти. Франция поддерживала польское наступление, Франция официально признала правительство Врангеля, Франция уже после разгрома Врангеля блокировала Черноморские берега, Франция, наконец, «в счет покрытия своих расходов на Врангелевскую армию» захватила целый ряд русских военных судов («Воля», «Георгий Победоносец», «Алмаз», миноносцы: «Беспечный», «Сильный», «Яркий», канонерки: «Стриж» и «Грозный», транспорт «Кронштадт», несколько ледоко-

лов и подводных лодок). Одновременно Франция жестоко мучила 25.000 русских солдат, оставшихся на ее территории от времен империалистической войны, отказывая им в разрешении вернуться на родину, несмотря на неоднократные требования советского правительства. Первая половина 1922 года прошла в той же упрямой борьбе Франции против всякого примирения с Советской Республикой (мы уже видели позицию Франции в Генуе и Гааге) *).

И вдруг наступил неожиданный поворот. Едва успели раз'ехаться делегаты с Гаагской конференции, как со стороны Франции начались попытки зондирования почвы для заключения возможного соглашения. Ряд неофициальных шагов, предпринятых французским правительством в этом направлении, закончился неофициальной поездкой в Россию лидера французских радикалов Эррио, который, проведя в пределах Советской Республики около месяца, вернулся во Францию горячим сторонником сближения между обоими странами. Эррио начал усиленную кампанию за восстановление экономических связей между Францией и Россией, в чем был энергично поддержан марсельской, лионской, парижской и целым рядом других торговых палат. Одновременно французское правительство, в течение четырех с половиной лет не соглашавшееся допустить в свои пределы представителей Советской России, радиотелеграммой от 12 октября 1922 года признало возможным разрешить в'езд во Францию делегации российского Красного Креста для эвакуации находящихся там русских солдат.

В чем причины этой перемены?

Причин несомненно несколько. Прежде всего Франция устала от своей агрессивной политики по отношению к

---

*) В интересах справедливости необходимо отметить, что на протяжении минувших трех лет в политике французского правительства бывали отдельные моменты, когда голос благоразумия в нем одерживал верх над слепой ненавистью к Советской Республике. В этом отношении особенный интерес представляет нота французского правительства от 25-го ноября 1920 г., обращенная к английскому правительству, в которой заявляется, что Франция готова была бы возобновить сношения с Советской Россией при условии признания последней долгов царского и временного правительств. Нота прибавляет, что, принимая во внимание тяжелое экономическое положение России, Франция согласна была бы предоставить ей различные льготы по уплате долгов, а также участвовать в восстановлении ее хозяйства. Ни о каких политических условиях в этой ноте речи нет. Однако подобные моменты просветления бывали у французского правительства крайне редко и мало отражались на общей линии его политики.

России. За пять лет она успела достаточно обломать себе зубы об этот крепкий орешек и теперь, видя, что плетью обуха не перешибешь, начинает искать путей к примирению с Советской Республикой. Далее необходимо отметить влияние переживаемого сейчас Францией внутренно политического кризиса. Так называемый «национальный блок», управлявший страной со времени окончания войны, явно идет к упадку. Его программа, построенная на лечении всех экономических ран, нанесенных Франции войной, путем грабежа Германии, оказалась на практике совершенно несостоятельной. «Национальный блок» теряет кредит и против него начинает выступать так называемый «левый блок», ядром которого являются радикалы с Эррио во главе. «Левый блок» ищет какого нибудь популярного лозунга, на котором он мог бы сколотить себе политический капитал, в качестве такого лозунга он берет «сближение с Россией». Эррио пытается идти путем Ллойд-Джорджа. Что принесет ему этот путь в дальнейшем, покажет будущее, но сейчас агитация Эррио и его последователей является одним из немаловажных элементов, способствующих перемене позиции Франции в русском вопросе. Наконец,—и это пожалуй самое важное—Францию начинают толкать на сближение с Россией мотивы экономического характера. Все ярче обнаруживающаяся неспособность Германии выплачивать свои «возмещения» ставит в критическое положение государственные финансы Франции и ее народное хозяйство: ведь репарации до сих пор покрывали около четверти всего французского бюджета. Франция с каждым днем все больше начинает ощущать жестокие последствия того тяжелого экономического кризиса, который оставила после себя империалистическая война и от которого уже давно страдает Англия. Вот почему вопросы восстановления европейского хозяйства, которые до сих пор не имели для Франции особенно острого значения, теперь выдвигаются перед ней во всей своей трагической серьезности. А ведь это восстановление невозможно без включения России в мировой экономический оборот.

Данная тенденция находит себе чрезвычайно сильную поддержку в кругах широко-развернувшейся после войны французской промышленности. Присоединение к Франции по Версальскому договору Эльзас-Лотарингии с ее богатейшими железными рудниками, а также оккупация Саарского

угольного бассейна создали основу для развития крупной индустрии в этой классической стране мелкой буржуазии. Новый французский индустриализм, подобно индустриализму германскому или английскому, ищет рынков для сбыта своих продуктов и не без основания полагает, что таким рынком могла бы оказаться Россия. Для входящих в силу промышленников современной Франции гораздо важнее будущие барыши, которые они надеются получить от торговли с Россией, чем те долги прошлого, которые Советская Республика отказалась платить. И когда они видят, что капиталистические группы других государств (напр., английская группа Эркарта) начинают конкретно подходить к эксплуатации рынка и естественных рессурсов России, их недовольство анти-советской политикой Пуанкаре приобретает характер строго протеста. А это, конечно, не может не отражаться на позиции Франции в «русском вопросе».

Вообще, поскольку факты самого последнего времени позволяют сделать известное заключение о будущем, есть все основания утверждать, что русско-французские отношения впервые за пять лет вступили в полосу смягчения и выравнивания. Повидимому, уже не далеко тот день, когда Париж и Москва взаимно обменяются официальными представительствами. А это будет иметь чрезвычайно важное значение. Примирение Франции с Россией в сильной степени очистит европейскую атмосферу от господствующего в ней сейчас напряжения и поможет Советской Республике безболезненно разрешить целый ряд весьма существенных для нее международно-политических вопросов.

Не менее любопытна с интересующей нас точки зрения и та эволюция, которую в последние месяцы проделывают Соединенные Штаты. Выше нам приходилось говорить о той упорной, но мало активной враждебности по отношению к Советской России, в которой американское правительство застыло со второй половины 1919 года. После эвакуации американских войск из Архангельска и Сибири, закончившейся в начале 1920 года, Соединенные Штаты не принимали официального участия в вооруженной борьбе против Советской Республики. Но они все таки поддерживали блокаду и ставили различные препятствия к восстановлению торговых отношений между Россией и остальным капиталистическим миром. От вре-

мени до времени американское правительство считало также необходимым выступать с злостными нападками по адресу рабоче крестьянской власти. Так, в начале русско-польских мирных переговоров, американский министр иностранных дел Кольби отправил итальянскому правительству длинную ноту, направленную целым рядом самых нелепых обвинений против Советской Республики. Немного спустя, в декабре 1920 года, американское правительство выслало из пределов Соединенных Штатов советского представителя т. Мартенса на том формальном основании, что т. Мартенс является представителем советского правительства, в советском правительстве господствует коммунистическая партия, коммунистическая партия является частью Коммунистического Интернационала, а Коммунистический Интернационал ставит себе целью ниспровержение власти во всех капиталистических государствах, т.-е. и в Соединенных Штатах. После прихода к власти президента Гардинга ВЦИК 20-го марта 1921 года обратился к американскому конгрессу и к самому президенту с предложением о возобновлении торговых сношений. В ответ на это американский консул в Ревеле 26-го марта вручил находившемуся тогда в Эстонии т. Литвинову текст постановления американского правительства, в котором заявлялось, что возобновление сношений с Советской Республикой невозможно до тех пор, пока в ней не восстановлены частная собственность и начала буржуазного строя. В течение последующих месяцев целый ряд виднейших политических деятелей Америки—министр иностранных дел Юз, министр торговли Гувер и др.—неоднократно заявляли, что Соединенные Штаты не пойдут на соглашение с Россией, пока в ней господствует советский режим. Мы видели, что и в 1922 году, в Генуе и в Гааге Вашингтонское правительство не изменило своей твердо установившейся точке зрения.

И однако даже Соединенные Штаты вынуждены теперь брать иной курс по отношению к России. Справедливость требует сказать, что начало этого сдвига относится еще к 1921 году. Когда разразился русский голод, нашлось достаточное количество чутких и отзывчивых американских граждан, которые решили пойти на помощь умирающим крестьянам и рабочим Поволжья. Была организована «Американская Администрация Помощи» (АРА),

во главе которой стал только-что упоминавшийся министр торговли Гувер и которая взяла на свое попечение снабжение пищей и одеждой голодающих детей России. 20-го августа 1921 года советским правительством в Риге был подписан с АРА особый договор, предоставлявший последней чрезвычайно большую самостоятельность в деле организации помощи пострадавшему от неурожая населению, и, как показал опыт, оно не осталось в проигрыше. АРА развила очень широкую работу и оказала неоценимые услуги российскому населению. Мы охотно готовы признать, что руководители АРА, отправляясь для выполнения своей трудной задачи в Россию, руководились мотивами альтруистического порядка, но не подлежит все-таки сомнению, что АРА помимо своей непосредственно филантропической работы выполняла для американского правительства еще очень важную специальную службу. Она являлась его неофициальным представительством в Советской Республике, представительством, снабжавшим Вашингтон разнообразной информацией о России и способствующим сближению между обоими странами. АРА, таким образом, подготовляла почву для восстановления сношений между Америкой и Россией.

Но все-таки только после Гааги этот постепенно назревавший перелом принял, наконец, более действенную форму. Только после Гааги стал круто меняться тон американской печати, начавшей теперь кампанию за сближение с Советской Россией, только после Гааги американские дипломаты вступили пока еще, правда, в неофициальные переговоры с представителями Советской Республики об условиях возможного примирения. Весьма показательным в этом отношении является запрос американского правительства, сделанный в средине августа, согласилось-ли бы советское правительство допустить в Россию особую американскую комиссию для ознакомления с внутренними условиями последней. Советское правительство ответило на это предложение положительно, однако под условием, что американское правительство допустит такую же русскую комиссию и с теми-же целями в пределы Соединенных Штатов. Пока дело на этом остановилось, но опять-таки, поскольку факты и явления позволяют делать выводы, можно уверенно полагать, что Соединенные Штаты и Советская Республика вступили на путь постепен-

ного сближения, которое, вероятно, в недалеком будущем приведет к практическим результатам.

Да иначе и не может быть. Соединенные Штаты — капиталистическая держава, а это значит, что ее внешняя политика построена на принципе конкуренции с другими капиталистическими соперниками. Когда на соглашение с Советской Россией идет Англия, идет Франция, идет Италия, — Америка не может оставаться равнодушной. Она должна вмешаться, она не может упускать момента, она не может позволить соперникам опередить ее в занятии экономических и политических позиций в Советской Республике. Тем более, что Америка чрезвычайно заинтересована в положении вещей на Дальнем Востоке. Несмотря на все патентованные лекарства дипломатии, отношения между страной доллара и страной восходящего солнца продолжают обостряться, и в чаянии грядущих политических и военных бурь Соединенным Штатам в высшей степени важно поддержание добрых отношений с Россией. А это естественно толкает Вашингтонское правительство на скорейшее примирение с Советской Республикой.

Намечающиеся сдвиги в области русско французских и русско-американских отношений представляют в настоящее время важнейшее явление в сфере внешней политики Р.С.Ф.С.Р., как окончательно упрочивающее ее выход на арену мировой политики. В тени этого явления совершенно теряются вопросы, связанные с неурегулированностью взаимоотношений между Советской Россией и целым рядом других европейских государств, как Венгрия, Юго-Славия, Швейцария, Голландия, Греция, Болгария, Испания, Португалия, Румыния *) и др. Ибо разрешение этих вопросов станет простым и легким делом после того, как эво-

---

*) Наибольший непосредственный интерес для России имеет, конечно, неурегулированность ее отношений с Румынией. Как известно, Румыния еще в конце 1918 года оккупировала Бессарабию. В течение двух лет этот захват носил форму простого насилия. Однако в октябре 1920 года Румынии удалось получить на свой территориальный грабеж официальную санкцию французского парламента и правительства. После этого она стала считать вопрос о Бессарабии окончательно и бесповоротно решенным. Зная однако, что советское правительство стоит на совершенно иной точке зрения, Румыния в течение последних трех лет систематически уклонялась от всяких переговоров с Советской Россией, несмотря на то, что последняя неоднократно предлагала ей покончить миром разделяющие их разногласия. Вместе с тем, являясь одним из аван-постов Франции в борьбе против рабоче-крестьянской республики, Румыния в течение 1921—22 г г. служила местом убежища для различных белогвардейских банд (Махно, Тютюник и до.), нападавших оттуда на Российскую территорию.

люция русско-французских и русско-американских отношений приведет к конкретным положительным результатам.

И тогда же, очевидно, начнет отливаться в практические формы участие иностранного капитала в восстановлении народного хозяйства России. Но, если не обманывают многочисленные признаки, это участие будет носить несколько иные формы, чем о том думали перед Генуей и Гаагой. Еще в начале 1922 года предполагалось, что капиталистический мир окажет содействие развитию производительных сил России путем предоставления советскому правительству крупных сумм из государственных рессурсов европейских и внеевропейских держав. Это предположение оказалось иллюзией. Генуя и Гаага с несомненностью показали, что сами государства, по крайней мере европейские, совершенно не располагают сколько-нибудь значительными средствами, и что в дальнейшем Россия сможет черпать потребные ей кредиты лишь из частных источников. Поэтому путь соглашений советского правительства с отдельными капиталистическими группами Запада является в настоящее время наиболее реальным и целесообразным путем. В области экономической, как и в области политической, вовлечение России в мировой оборот пойдет, повидимому, не в плоскости общего соглашения с капиталистическим миром, а в плоскости сепаратных сделок с отдельными фирмами, синдикатами и концернами. Такова та историческая равнодействующая, которая складывается в результате пятилетней упорной борьбы между капиталистическим миром и российской революцией.

V. Советская политика на Востоке.

Первые шаги.

История советской политики на Востоке начинается с упоминавшегося выше (см. гл. I) обращения «К мусульманам России и Востока», опубликованного 22 ноября 1917 г. Данное обращение устанавливало те принципы, на которых рабоче-крестьянское правительство предполагало в дальнейшем строить свое отношение к угнетенным народам Азии. Однако очень скоро были сделаны и первые практические шаги к осуществлению этих принципов. Так, уже 23 декабря 1917 года тогдашний Народный Комиссар по Иностранным Делам т. Троцкий послал персидскому поверенному в делах в Петрограде особую ноту, в которой предлагал немедленно приступить к переговорам об эвакуации русских войск из Персии. 27 января 1918 года последовала новая нота т. Троцкого к персидскому поверенному в делах с сообщением о расторжении англо-русского договора 1907 года, делившего Персию на сферы английского и русского влияний, и об аннулировании всех русско-персидских соглашений, заключенных при господстве царизма. Ноты советского правительства не прошли бесследно и вызвали сочувственный отклик со стороны персидского правительства.

Одновременно устанавливались дипломатические отношения между советским правительством и Турцией, но это были отношения уже совсем иного рода. В тот период Турция находилась в союзе с Германией и плясала под дудку берлинских властителей. Турция принимала участие в Брест-Литовских переговорах, являясь одной из частей враждебной России коалиции и содействуя, таким образом, попытке удушения российской революции. В апреле 1918 годи в Москву вместе с германским послом графом Мирбахом прибыл также и турецкий посол Галиб-Кемаль-Бей. В течение последующих месяцев Турция, подобно Германии, обнаруживала явно агрессивные тенденции по отношению к России, наступая на Закавказье и стараясь

захватить крупнейшие центры последнего, как Баку и Елизаветполь. Все это были действия старой Турции (хотя она и называлась «младо»-турецкой), попавшей в орбиту германского империализма и ставшей одним из соучастников его мирового грабежа.

С другими странами Азиатского Востока в 1917—18 г.г. Советской Республике приходилось мало иметь дела: слишком далеко расположены были эти страны от Москвы, слишком занята была Москва вопросами внешней политики на Западе. Затем пришла «малая интервенция» Антанты, наступил разрыв дипломатических сношений между Россией и иностранными державами, Советская Республика попала в состояние политической и экономической изоляции, и, конечно, те слабые ростки ее восточной политики, которые начали было пробиваться в 1917—18 г.г., теперь должны были заглохнуть. Тем более, что армии Деникина и Колчака в течение долгого времени отрезали Советской России доступ к странам Ближнего и Дальнего Востока. Восточная политика Советской Республики вновь воскресает только с конца 1919 года, после разгрома «белых генералов», и, по странной иронии судьбы, первая из азиатских стран, с которой советское правительство установило правильные дипломатические сношения, была страна, которую Англия всегда больше всего оберегала от соприкосновения с Россией и в которую царские посланники, как общее правило, не имели доступа. Эта страна была Афганистан.

Афганистан.

В начале 1919 года в Афганистане произошла насильственная смена монархов. Англофильский эмир Хабибулла-хан был убит (кем именно, осталось невыясненным), и на трон взошел молодой и энергичный Аманулла-хан, около которого группировались «младо-афганские» элементы. Младо-афганцы являлись поклонниками национальной независимости Афганистана и сторонниками внутренних реформ, которые могли бы превратить их отечество из слабой и разлагающейся восточной деспотии в сильную и быстро развивающуюся страну. В соответствии с этим новый афганский эмир тотчас же по вступлении на престол ввел конституцию и начал осуществление целой программы экономических, административных и культурных преобразований. Так, натуральные налоги в стране были заменены денежными. Была приведена в известность посевная площадь Афганистана и открыт в разных местах ряд опытных полей. Началась постройка шоссейных дорог, проведение телеграфных линий, общее улучшение условий транспорта. Ломка старых социальных отношений особенно резко сказалась в отмене рабства. В связи с ней стояли крупные реформы в области права: был составлен уголовный кодекс, произведено разделение суда на гражданский и уголовный, смягчены карательные меры, например, отменен расстрел из пушки. Были сделаны также серьезные шаги в сфере рациональной постановки народного просвещения: открыт ряд начальных школ, создана первая в Афганистане женская гимназия, снаряжены экспедиции с учащимися заграницу (в Россию и Германию) и приняты подготовительные меры к открытию в Кабуле афганского университета. На ряду с этим осуществлялась перестройка государственного аппарата: были реорганизо-

ваны министерства, введена более строгая централизация управления, организованы на европейский лад военные силы. Как видим, со времени революции 1919 года Афганистан вступил в полосу чреватой величайшими последствиями внутренней реконструкции.

Однако внешние условия в сильной степени задерживали до сих пор переход Афганистана на рельсы европейской цивилизации. Эти внешние условия сводились главным образом к той тяжелой борьбе, которую в течение последних трех лет младо-афганскому правительству пришлось вести против англичан.

До 1919 года Афганистан, как известно, находился в руках Великобритании, которая контролировала всю его внутреннюю и внешнюю политику. Проводником английского влияния в Афганистане являлся старый эмир, содержавшийся вместе с двором на английские деньги и не смевший шагу ступить без английского позволения. События 1919 года передали власть младо-афганцам, горячим националистам и потому решительным противникам Великобритании. Действительно, первым актом нового эмира была война против Англии, которая благодаря поддержке, оказываемой афганцам индийскими пограничными племенами привела к заключению позорного для британских империалистов мира (в августе 1919 г.). Великобритании пришлось признать полный суверенитет Афганистана и дать обязательство не вмешиваться ни в его внутренние дела, ни в область его внешних сношений.

Добившись признания независимости, Афганистан прежде всего постарался, конечно, использовать в своих интересах завоеванную им свободу внешних сношений. И тут мысль его правителей естественно и неизбежно должна была обратиться к России. Во-первых, потому, что Россия с очень давних пор рассматривалась в Средней Азии, как соперница Англии, а, во-вторых, потому, что еще декларацией от 27-го мая 1919 года советское правительство безоговорочно признало суверенные права Афганистана. Первым проявлением этой тяги на север явился приезд в ноябре 1919 года в Москву специального афганского посольства для установления договорных отношений с Советской Республикой, а также для оповещения других иностранных правительств о независимости Афганистана. Посольство это Антантой не было пропу-

щено в Европу и, таким образом, выполнить второй части своей задачи не смогло, но зато с первой частью ее оно справилось прекрасно. Начало добрым отношениям между Афганистаном и Советской Республикой было положено, и к концу 1919 года представитель последней т. Сурис уже находился в Кабуле.

Этот первый успех афганской внешней политики привел англичан в крайнее раздражение. В поисках средств для восстановления своего господствующего положения в Афганистане, англичане организовали в Кабуле заговор на жизнь Аманулллы-хана, заговор, в котором участвовали родственники последнего Насрулла-хан и Инаятулла-хан. Заговор был открыт в июне 1920 года и вызвал срашное возмущение в младо-афганских кругах. Всякие сношения с англичанами временно были прерваны, и стрелка афганской политики решительно повернулась в сторону Москвы. Действительно 13-го сентября 1920 года в Кабуле был принят в первоначальном виде русско-афганский договор, окончательно подписанный сторонами с некоторыми видоизменениями 28-го февраля 1921 года в Москве. Сущность этого договора состояла в следующем: обе стороны признают независимость друг друга; посольства и консульства обоих государств пользуются всеми дипломатическими привилегиями, предусмотренными международным правом; Россия обеспечивает свободный и беспошлинный транзит через свою территорию грузов, закупленных Афганистаном, как в России, так и заграницей: она оказывает также последнему необходимую ему материальную помощь для поднятия его культуры и промышленности; обе страны гарантируют действительную независимость Бухары и Хивы, независимо от существующей там формы правления. В дополнение к названному договору в феврале 1921 года было также подписано особое соглашение об урегулировании правового положения русских в Афганистане.

На этом, однако, история с договором не кончилась. Потерпев неудачу с заговором против Аманулллы-хана, англичане решили испытать другие средства для достижения своей цели. В январе 1921 года прибывший в Афганистан чрезвычайный уполномоченный Великобритании сэр Генри Доббс предложил афганскому правительству широкую материальную помощь под условием отказа

афганцев от покровительства пограничным с Индией воинственным племенам, а также аннулирования русско-афганского договора от 13-го сентября 1920 года (Доббс допускал сохранение с Россией лишь исключительно торговых взаимоотношений). Так как Афганистан сильно нуждался в материальных средствах и так как английский уполномоченный не жалел золота для создания желательного ему настроения в правящих кругах, то в течение первой половины 1921 года в Афганистане шла упорная борьба между двумя ориентациями: русской и английской. К лету аппетит англичан стал возрастать, и в июле месяце сэр Генри Доббс потребовал от афганского правительства разрыва с Россией и восстановления ранее существовавшего британского контроля над внешними сношениями Афганистана. Эмир и влиятельные афганские круги были чрезвычайно раздражены бесцеремонностью британского уполномоченного и, чтобы дать ему заслуженный отпор, Аманулла-хан созвал на 7-ое августа расширенное собрание меджилиса (представительного органа) в составе членов законодательного совета, делегатов местной индийской общины, представителей духовенства и членов царствующего дома. Четыре дня заседал меджилис, горячо обсуждая создавшееся положение, и, наконец, решился: 11-го августа 1921 года английское предложение было отвергнуто, а 13-го августа ратифицирован русско-афганский договор. Советская Республика на этот раз победила.

Тогда и Англии пришлось пойти на уступки. Двумя месяцами позднее, 16-го октября 1921 года, был подписан англо-афганский договор, содержание которого сводилось к следующему: Англия признает независимость Афганистана и отказывается от контроля над его внешними сношениями; Лондон и Кабул взаимно обмениваются политическими представительствами; обе стороны обязуются предупреждать друг друга о предпринимаемых в пограничной полосе военных операциях; обе стороны дают согласие на заключение торгового договора и почтово-телеграфной конвенции; Афганистан получает право свободного провоза оружия через Индию, правда, при условии сохранения с Англией «дружественных отношений». Как видим, договор 16-го октября являлся, в сущности говоря, капитуляцией Великобритании пред национальными требованиями

возрождающегося Афганистана. И, если это оказалось возможным, то только благодаря энергичной политической и отчасти экономической поддержке, которую Афганистан встретил со стороны Советской Республики. Провозглашенное последней еще в 1917 году право народов Востока на самоопределение в данном случае нашло свое первое и чрезвычайно яркое выражение.

Взаимоотношения между Советской Россией и Афганистаном на протяжении 1921—22 годов, в общем и целом, представляли картину прогрессирующего сближения. Однако справедливость требует признать, что бывали в течение упомянутого периода также отдельные случаи трений и столкновений. Последние были связаны, главным образом, с судьбами соседних с Афганистаном Хивы и Бухары. Внутренние перевороты, пережитые этими странами в 1919—20 годах (речь о них будет ниже), невольно находили свое отражение в Афганистане и рикошетом ударяли по русско-афганским отношениям. Ибо, хотя по договору 13-го сентября 1920 года Россия и Афганистан обязывались признавать самостоятельность Хивы и Бухары, независимо от характера их внутреннего строя, тем не менее, представители афганского правительства в названных государствах, особенно же в Бухаре, далеко не всегда соблюдали достаточно строго это условие. Положение особенно обострилось, когда 10-го марта 1921 года низвергнутый бухарский эмир, вместе с отрядом в 3.000 человек перешел на афганскую территорию. Советский уполномоченный в Кабуле, не отрицая за Афганистаном права предоставления убежища, настаивал однако на том, чтобы отряд эмира был разоружен и удален с пограничной полосы вглубь страны. После ряда переговоров, этот инцидент удалось благополучно уладить (афганское правительство заявило, что считает бывшего эмира частным лицом и разрешает ему оставить при себе в качестве личной охраны только 200 вооруженных всадников). Некоторые трения между Россией и Афганистаном возникли также в первой половине 1922 года, ввиду несколько двойственной позиции, занятой афганским правительством в отношении разразившегося как раз в это время «басмаческого движения» в Бухаре. Советское правительство имело основания подозревать, что отдельные представители афганской государственной власти тайно поддерживали это движение и имели

сношения с вождем последнего, ныне убитым Энвер-пашой Однако, после подавления басмаческого восстания в Афганистане вновь наступило успокоение, и возникшие было трения были легко ликвидированы.

Впрочем, всем осложнениям подобного рода не следует придавать слишком большого значения. Международно-политическая позиция Афганистана является в высшей степени затруднительной. Его географическое положение—между Россиий и Британской Индией—естественно связывает его судьбы с судьбами сопредельных с ним великих держав. Но, так как эти великие державы ведут друг с другом борьбу, то совершенно естественно, что Афганистану приходится делать выбор между Англией и Советской Россией. Произвести этот выбор однако не легко, ибо каждая сторона имеет, с афганской точки зрения, свои недостатки: Англия угрожает независимости Афганистана, но зато она может снабдить его деньгами, товарами и другими материальными ценностями; Советская Россия гарантирует суверенные права Афганистана, но в настоящий момент она в состоянии оказать ему гораздо меньшую экономическую помощь, чем Англия. Население Афганистана и его правительство поставлены, таким образом, пред разрешением трудной проблемы: куда и с кем идти? В каком направлении однако пойдет далнейшее развитие событий, едва-ли приходится сомневаться. В течение ближайших лет Афганистан, вероятно, будет вести зигзагообразную политику. В зависимости от того или иного оборота обстоятельств, он будет переживать периоды усиления то русского, то английского влияний. Но, в конечном счете, он должен будет все-таки взять твердый курс на Москву, так как Англия является носительницей империализма, а Советская Республика—носительницей освобождения народов. Этот поворот на север совершится тем скорее, чем скорее Советская Республика окажется в состоянии удовлетворять не только политические, но и экономические нужды Афганистана.

Хива.

Конец 1919 года ознаменовался в Хиве внутренним переворотом. Хивинский хан Абдул-Сеид, законченный тип восточного деспота, подпал под сильнейшее влияние воинственного реакционера Джунаида-хана. Последний, туркмен по происхождению, с особенной ненавистью относился к другому племени, населяющему Хиву—узбекам (из 700 тыс. хивинского населения около 400 тыс. составляют кочевники-туркмены и около 300 тыс. земледельцы-узбеки). На рубеже 1919—20 г.г. внутренняя борьба в Хивинском ханстве достигла высшей точки напряжения. В ней смешивались и переплетались политические и национальные моменты. Узбеки, в особенности их более развитая буржуазия, обратились за помощью к Советскому Туркестану для низвержения господства туркменского диктатора. Джунаид-хан, с своей стороны, активно выступал против Советской власти в Туркестане в союзе с русскими белогвардейцами. В результате создавшегося положения в Хиве произошла революция, и 1 февраля 1920 года Абдул Сеид отрекся от престола.

27 апреля собрался первый Хивинский Курултай (с'езд советов), и Хива была об'явлена Хорезмской Советской Республикой. К власти пришло временное правительство Юсупова, по национальному составу принадлежавшее к узбекам. Однако эта перемена не восстановила мира в стране: причиной тому была вековая национальная вражда между узбеками и туркменами. Узбекское правительство Юсупова, с первых же шагов своей деятельности, совершило крупнейшую ошибку. В сентябре 1920 года им были растреляны 80 туркменских вождей, что имело последствием массовое восстание всех туркменских племен. Советской России пришлось выступить в роли примирителя. 20-го января 1921 г. российский уполномоченный в Хиве т. Сафонов созвал всетуркменский с'езд в Порсу, где были приняты решения о создании красных туркменских частей, об организации чистки арыков (оросительных каналов) и о водораспреде-

лении в туркменских районах. Съезд этот имел весьма благие последствия и способствовал постепенному освобождению туркменской массы от влияния их националистически-реакционных вождей.

Однако эти шаги Советского представителяи вызвали известное раздражение со стороны правительства Юсупова, которое нашло себе проявление в конфликте, вышедшем на почве выборов во второй Хивинский Курултай Т. Сафонов рекомендовал ограничение избирательного права для нетрудовых элементов страны, Юсупов же не соглашался. Борьба разгорелась, причем в ней приняли участие широкие слои населения. Утром 5-го марта 1921 года правительством Юсупова была распущена Центральная Избирательная Комиссия, а на следующий день собранием воинских частей это правительство было об'явлено низложенным, и вместо него избран революционный комитет.

Однако и революционный комитет оказался далеко не на высоте положения. Фактическую власть в стране получили пришлые русские элементы, проявлявшие сильные колонизаторские тенденции и взявшие курс на немедленную социальную революцию. Так, например, они лишили избирательного права большую часть сельской и городской мелкой буржуазии. НКИД вынужден был вмешаться и добиться снятия с постов неподходящих для Хивы русских работников. Это в сильной степени способствовало успокоению.

В мае 1921 года собрался второй Хивинский Курултай, явившийся поворотным пунктом в развитии внутренних Хивинских отношений. Главным вопросом, обсуждавшимся на Курултае, был национальный вопрос. Курултай дал клятву навсегда прекратить узбеко-туркменскую вражду, об'явил амнистию всем туркменам, выступавшим против российских и хивинских войск, и выпустил воззвание к ушедшим в пески туркменам с призывом возвратиться и начать мирную жизнь совместно с узбеками. В ознаменование совершившегося поворота Курултай постановил создать при Хивинском ЦИК особый туркменский отдел. Из других решений Курултая стоит отметить его постановление по аграрному вопросу: пользование землей было установлено лишь в размерах трудового надела при полном запрещении привлечения наемных сил. Платежи на

содержание церкви были об'явлены частным делом каждого гражданина, на очередь был поставлен вопрос о реформировании духовных школ, существующих при мечетях. Курултаем был избран первый ЦИК, а последний сформировал новое правительство—Совет Назиров Хорезмской Советской Республики.

Второй Курултай создал основы для дальнейшего, уже более спокойного и нормального, развития молодой Республики. В наиболее важном для Хивы национальном вопросе был взят курс на миролюбивую политику по отношению к туркменам, давший очень скоро благоприятный результат. Ряд туркменских вождей выразил полную покорность новой власти и сдал ей оружие. В стране наступило замирение, и главное внимание и правительства и населения было перенесено на вопросы внутреннего строительства. Во второй половине 1921 года был проведен натуральный налог и приступлено к организации «хлопковой кампании» (произведен ремонт хлопко-очистительного завода, восстановлен речной транспорт хлопка и т. д.).

Несмотря, однако, на значительное улучшение внутреннего положения после второго Курултая, Хорезмская Республика все еще не может окончательно стать на ноги. Этому в немалой степени способствуют происки реакционно-националистических элементов, как в самой Хиве, так и за ее пределами (особенно в Афганистане). Панисламистская агитация находит себе известный отклик среди хивинского населения, проникая подчас в весьма высокие круги. Так, в октябре 1921 года, по постановлению об'единенного заседания Хорезмского ЦИК и Совета Назиров, были произведены аресты некоторых членов правительства, причастных к контр-революционному движению. В марте 1922 года виновные были публично судимы верховным трибуналом Хорезмской Республики при участии выборных представителей от местного крестьянства и Хорезмской Красной Армии. Трибунал признал всех виновными в заговоре против Советской власти и постановил применить к ним высшую меру наказания. Впоследствии к некоторым из осужденных была применена амнистия, заменившая смертную казнь тюремным заключением.

1922 год принес с собой «басмаческое движение», во главе которого в Хиве стал бывший хивинский диктатор Джунаид-хан. Борьба с Джунаидом приняла характер

настоящей народной войны, в которой слились все местные племена, как узбекского, так и туркменского происхождения.

К концу июня банды Джунаида были окончательно разбиты, и сам он принужден был искать спасения в бегстве. Параллельно с преодолением гражданской войны шло дальнейшее укрепление государственной власти. В этом отношении большую роль сыграл третий Курултай, собравшийся в середине июля 1922 года. В процессе работы Курултая наметились три группировки; националистическая правая, коммунистическая левая и военная группа. Националисты пытались было снова захватить правительство в свои руки, но на этот раз безуспешно. Они не встретили поддержки со стороны большинства Курултая. Новый Совет Назиров, явившийся результатом третьего Курултая, стоит на платформе Советской власти и обещает стать работоспособным правительством.

Взаимоотношения между Хивой и Р.С.Ф.С.Р. регулируются союзным договором и экономическим соглашением, заключенными в один и тот же день 13-го сентября 1920 года. Российская Республика признает в них независимость Хорезмского государства, отказывается от всех тех прав и преимуществ, которыми на территории Хивы пользовалось бывшее царское правительство, и обещает оказывать экономическую и военно-политическую поддержку своему союзнику. Уже значительно позднее, 29 июня 1922 года, между обоими государствами состоялось соглашение о включении Хивы в российскую таможенную область, что, конечно, не может не содействовать расширению и развитию их хозяйственных отношений.

Бухара.

Приблизительно аналогичный путь развития проделала и Бухара. 2 го сентября 1920 года бухарский эмир был свергнут и с отрядом около трех тысяч человек бежал в Афганистан. Власть в стране перешла в руки временного революционного комитета, большую поддержку которому оказали посланные туда представители Советского правительства. 6-го октября того же года состоялся первый Всебухарский Курултай, на который прибыло 1858 делегатов. Курултай этот носил по-преимуществу агитационно-пропагандистский характер. С первых же дней своего существования революционная Бухара обнаружила живое стремление идти в ногу с Советской Россией. С особенной яркостью это проявилось в день 7 ноября 1920 года, когда в бухарской столице, по инициативе местного правительства, был устроен громадный митинг в честь трехлетия октябрьской революции. На этом митинге пред лицом двадцати тысяч человек полномочный представитель Р.С.Ф.С.Р. т. Куйбышев выступил с декларацией о независимости Бухары, о целях и задачах Советских республик и об отказе Российского Советского Правительства от всех тех прав, привилегий и имуществ, которыми здесь пользовалось царское правительство. После речи т. Куйбышева председатель бухарского ревкома об'явил день 7-го ноября национальным праздником, праздником независимости, и в честь этого события одна из площадей столицы названа Площадью Независимости.

Эти дружественные отношения между обоими государствами скоро нашли себе вполне формальное выражение. 4 марта 1921 года в Москве были подписаны союзный договор и экономическое соглашение. Эти акты аннулировали все империалистические притязания царизма на Бухарской территории, причем Российская Республика безвозмездно передавала своей младшей сестре все движимые и недвижимые имущества, которыми здесь раньше

располагало российское государство. Обе стороны обязывались не допускать пребывания на своей территории организаций или групп, враждебных другой стороне, а также препятствовать ввозу и вывозу оружия, могущего быть использованным для борьбы против одной из Советских республик. Все торговые сношения между обоими государствами основываются на принципе товарообмена и бесприбыльности. Обе республики имеют единый импорто-экспортный план, причем Россия предоставляет в распоряжение Бухары определенное количество специалистов (инженеров, техников и др.), необходимых для развития ее народного хозяйства. Впоследствии, в связи с общим изменением экономической политики в Советской России, произошли изменения и в хозяйственных отношениях обоих республик. Согласно постановлению Совнаркома от 25 июля 1922 г., отныне в основу этих отношений должны были быть положены следующие принципы: свобода торговли, самостоятельное выступление Бухарской Республики на внешнем рынке лишь под общим руководством Наркомвнешторга, единая таможенная область с уничтожением внутренних границ между Бухарой и Россией. Политические же отношения и сейчас продолжают регулироваться договором 4-го марта 1921 года.

Внутренняя жизнь Бухарской Республики в течение двух лет ее существования представляла своеобразную картину энергичных попыток внутренней перестройки в обстановке неутихавшей гражданской войны. Реформаторская деятельность новой власти началась непосредственно после свержения эмира, но наибольшего развития она достигла в 1921 году. Уже 2-го февраля этого года бухарский революционный комитет опубликовал декрет о национализации земли и о разделе участков, принадлежавших раньше церкви и аристократии, между крестьянами. Далее последовал декрет о натурналоге на все продукты земледелия в размере 10% валового сбора. Вопросы внутренних реформ оживленно обсуждались на втором Всебухарском Курултае, состоявшемся 18-го сентября 1921 года. После доклада т. Мухетдинова Курултаем была принята резолюция, устанавливавшая в стране свободу торговли всеми продуктами, кроме монополизованных государством, и намечающая меры к введенню звонкой валюты. Было постановлено также поощрять создание потребительской и

производственной кооперации, а также способствовать развитию огородных и садовых культур. На втором Курултае была установлена также конституция страны, закрепившая за ней формы Советской республики. Россия все время, по мере сил и возможности, стремилась приходить Бухаре на помощь в осуществлении ее экономических реформ. Так, в феврале 1922 года она отправила ей весьма ценный подарок: четыре фабрики (в том числе прядильную и бумажную) с полным оборудованием. Около того же времени Наркомфин выдал бухарскому правительству 20 миллиардов рублей в счет имеющего быть заключенным Бухарой займа, а 8 июня в Бухаре был открыт банк с основным капиталом в 500 тысяч рублей золотом специально для расширения экспортной торговли Бухарской Республики.

Однако, это мирное внутреннее строительство все время прерывалось и нарушалось вспышками ожесточенной гражданской войны. Первоначально революция совершилась в Западной Бухаре. Низвергнутый эмир вместе с своими приверженцами скрылся в Восточной Бухаре, пытаясь там создать себе точку опоры. Это ему не удалось, и 10-го марта 1921 года он перешел границу Афганистана, где большая часть последовавших за ним войск была разоружена. Вслед затем в Восточной Бухаре начало постепенно восстанавливаться спокойствие.

Однако, с конца 1921 года положение вновь обострилось. Как раз в это время в Восточной Бухаре появился известный младотурецкий деятель Энвер-паша, начавший борьбу против Советской России под флагом панисламистского движения. Первоначально Энвер имел значительный успех и в феврале 1922 года даже пред'явил российскому правительству ультиматум об очищении Бухары и Туркестана. В марте месяце Энвер, заняв Восточную Бухару, начал наступление на Западную Бухару. Как уже упоминалось выше, Энвера поддерживали некоторые представители афганского правительства и в частности афганский посол в Бухаре. После того как было установлено участие последнего в заговоре против бухарского правительства, он был выслан из пределов Бухарской Республики. Затруднительное положение, в котором оказалось бухарское правительство, побудило его обратиться за помощью к Советской России. Помощь эта была оказана, и к началу

августа 1922 года движение, руководимое Энвером, было ликвидировано соединенными усилиями бухарских и русских войск. Сам Энвер-паша был убит в бою 4-го августа 1922 года. Подавление описанного восстания несомненно оздоровит атмосферу в Бухарской Республике и откроет перед ней возможности успешного экономического и политического развития.

Персия.

Первое соприкосновение между Советской Республикой и Персией после 1918 года произошло при следующих обстоятельствах. 18-го мая 1920 года, преследуя белогвардейский флот на Каспийском море, т. Раскольников занял персидский город Энзели. Непосредственным результатом данного акта было образование в провинции Гилян Советского правительства во главе с Кучук-ханом, просуществовавшего, однако, очень недолго. Большого влияния на развитие русско-персидских отношений этот инцидент не имел, и мы упоминаем о нем просто для полноты изложения.

Начало более серьезных сношений между обоими государствами относится к концу 1920 года. Уже 25 октября этого года в Москву выехал чрезвычайный персидский посол Мошавероль Мемалек. В это время в Персии стоял у власти кабинет Мушир-эд-Довле, находившийся в резкой оппозиции к Англии, войска которой были расбросаны по различным пунктам персидской территории.

На посылку Мемалека в Россию Советское правительство ответило назначением 28 ноября 1920 года т. Ротштейна, в качестве полномочного представителя РСФСР в в Персии. Однако, прибытие т. Ротштейна в Тегеран сильно задержалось по причинам, связанным с внутренними персидскими отношениями. В Персии, как и в Афганистане, происходит столкновение влияний и интересов двух великих держав—России и Англии. Под знаком их борьбы проходила вся жизнь Персии на протяжении последней четверти столетия. Под знаком этой борьбы проходило и восстановление политических и экономических отношений между Персией и Советской Республикой в течение минувших двух лет. Чрезвычайно ярким примером тому может служить как раз история поездки т. Ротштейна в Персию.

Мы только что упомянули, что в момент от'езда Мошавероль Мемалека в Москву у власти стоял кабинет

противника Англии Мушир-эд-Довле. Так как англичанам это не нравилось, то 1-го ноября 1920 года Мушир-эд-Довле должен был выйти в отставку, уступив место ставленнику англичан Сепахдару. Однако новому кабинету была суждена лишь короткая жизнь. 21 февраля 1922 года кабинет Сепахдара был свергнут, и четырьмя днями позднее сформировалось правительство Зия-эд-Дина, принявшее еще более английскую ориентацию.

По соглашению между российским и персидским правительствами русские войска, находившиеся в пределах Персии, должны были быть выведены при условии одновременного ухода из Персии других иностранных войск, т. е. британских войск. Кабинет Зия-эд-Дина поставил условием приезда т. Ротштейна в Тегеран вывод советских войск из Гиляна. Так как британские войска в это время еще не были эвакуированы, российское правительство ответило на требование персидского правительства отказом. После довольно длительных переговоров последнее вынуждено было уступить и пропустить т. Ротштейна в Тегеран без всяких условий. 25-го апреля 1921 года т. Ротштейн прибыл, наконец, в персидскую столицу, встреченный радостными приветствиями со стороны персидской прессы и персидского населения. Чтобы закочить историю с выводом войск, скажем здесь же, что британские части покинули территорию Персии в конце мая, а в начале июня советские войска эвакуировались из Гиляна.

По странной иронии судьбы, пребывание у власти английского ставленника Зия эд-Дина ознаменовалось заключением русско-персидского договора, подписанного обоими сторонами 26 февраля 1921 года в Москве. Этот договор носил на себе ясную печать той общей политической линии, которую Советская Республика взяла в отношении угнетенных азиатских народов. В договоре было торжественно заявлено об отказе России от насильнической в отношении Персии политики царского правительства и об отмене всех конвенций и соглашений, заключенных им с третьими державами во вред Персии. Советское правительство возвращало Персии все концессии, имущества и обязательства, полученные царским правительством на территории Персии, и представляло Персии отнятое у нее русско-персидским договором 1828 г. право иметь собственный флот на Каспийском море. Оба правительства

взаимно отказывались от вмешательства во внутренние дела друг друга и от поддержки каких бы то ни было групп и организаций, враждебных другой стороне. Право капитуляций договором было отменено, и российские граждане в Персии в юридическом отношении были поставлены в одинаковое положение с местным населением. Советское правительство отказывалось от взимания долгов, сделанных Персией у царской России. Обе стороны получали право свободного транзита через их территории, персидское правительство сверх того соглашалось предоставить РСФСР концессию на эксплуатацию рыбных промыслов в южной части Каспийского моря.

Проведение русско-персидского договора в жизнь проходило в общем и целом довольно гладко, но, конечно, дело не обходилось без отдельных инцидентов и осложнений. Так, например, персидское правительство систематически затягивало разрешение вопроса о сдаче России в концессию рыболовных промыслов на юге Каспийского моря. Этот вопрос остается не разрешенным и до сих пор. Точно также до сих пор не сдвинулось с места заключение торгового соглашения между Россией и Персией, что предусмотрено договором 26 февраля 1921 года. Правда, с июля прошлого года в Тегеране находится торговая делегация РСФСР, однако, несмотрая на все желание Советского правительства никакого экономического договора между обоими государствами пока не существует. Крайнее обострение в отношениях между Россией и Персией летом 1921 годя вызвало так называемое дело Азриленко—спекулянта и казнокрада, бежавшего с деньгами бакинского нефтекома в Тегеран и нашедшего себе покровительство со стороны местной власти. Инцидент был улажен к общему благополучию, но один момент казалось, что дело дойдет до разрыва дипломатических отношений.

Все эти зигзаги в русско персидских отношениях об'ясняются двумя причинами: во-первых, английскими интригами, во-вторых, внутренними осложнениями в стране. Английские интриги имеют своей основной целью ослабить русское влияние в Персии и отдать в распоряжение британского империализма естественные богатства страны, в особенности ее нефтяные источники. Главным средством для достижения данной цели является золотая цепь, на ко-

торой Англия старается водить персидское правительство. Персидские финансы уже давно находятся в плачевном состоянии и штопать бюджетные дыры можно лишь с помощью иностранных займов. Англия дает Персии деньги, но в обмен требует повиновения. А это имеет своим последствием наростание конфликтов, осложнений и недоразумений в сфере русско-персидских отношений.

В том же направлении действуют и внутренние волнения, от которых Персия никак не может избавиться. 1920—1921 г.г. были ознаменованы рядом восстаний в персидских провинциях, из которых наиболее серьезное значение имели события в Хоросане. Лето 1922 года было также ознаменовано эпидемией массовых волнений, в борьбе с которыми персидскому правительству приходится до крайности напрягать свои силы. Так как часть мятежных провинций прилегает к Кавказу, то персидское правительство обвиняет кавказские Советские республики (особенно Азербейджан) в оказании поддержки и содействия бунтовщическому движению. Хотя эти обвинения лишены реальной почвы, тем не менее они находят отклик в персидских правящих кругах и, конечно, не остаются без влияния на их настроения в отношении России.

Несмотря, однако, на все эти трудности и осложнения, с удовлетворением можно все-таки констатировать постепенное налаживание отношений между Персией и Россией. Да это и неудивительно. Положение Персии во многом сходно с положением Афганистана. А если так, то в конечном счете Персия должна стать на путь прочной дружбы с Советской Республикой, по тем же самым основаниям, по каким Афганистан считает необходимым поддерживать тесную связь между Москвой и Кабулом.

Турция.

В сентябре 1918 года, незадолго до германской революции, окончательно обессиленная Турция вышла из империалистической войны. Между нею и Антантой было заключено перемирие, а вслед затем начались длительные и затяжные переговоры о мире. Так как Германия была совершенно разгромлена, то Турции, конечно, не приходилось расчитывать на пощаду. После подписания Версальского договора все внимание держав-победительниц было обращено на «урегулирование» ближне-восточного вопроса. Это «урегулирование» вылилось, в конце концов, в знаменитый Севрский договор, подписанный сторонами 10 августа 1920 года.

Сущность договора сводилась к следующему: от Турции отторгалась Армения, из которой должно было быть создано независимое государство; вся Фракия передавалась Греции; Смирнская провинция в Малой Азии фактически также переходила к Греции, так как последней было вверено «временное» управление этой областью; побережье Мраморного моря, Дарданелл и Босфора было признано нейтральной зоной под управлением международной комиссии Лиги Наций (фактически под управлением англичан); турецкая армия ограничивалась личной гвардией султана, жандармерией и полицией, всего не более 50.000 человек. Одновременно с договором между Англией, Францией и Италией было подписано особое соглашение о распределении их сфер влияния в Малой Азии. «Интересы» Франции были признаны в Киликии и части Анатолии, за Италией была признана главенствующая роль в районе между Смирнской провинцией и железной дорогой Исмид-Кония, за Англией было оставлено «право первородства» в проливах.

Однако, прежде чем был подписан Севрский договор, Турция раскололась на две части. Произошло это следующим образом. Старый турецкий парламент, созванный

вскоре после заключения перемирия, с понятной враждебностью относился к ближне-восточным планам Антанты. В борьбе против хищничества империалистических держав он сумел подняться до высот истинно демократических принципов разрешения турецкой проблемы. 28 января 1920 года константинопольский парламент торжественно принял так называемый «Национальный Акт», намечающий дальнейшие пути развития турецкого государства. Акт признавал право народов на самоопределение, представлял независимость Сирии и Аравии и гарантировал национальным меньшинствам в пределах турецкой державы защиту их культурных и национальных интересов. Позиции Антанты и константинопольского парламента оказались слишком противоположны, и отсюда Антантой был сделан соответствующий практический вывод: парламент был разогнан вооруженной силой «западных демократий», и кучка придворных интриганов, окружавших султана Магомета VI, была признана правительством, правомочным говорить и действовать от имени турецкого народа. Именно это правительство в лице Тевфика-паши и подписало с турецкой стороны знаменитый Севрский договор.

Вопреки ожиданиям Антанты, сделка, однако, оказалась заключенной без хозяина. Часть депутатов константинопольского парламента бежала в Малую Азию и организовала среди анатолийского населения мощное движение в пользу национального возрождения Турции. Центром этого движения стала Ангора, а его главой Мустафа-Кемаль-паша. В Ангоре было создано Временное Правительство, а затем созвано Великое Национальное Собрание Турции. Ангорское правительство, конечно, стояло в резкой оппозиции к державам Антанты и не признавало Севрского договора. Больше того, оно вело открытую войну с Грецией за воссоединение турецкого государства в его естественных национальных границах. Таким образом, с весны 1920 г. образовались две Турции—на Босфоре и в Малой Азии, создалось два турецких правительства—в Константинополе и в Ангоре. Первая Турция была бледным призраком, вызванным к жизни дипломатическими чарами Ллойд-Джорджа и Клемансо. Вторая Турция была полной жизни и энергии реальностью, собравшейся в единый кулак для защиты своего национального бытия.

Эта вторая Турция, вступившая в конфликт с величайшими империалистическими державами Европы, естественно искала себе союзников. И вполне понятно, что в этих поисках она должна была обратить свой взгляд на север, к Советской России, так торжественно провозгласившей принцип самоопределения народов по отношению к угнетенным нациям Востока. Действительно, уже ранней весной 1920 года в Москву прибыл сторонник Кемаля-паши известный полководец Халил-паша, взявший в плен во время империалистической войны армию английского генерала Таундсена. Он впервые ознакомил Советское правительство с стремлениями новой Турции и с переживаемыми ею тяжелыми испытаниями.

Это было, однако, только начало. 26 апреля того-же года Мустафа-Кемаль-паша от имени правительства Великого Национального Собрания обратился к Российскому Советскому Правительству с письмом, в котором заявлял, что Турция готова бороться совместно с рабоче-крестьянской Россией против империалистических держав для освобождения всех угнетенных народов и, в частности, обязуется помочь России в борьбе против иностранной интервенции на Кавказе. В свою очередь Мустафа-Кемаль выражал надежду, что Советская Республика окажет национальной Турции свою поддержку в борьбе против напавших на нее империалистов Запада.

В письме от 3-го июня на имя Мустафы Кемаль-паши т. Чичерин ответил, что советское правительство с большим удовлетворением узнало об основных принципах внешней политики правительства Великого Национального Собрания, и что оно готово заложить прочный фундамент дружбы между народами Турции и России. Советское правительство предлагало немедленно установить между обоими странами дипломатические и консульские сношения, а также выступить посредником между Турцией, с одной стороны, Арменией и Персией, с другой, для точного установления границ на основе принципов самоопределения народов.

Турецкий Комиссар по иностранным делам Бекир-Сами Бей в радиотелеграмме от 4 июля выразил живейшую радость по поводу письма т. Чичерина и сообщил, что турецкое правительство согласно принять посредничество Советской России для урегулирования отношений

с Персией и Арменией и что в Москву немедленно выезжает особая делегация для ведения переговоров по всем интересующим обе стороны вопросам.

Действительно, вскоре в советскую столицу прибыла специальная турецкая миссия в составе Бекир-Сами-Бея, депутата Юсуфа-Кемаля и турецкого коммуниста доктора Фуад-Сабита. Попытка советского правительства примирить интересы Турции и Армении, где в то время господствовали буржуазные националисты (дашнаки) окончилась неудачей, и турецкое правительство вскоре после этого решило разрубить возникший спор мечем. Турецкие войска вторглись в Армению, и без труда опрокинув дашнакские отряды, принудили армянское правительство 2-го декабря 1920 года подписать в Александрополе позорный мир, лишавший Армению всякой самостоятельности (Этот мир не был признан Советской Россией, а вскоре затем Армения превратилась в Советскую Республику, заключившую союзный договор с Р. С. Ф. С. Р.).

Но, если посредническая роль Советской Республики не ознаменовалась успехом, то зато гораздо удачнее оказались переговоры между НКИД и турецкой делегацией о заключении русско-турецкого договора. Во время пребывания последней в Москве были выработаны основы этого договора, затем делегация уехала в Ангору и, заручившись одобрением Великого Национального Собрания, вернулась назад в Россию. 16-го марта 1921 года в Москве был подписан русско турецкий договор, положивший твердое основание для дружеских отношений обоих народов. По этому договору, Россия признавала силу турецкого «Национального Акта» от 28 января 1918 г., оставляла за Турцией Карс, Ардаган и Артвин, устанавливала автономию Батума с беспошлинным транзитом для турецких товаров и протекторат Азербейджана над Нахичиванью. Договор далее предусматривал заключение между обоими государствами торговой и консульской конвенции и определенно заявлял, что вопрос о проливах должен быть разрешен по соглашению прилегающих к Черному морю шести стран (России, Украины, Грузии, Турции, Болгарии и Румынии). Вместе с тем Советская Республика отказывалась от права капитуляций и от долгов, которые Турция должна была уплачивать царской России.

Еще раньше, чем был подписан русско-турецкий договор, оба государства обменялись своими представительствами:

9 го ноября 1920 года в Ангору прибыла российская миссия, и около того же времени турецким послом в Москву был назначен Али-Фуад-Паша, правда, доехавший до места своего назначения лишь в начале 1921 года.

Русско турецкий договор явился первым шагом. 26 сентября 1921 года в Карсе открылась конференция между представителями Турции и Закавказских Советских Республик, приведшая 13 октября к подписанию между обоими сторонами политического соглашения. 2 января 1922 года в Ангоре был подписан договор между Турцией и Советской Украиной. Еще позднее, 9-го июля 1922 года, между Турцией, с одной стороны, РСФСР и Закавказскими республиками, с другой, были заключены железнодорожная и почтово-телеграфная конвенции.

Сближение между Турцией и Советскими Республиками, таким образом, прогрессировало. Это не значит, конечно, что между ними никогда не происходило никаких столкновений. Конечно, подобные случаи бывали. Так, например, летом 1921 года между Турцией и Россией произошел конфликт из-за насильственных выселений карских молокан и производимых у них конфискаций имущества. Этот конфликт был ликвидирован путем обмена нот, в результате которого Турция признала все требования России. Около того же времени Советское правительство указало Турции, что на трудящееся население России и всего мира производят тяжелое впечатление воздвигнутые в ее пределах гонения на турецких коммунистов. Декретом от 29 сентября 1921 гора Великое Национальнсе Собрание освободило из тюрем всех заключенных коммунистов и предало суду виновников убийства турецкого коммуниста Мустафы-Субхи. Однако, все это были сравнительно незначительные детали, которые не могли изменить основного дружеского фона русско-турецких отношений. Одним из симптомов близости обоих народов может служить предоставление Наркомпросом 100 мест в наших высших учебных заведениях турецким студентам, проведенное им в марте 1922 года по просьбе Ангорского правительства.

С укреплением Великого Национального Собрания положение в Малой Азии начало постепенно усложняться. Когда державы Антанты увидали, что стала возрождаться независимая Турция, попирающая ногами Севрский договор, они пришли в некоторое беспокойство. Это беспокойство

еще более увеличилось, когда Ангора вступила в сношения с Москвой, и когда турецкие войска летом 1921 года одержали ряд побед над греческой армией. Становилось ясно, что Севрское решение ближне-восточного вопроса отнюдь не является окончательным, и что впереди Антанту ждут новые и серьезные осложнения.

Действительность не замедлила оправдать эти опасения. Как раз во второй половине 1921 г. между Англией и Францией обнаружились серьезные расхождения по целому ряду вопросов европейской политики. Желая заставить Англию пойти на уступки в вопросе о Германии и Польше, французское правительство решило нажать ближне-восточную кнопку, прекрасно зная, как чувствительна Великобритания в этом пункте. 16 сентября в Ангору прибыла французская торговая делегация, а 20-го сентября туда же приехал уполномеченный Франции Франклин Бульон, который спустя полтора месяца подписал франко-турецкий договор, ратифицированный впоследствии французским парламентом *). Это было сильным ударом для английского правительства, тем более, что Франция стала снабжать Мустафу-Кемаля оружием и денежными средствами для борьбы с Грецией

1922 год принес с собой дальнейшие осложнения. 24 марта в Париже состоялась конференция трех министров иностранных дел — английского, французского и итальянского,—которая предложила Турции и Греции перемирие на следующих условиях: Ангорское правительство подчиняется константинопольскому, Константинополь и Смирна передаются Турции, а Восточная Фракия—Греции. Проливы охраняются войсками Антанты, капитуляции сохраняют прежнюю силу.

Это предложение вызвало бурю негодования в Анатолии. Не отвергая в принципе предложения «трех», Мустафа-Кемаль 5-го апреля сделал Антанте контр-предложение: срок перемиря устанавливается четырехмесячный; греки в течение пятнадцати дней эвакуируют линию Ески-Шехир-Кутахля-Афион-Карагисар и в течение четырех месяцев всю Анатолию включая Смирну; если до окончания эвакуации мирные переговоры не дадут результатов, срок перемирия

---

*) Договор этот, поскольку он был опубликован, предоставляет Франции право эксплуатоции естественных ботатств Анатолии (меди, свинца и т. п.), а также регулирует границы Киликии и Сирии.

может быть продлен еще на три месяца. Контр-предложение турок оказалось неприемлемым ни для греков, ни для держав Антанты и потому никакого соглашения не состоялось. Наоборот, 26-го августа, после продолжительной и тщательной подготовки, турецкая армия внезапно перешла в наступление и в течение следующего месяца нанесла Греции жестокое поражение. Греческая армия была совершенно уничтожена, и вся Анатолия одним ударом возвращена под власть Ангорского правительства.

Сила—самый убедительный аргумент в области международных отношений. Блестящие победы национальной Турции круто изменили всю ближне-восточную обстановку. Турция, та самая Турция, которую еще полгода назад не хотели пустить на Генуэзскую конференцию, теперь вдруг стала предметом предупредительного внимания со стороны Антанты. Теперь руководящим кругам Лондона, Парижа и Рима сделалось ясно, что Севрский договор никчемный «клочек бумаги», и что Турция должна снова вернуться в Европу. Как и на каких условиях совершится это возвращение, пока еще трудно сказать с опредленностью, но что оно произойдет, не подлежит больше ни малейшему сомнению.

Вместе с тем новейший оборот событий имеет громадное значение и для дальнейшего развития русско-турецких отношений. До сих пор национальная Турция была изолирована почти от всего остального мира. Вся ее внешняя политика исчерпывалась лишь сношениями с Советской Россией да некоторыми странами Азиатского Востока. Теперь Турция выходит на арену международных отношений, сеть ее дипломатических связей должна будет сильно расшириться, политическая игра в чрезвычайной степени усложниться. При этом положение Турции окажется крайне затруднительным: будучи сама по себе сравнительно небольшим государством, она явится центром скрещивающихся влияний целого ряда величайших мировых держав. Вполне возможно поэтому, что Турция моментами будет отходить от России, но и все-таки, в конечном счете, об'ективным ходом вещей она вынуждена, будет жить в дружбе и согласии с Советской Республикой. Предстоящая Лозанская конференция по ближне-восточному вопросу явится первым серьезным экзаменом для турецкой дипломатии, экзаменом, который покажет, насколько она подготовлена к пониманию и защите длительных интересов своей страны.

Монголия.

На Дальнем Востоке первой страной, с которой Советской Республике пришлось вступить в регулярные дипломатические сношения была Монголия.

До 1911 года Монголия представляла собой вассальную провинцию Китая. В эпоху китайской революции Монголия при активной помощи царского правительства об'явила свою независимость и установила теократический образ правления: глава церкви Хутухта являлся одновременно и главой государства. В 1915 году на тройных переговорах в Кяхте (участвовали Китай, Монголия и Россия) был подписан договор, регулировавший международно-политическое положение Монголии. Договор признавал Монголию частью территории Китайской Республики, однако пользующейся далеко идущей автономией. Так, например, монгольское правительство имело право самостоятельно заключать экономические договоры и соглашения с иностранными державами. Китай и Россия взаимно обязывались не содержать на монгольской территории своих войск и получали право иметь при монгольском правительстве своих дипломатических представителей. Фактически в период 1912—18 г. г в Монголии было всемогущим «русское влияние», находившее свое наиболее яркое выражение в наличии русского «финансового советника» при монгольском правительстве. С 1918 года, в связи с событиями войны и революции, русское влияние стало быстро ослабевать и заменяться влиянием китайским. В конце 1919 года китайцы, противозаконно сосредоточившие в Урге около пяти тысяч солдат, произвели государственный переворот: они вынудили Хутухту подписать договор об аннулировании монгольской автономии и вслед за тем распустили монгольское княжеское правительство. Власть перешла в руки китайского военного губернатора, под эгидой которого ки-

тайские купцы стали требовать с монголов уплаты по старым долгам китайским фирмам, долгам, аннулированным национальным монгольским правительством в 1912 году. Хозяйничание китайцев вызвало сильное раздражение в кругах широкого монгольского населения и создало благодарную почву для под'ема в народных низах национальной волны.

Осенью 1920 года один из сподвижников атамана Семенова барон Унгерн фон-Штернберг, выбитый красными войсками из Забайкалья, ушел с трехтысячным отрядом в Монголию, направляясь к Урге. Его первая попытка взять монгольскую столицу окончилась неудачей: он был отброшен китайскими войсками верст на двести к востоку в равнины Цеценхановского аймака. Тогда Унгерн выкинул знамя монгольской независимости и призвал монгольское население к борьбе с китайским владычеством. Призыв Унгерна нашел широкий отклик. Монголы стали пополнять его отряд и снабжать последний необходимыми припасами и продовольствием. В феврале 1921 года Унгерн начал новое наступление и на этот раз овладел Ургой. Китайские войска были разбиты и частью рассеялись, частью бежали на русскую территорию. Восстановлена была старая власть Хутухты и княжеского правительства. Унгерн-же, поощряемый японцами, стал носиться с широкими планами создания большой Средне-Азиатской монархии, которая должна была служить оплотом против раз'едающих влияний отравленного революцией Запада,

Весной 1921 года Унгерн двинулся походом на Забайкалье. Однако, под Кяхтой был разбит соединенными силами Советской Красной Армии и народно-революционной армии Дальне-Восточной Республики. Вслед затем Урга была занята красными войсками (7-го июля), а Унгерн пойман в степях Монголии, судим в Ново-Николаевске и расстрелян. Остатки Унгерновского отряда продолжали однако бродить небольшими группами по территории Монголии, вынуждая тем самым красные войска несколько задержать там свое пребывание.

Еще в эпоху господства Унгерна революционные элементы монгольского народа образовали монгольскую «Народно-революционную партию», главари которой в тот период нашли себе убежище в Кяхте. С приходом крас-

ных войск в Ургу во главе Монголии стало новое правительство, состоявшее главным образом из членов этой партии. Уже 12 июля, т. е. через пять дней после падения Урги новое монгольское правительство обратилось к Советской Республике с просьбой не выводить своих войск из Монголии впредь до полного успокоения страны и создания достаточно прочного монгольского государственного аппарата. Нотой от 10 августа Советское правительство изъявило на это согласие. 10 сентября монгольское правительство, учитывая общую заинтересованность в установлении мирного сотрудничества русского, китайского и монгольского народов обратилось к Советской Республике с новой просьбой—взять на себя посредничество в деле установления взаимоотношений между Монголией и Китаем. 14 сентября Советское правительство согласилось и на это. Одновременно им было опубликовано особое обращение к маленькому урянхайскому народу, населяющему обширный и богатый край, расположенный между Монголией и Сибирью. В этом обращении Советское правительство заявляло, что оно отказывается от всяких притязаний на урянхайскую территорию (царское правительство пыталось ее «колонизовать») и предоставляет урянхайскому народу совершенно свободно определить свою дальнейшую судьбу. При этом Советское правительство указывало, что ввод красных войск в пределы Урянхая, вызванный скоплением там русских белогвардейцев, носит временный характер и не имеет ничего общего с завоевательными целями.

Дружественные отношения, с самого начала установившиеся между новым монгольским правительством и Советской Россией, требовали своего оформления в определенных юридических актах. В октябре 1921 года в Москву прибыла чрезвычайная монгольская миссия, представлявшая монгольский народ и его духовного главу Хутухту. Вслед затем начались русско-монгольские переговоры, которые и привели к подписанию договора 5-го ноября, заключающего в себе взаимное признание и наибольшее благоприятствование для граждан обоих сторон в области экономической деятельности, в особенности в торговле.

Названным актам взаимоотношения между Монголией и Россией были урегулированы в политической и право-

вой области. Теперь на очереди стоит такое же урегулирование в области хозяйственной. Едва ли можно сомневаться, что и оно совершится в том же дружественном духе, в каком были разрешены политико-правовые вопросы. А это, конечно, еще больше укрепит тесные узы, связывающие между собой обе соседние страны.

Китай.

Первые более серьезные попытки установить сношения с Китаем были сделаны Советской Республикой в середине 1919 года. 26 июля этого года, в тот момент, когда Красная Армия, гоня пред собой полчища Колчака, перевалила через Урал и вступила на территорию Азии, Советское правительство обратилось к Китаю с нотой, в которой заявляло следующее:

«Советское правительство отказалось от завоеваний, которые сделало царское правительство, отобрав от Китая Манчжурию и другие области. Пусть народы, обитающие в этих областях, сами решат, в границах какого государства они желают быть у себя дома.

Советское правительство отказывается от получения с Китая контрибуции за боксерское восстание 1900 года *)...

Советское правительство уничтожает все особые привилегии, все фактории русских купцов на китайской земле. Ни один русский чиновник, поп и миссионер не смеет вмешиваться в китайские дела, а если он совершит преступление, то должен судиться по справедливости местным судом. В Китае не должно быть иной власти, иного суда как власть и суд китайского народа

Кроме этих главных пунктов, Советское правительство готово договориться с китайским народом в лице его уполномоченных по всем другим вопросам и навсегда ликвидировать все акты насилия и несправедливости, совершенные в отношении Китая прежними российскими правительствами совместно с Японией и союзниками».

Нота Советского правительства произвела очень хорошее впечатление в мыслящих кругах китайского народа

---

*) В результате так называемого „боксерского восстания“ 1900—1901 г.г., направленного против господства иностранцев в Китае, правительство последнего обязалось выплатить европейским державам известную контрибуцию в возмещение потерь, понесенных подданными этих держав от беспорядков Выплата контрибуций производилась китайским правительством ежегодно, и Россия имела свою долю в выплачиваемой сумме.

и создала благоприятное настроение для восстановления отношений между Китаем и Россией. Так как, однако, китайское правительство *) является игрушкой в руках иностранных империалистических держав, и прежде всего в руках Японии и Англии, то оно не осмелилось предпринять никаких практических шагов для осуществления этой цели. Только к концу 1920 года, когда уже вся Сибирь вплоть до Байкала была завоевана красными войсками, Китай счел возможным вступить в прямые сношения с Советской Республикой. В сентябре этого года в Москву прибыла специальная военно-дипломатическая миссия генерала Чжан-Сы-Лина для начала подготовительных переговоров, которой НКИД передал меморандум от 27-го сентября с изложением основных принципов желаемого соглашения между Россией и Китаем на основе своей ноты от 26-го июля 1919 года. Меморандум этот видимо оказал положительное действие, так как 12 октября генерал Чжан-Сы-Лин сообщил, что Китай назначает в Россию постоянного представителя. В свою очередь Советское правительство 16 октября, приветствуя названный шаг Китая, заявило, что хочет послать своего уполномоченного в Пекин. Это совсем не входило в расчеты Антанты и потому она поспешила сделать нажим на китайское правительство. В результате Чжан Сы Лин был отозван назад в Китай, а на его место спустя некоторое время прислан генеральный консул Чен-Гуан. Около того же времени (20 октября) пекинское правительство подписало соглашение с Русско-Азиатским банком, фактически находящимся в руках Франции, соглашение, предоставляющее ему право дальнейшей эксплуатации Восточно-Китайской железной дороги. Это было, конечно, незаконно, но этого хотела Антанта.

В то время, как первые китайские уполномоченные находились в Москве, на сцену неожиданно всплыл монгольский вопрос. Мы уже знаем, что осенью 1920 года Унгерн начал наступление на Ургу. Так как существовали сильные опасения, что китайские войска, находящиеся в Монголии, не сумеют справиться с белогвардейскими бандами, то делегация «Народно-революционной партии» Монголии от имени монгольских трудящихся масс, а также

*) Здесь и везде в дальнейшем имеется в виду северное пекинское правительство.

Хутухты и виднейших общественных деятелей страны, обратилась к Советскому правительству с просьбой о помощи. Удовлетворяя эту просьбу, Советское правительство решило направить свои военные части в Монголию. В целях предупреждения возможных обвинений в «империализме», Н. К. И. Д. в ноте от 11 ноября 1920 года уведомил китайское правительство о предпринимаемых Россией шагах; настойчиво подчеркивая, что красные части будут выведены из Монголии непосредственно после ликвидации белогвардейского барона. Так как, однако, первоначальные опасения не оправдались, и китайцы собственными силами отогнали Унгерна от Урги, то Советское правительство следующей нотой от 28 ноября сообщило в Пекин о приостановке наступления на Монголию.

Вновь тот же вопрос был затронут в русско-китайских отношениях семь месяцев спустя в связи с походом Красной Армии в Ургу летом 1921 года. Нотой от 15-го июля Н. К. И. Д. об'яснял причины, побудившие Советское правительство переступить границы монгольской территории и вновь заверял, что речь идет лишь о временном вводе красных войск впредь до уничтожения белогвардейской опасности. Затем последовало обращение нового монгольского правительства к России с просьбой выступить в качестве посредника для урегулирования отношений между Монголией и Китаем и согласие последней на исполнение этой просьбы. Китайское правительство выражало некоторое неудовольствие по поводу событий, происходивших в Монголии, но, в конце концов, принципиально согласилось на участие Советского правительства в урегулировании монгольского вопроса.

Осенью 1921 года был сделан дальнейший шаг по пути сближения обоих государств. Китайское правительство согласилось допустить в Пекин торговую делегацию Советской России (делегация Дальне-Восточной Республики была допущена туда еще раньше). 16 го октября из Москвы в Китай выехал т. Пайкес с полномочиями вести с пекинским правительством переговоры об условиях передачи Китаю Восточно-Китайской железной дороги, а также принять участие в переговорах о Монголии. Но тут началась восточная игра в дипломатию. Китайское правительство обещало прислать делегата для ведения переговоров с т. Пайкесом и не посылало. Т. Пайкес ожидал предста-

вителей Китая в Чите, потом на станции Манчжурия и не мог дождаться. Наконец, китайское правительство заявило, что обсуждение вопроса о Восточно-Китайской железной дороге следует отложить до конца происходившей одновременно Вашингтонской конференции, где должна была быть определена судьба этого важного рельсового пути. Телеграммой от 8 го декабря Н. К. И. Д. резко протестовал против обсуждения в Вашингтоне данного вопроса, как касающегося исключительно Китая и России, а вслед затем т. Пайкес, не ожидая больше китайских делегатов, со всей своей миссией уехал в Пекин.

Восьми-месячное пребывание т. Пайкеса в китайской столице не привело, однако, ни к каким положительным результатам. Отчасти это об'яснялось влиянием держав Антанты, не позволявших китайскому правительству идти навстречу Советской России, отчасти же это вытекало из того внутреннего положения, в котором врассматриваемый период находился Китай. Первая половина 1922 года, как известно, ознаменовалась новой вспышкой «гражданской войны», имевшей результатом смену правительства. Японский ставленник Чжан-Цзо-Лин был разбит англофильским генералом У-Пей-Фу, и в Пекине произошла одна из столь обычных в Китае внезапная смена политических декораций. Конечно, при таких условиях трудно было рассчитывать на установление правильных дипломатических отношений между Китаем и Советской Республикой.

Только осенью 1922 года новое китайское правительство, создавшееся в результате победы У-Пей-Фу, обнаружило более серьезную склонность к сближению с Советской Россией. Т. Иоффе, выехавший в Пекин в качестве чрезвычайного уполномоченного Советского правительства, имеет задачей найти конкретные формы, в которые должны отлиться дружеские отношения между двумя соседними государствами. Ближайшее будущее покажет, что в этом направлении может быть достигнуто.

Япония.

Япония—единственная из стран Азиатского Востока, которая участвует в Верховном Совете Антанты. Ее никто не угнетает, наоборот она сама является угнетательницей, держащей под пятой несчастную Корею и накладывающей тяжелую руку на Китай. Вполне естественно поэтому, что отношения между Россией и Японией за минувшее пятилетие носили совсем иной характер, чем ее отношения к Афганистану, Турции или Монголии. Здесь речь шла не о дружбе, а о борьбе, причем нападающей стороной была Япония.

5-го апреля 1918 года первый японский десант высадился во Владивостоке. 25-го октября 1922 года последний японский солдат покинул Владивосток. Четыре с половиной года, разделяющие эти два момента, были временем японской интервенции в Сибири, записавшей одну из самых мрачных страниц в истории революции. Еще и сейчас интервенция не может считаться совершенно оконченной, так как в руках Японии пока остается Северный Сахалин, но все-таки японское вмешательство в русские дела может считаться ликвидированным. Советская Россия вернула себе выход в Тихий Океан.

В нашу задачу не входит подробное изложение японской интервенции, о которой могут быть написаны целые томы, поэтому мы ограничимся здесь лишь приведением самых необходимых фактов и соображений. Начиная в 1918 году свою кровавую игру в Сибири, японское правительство исходило из предположения, что в результате Октябрьской революции распавшаяся в то время на части Россия должна превратиться во второй Китай. И, так как японские империалисты давно уже мечтали о расширении своей территории на Азиатском материке, то они теперь решили воспользоваться благоприятным случаем и стать твердой ногой на русском Дальнем Востоке. Первоначально судьба к ним как будто-бы благоволила. К концу 1918 года японским войскам удалось продвинуться до Читы, а

в 1919 году, при Колчаке, японских солдат можно было встретить не только в Иркутске и Красноярске, но даже в Омске, даже на Урале. Казалось, рука японского империализма протягивалась через всю территорию Сибири, непосредственно угрожая рабоче-крестьянской Москве.

Однако, это была только иллюзия. Россия оказалась сделанной из другого теста, чем Китай. В ее экономические и социальные силы было вложено неизмеримо больше элементов сцепления, чем в экономические и социальные силы Китая. В результате наметился быстрый процесс воссоединения разорванных частей российского государства под красным знаменем революции. С переходом советских войск через Урал началось постепенное отступление Японии на восток. Из Омска ей пришлось уйти в Иркутск, из Иркутска в Верхнеудинск, из Верхнеудинска в Читу, из Читы во Владивосток и, наконец, из Владивостока в Токио. Круг завершился, и карта японского империализма оказалась битой. От великодержавной авантюры, затеянной японскими политиками четыре с половиной года назад, теперь осталось лишь острое разочарование, да десятки тысяч могил в Восточной Сибири, да злая память в широких кругах российского населения о японском хозяйничаньи на Дальнем Востоке.

При таком характере взаимоотношений между Россией и Японией, конечно, не удивительно, что дипломатическая история русско-японских отношений эпохи революции отличается крайней бедностью. В этой истории можно отметить три наиболее важных момента.

Во-первых, создание Дальне-Восточной Республики. Когда в начале 1920 года Красная Армия вступила в Иркутск, Япония выдвинула план образования между нею и Советской Россией буферного государства, построенного на принципах буржуазной системы. Япония уверенно рассчитывала, что она, конечно, будет господствовать в этом буфере. Советское правительство, стремясь предотвратить открытое столкновение с японским империализмом, охотно пошло на это предложение. В результате возникла Дальне-Восточная Республика, организованная по типу буржуазной демократии и политически представляющая некоторый переход от Советской Республики, к императорской Японии. С самого начала Советское правительство рас-

сматривало Дальне-Восточную Республику как временное творение, имеющее целью прикрыть ее от Японии и дать ей таким образом необходимую передышку. Но для того, чтобы дальне-восточный буфер не превратился в плацдарм для формирования сил контр-революции, Советская Республика должна была обеспечить себе в нем преобладающее влияние. Ей действительно удалось этого добиться, и буфер, который по заданиям японских империалистов должен был явиться ножом, приставленным к груди Советской России, превратился в операционную базу рабоче-крестьянской Республики в ее борьбе против японского наступления. Так шутит иногда история.

Тесные узы связали Дальне-Восточную Республику с Советской Россией с первого же дня ее возникновения. Уже 26-го октября 1920 года Советское правительство приветствует по телеграфу конференцию представителей всех областей Дальнего Востока, с'ехавшихся в Читу для создания новой государственной единицы. После образования Дальне-Восточной Республики Советская Россия немедленно заявляет о ее политическом признании и затем заключает с ней целый ряд договоров и соглашений: 15 ноября 1920 года о концессиях на право звероловства и рыболовства в районе озера Байкала, 30 ноября о железнородорожном и водном сообщении, 15 декабря об установлении границ (в состав Д.-В. Р. входят Забайкальская, Амурская и Приморская области, а также Северный Сахалин), наконец 17 февраля 1922 года—договор об экономическом союзе обоих республик. Одновременно Советское правительство устраивает Дальне-Восточной Республике несколько золотых займов на условии погашения их продуктами промышленности и сельского хозяйства, а также оказывает ей деятельную поддержку в сфере международной политики.

Двухлетнее существование Дальне-Восточной Республики вполне оправдало возлагавшиеся на нее ожидания. Это государство-буфер действительно предотвратило столкновение между Советской Россией и Японией в тот момент, когда Россия еще не чувствовала себя достаточно сильной для овладения Дальним Востоком. Но теперь положение изменилось. Советская Республика сильно выросла и окрепла, она завоевала себе фактическое признание всех мировых держав и достигла чрезвычайно твердого поло-

жения в международной области. Это показали Генуя и Гаага, об этом свидетельствует и эвакуация японцев из Приморской области. Дальне-Восточная Республика сыграла свою роль и теперь может прекратить свое дальнейшее существование. Она больше не нужна Советской России. Ее ликвидация представляет, конечно, лишь вопрос времени и притом, надо думать, короткого времени.

Второй момент в русско-японских отношениях, который заслуживает быть отмеченным,—это Дайренские переговоры, тянувшиеся с 26-го августа 1921 года по 16 апреля 1922 г. Их происхождение и история таковы. Так как Вашингтонская конференция предполагала поставить в повестку дня вопрос о японской интервенции в Сибири, то токийское правительство, желая избежать слишком гласного обсуждения этого опасного для него вопроса, решило перехитрить своих империалистических соперников и вступить в непосредственные переговоры с Дальне-Восточной Республикой. Если бы в результате этих переговоров был заключен какой-либо договор, то Японии легко было бы добиться снятия неприятного вопроса с обсуждения Вашингтонской конференции, как уже ликвидированного в ином порядке. Если бы, однако, такой договор своевременно даже не был подписан, все-таки уже самый факт ведения переговоров с Дальне-Восточной Республикой сильно облегчил бы Японии защиту своей позиции на международной конференции. Исходя из этих мотивов, Япония выступила с инициативой прямых переговоров между нею и Дальне-Восточной Республикой. Инициатива эта увенчалась успехом, и 26 августа 1921 года переговоры действительно открылись в японской гавани Дайрен (бывший Дальний). Однако, с самаго же начала заседаний между сторонами обнаружилось резкое расхождение по двум пунктам. Делегация Д.-В. Р. настаивала на том, что необходимой предпосылкой заключения договора должна быть эвакуация японских войск с русского Дальнего Востока. Наоборот, делегация Японии полагала, что договор должен быть заключен независимо от разрешения вопроса об эвакуации войск, будучи готова, однако, дать некоторые неопределенные обещания вывести японские отряды из Приморья после подписания договора. Равным образом делегация Д.-В. Р. настаивпла на участии в переговорах представителей РСФСР,—японцы-же сначала соглашались допустить последних лишь к обсуждению

тех вопросов, которые касаются не только Д.-В. Р., но и РСФСР, а затем вообще отклонили присутствие на Дайренской конференции официального представителя Советского правительства. Выехавшему из Москвы т. Мархлевскому пришлось поэтому присутствовать в Дайрене во все время переговоров в качестве частного лица.

В течение всей зимы 1921—22 г.г., прерываясь, долгими томительными паузами, шли переговоры между Дальне-Восточной Республикой и Японией. Желая достигнуть какого-нибудь соглашения, читинская делегация шла на максимально допустимые уступки, так что, в конце концов, был выработан проект компромиссного договора, который обе стороны готовы были принять. Сущность этого проекта сводилась к следующему: Япония и Д.-В. Р. взаимно обязуются не предпринимать и не поддерживать враждебных действий друг против друга; обе стороны обмениваются представительствами; японские подданные на территории Д.-В. Р. получают право свободно заниматься сельским хозяйством и промышленностью (в частности горной и лесной) и арендовать земли на срок не свыше 36 лет; им предоставляется также право каботажного плавания в водах Д.-В. Р. и участия в обществах каботажного судоходства; наконец, за японскими подданными признаются все права и преимущества, приобретенные ими до 26-го августа 1921 г., иными словами, санкционируется тот захват имуществ, концессий и т. п., который произведен японским капиталом в период интервенции.

Как видим, выработанный проект менее всего мог считаться особенно выгодным для Д.-В. Р. Но даже и ему не суждено было стать договором. Как раз в тот момент, когда дело уже шло к развязке, наметился созыв Генуэзской конференции. Токийское правительство сочло за лучшее выждать ее решений и для того, чтобы сорвать дайренские переговоры, неожиданно выдвинула новые и заведомо неприемлемые для Дальне-Восточной Республики требования (в числе их были, например, такие, как предоставление японцам свободного плавания по Амуру, отказ Д.-В. Р. от увеличения флота и постройки укреплений в Приморской области и т. д.). Конечно, Дальне-Восточная Республика не могла ответить на эти требования иначе, как только отказом. Японцы восполь-

зовались этим случаем и прервали переговоры. Дайренская конференция кончилась ничем, но дни японского господства в Приморской области были уже сочтены.

Третий момент в русско-японских отношениях, который заслуживает особого внимания относится к лету и осени 1922 г. 23-го июля текущего года японское правительство приняло решение вывести свои войска из Приморской области не позже 1-го ноября. Причины, побудившие японских империалистов к данному шагу, были различного характера. Прежде всего дальне-восточная интервенция обходилась Японии слишком дорого: за последние четыре года она поглотила не менее миллиарда золотых рублей, и каждый новый месяц пребывания японских войск на континенте вызывал новые огромные расходы. А так как японские финансы в настоящее время находятся далеко не в блестящем состоянии, то правительству волей-неволей приходится экономить. Далее, после исхода Генуэзской конференции даже слепому становилось ясно, что Советская Россия превратилась в великую мировую державу, притом вступившую в полосу укрепления и дальнейшего развития своей мощи. Поэтому, не приходилось сомневаться, что рано или поздно Россия вернула бы себе Дальний Восток. Мечты о прочном внедрении Японии в Приморской области приходилось оставить. В таком случае не имело смысла попусту тратить деньги на заведомо безнадежную авантюру. Наконец, внутри самой Японии все сильнее нарастала оппозиция против агрессивных тенденций военной клики, портящих отношения между Японией и Россией и мешающих японским промышленникам и купцам сбывать свои товары на сибирском рынке. В результате было принято вышеупомянутое решение, которое, как мы знаем, в настоящее время уже полностью приведено в исполнение.

В связи с наметившейся переменой в позиции Японии министр иностранных дел Д.-В. Р. т. Янсон 30-го июня обратился к японскому правительству с предложением начать общие мирные переговоры с Д.-В. Р. и Р.С.Ф.С.Р. Нотой от 19-го июля японское правительство ответило на это предложение согласием, еще раз подтвердив свое неуклонное решение к 1-му ноября эвакуировать русский Дальний Восток. 25-го июля т.т. Карахан и Янсон отправили японскому правительству ноту, в которой

предлагали в качестве места для ведения переговоров Москву, Читу, Пекин или Токио и сообщали, что российскими уполномоченными на мирную конференцию назначаются т.т. Иоффе и Янсон. Япония однако не согласилась ни на одно из указанных мест и, с своей стороны, наметила Дайрен, Харбин, Мукден и Чан-Чунь. Не желая из-за второстепенных вопросов задерживать заключения договора, правительства обоих республик решили пойти на встречу Японии и согласились начать переговоры в Чан-Чуне.

4 сентября произошла первая встреча русской и японской делегаций, причем сразу же обнаружились зловещие симптомы. Хотя нотой от 19 июля японское правительство заявило о своем согласии вести переговоры с об'единенной делегацией Р.С.Ф.С.Р. и Д.-В.Р., японские делегаты в Чан-Чуне вдруг предложили вести переговоры и заключить договор только с Д.-В.Р., а с Р.С.Ф.С.Р. договариваться лишь по тем вопросам, которые выходят за пределы компетенции дальне-восточного правительства. Само собой разумеется, что российская делегация, ссылаясь на предшествующую дипломатическую переписку, категорически отклонила предложение японцев. Тогда глава японской делеции Мацудайра внес от своего имени компромиссное предложение: заключить договор между Р.С.Ф.С.Р. и Д.-В.Р., с одной стороны, и Японией, с другой, но сначала лишь по вопросам Дальнего Востока. А затем Япония должна вступить в переговоры с Советской Россией на предмет заключения торгового договора. После некоторых возражений российская делегация признала предложение Мацудайры принципиально приемлемым.

Но тут возникло новое осложнени. Японская делегация настаивала на том, чтобы в основу переговоров был положен вышеприведенный дайренский проект. Российская делегация не возражала против того, чтобы в целях удобства дайренский проект был принят за исходную точку обсуждения, однако категорически заявила, что оставляет за собой право вносить в него какие угодно поправки и изменения. Японская делегация пыталась было возражать, но, в конце концов, вынуждена была уступить.

Казалось, переговоры начинали налаживаться. Действительность однако сулила новое разочарование. Мацудайра запросил свое правительство относительно линии

поведения на конференции. 18 сентября он официально заявил российской делегации, что японское правительство одобрило его предложение. Однако уже на следующий день, 19 сентября, японская делегация огласила на утреннем заседании конференциии новые инструкции, полученные ею из Токио, в которых определенно говорилось, что во-первых, в предисловии к договору должно быть заявлено о распространении последнего лишь на территорию Д.-В. Р., и что, во-вторых, в дайренском проекте могут быть допущены лишь редакционные поправки, но не поправки по существу.

Это был явно провокационный акт, и российская делегация именно так его и расценила. Положение еще более обострилось, когда из последовавших затем дебатов с полной несомненностью выяснилось, что в случае заключения договора с Д.-В. Р. Япония отказывается брать на себя формальные обязательства не поддерживать группы и организации, борющиеся против Р. С. Ф. С. Р., и что, эвакуировав Приморье, она собирается продолжать оккупацию Сахалина. Последнее японская делегация обосновывала необходимостью получить компенсацию за пресловутые «Николаевские события»*), однако данный вопрос на настоящей конференции подымать она не собиралась. Ясно было, что Япония предполагает еще долго держать Сахалин в своих когтях.

Положение достаточно определилось. Российская делегация потребовала перерыва в переговорах и, снесясь с Москвой и Читой, в заседании конференции 23 сентября огласила декларацию, в которой заявляла, что она готова принять систему двух последовательных договоров, однако с тем условием, что Япония теперь же обязуется отказаться от поддержки враждебных действий не только против Д.-В. Р., но и против Р. С. Ф. С. Р. Далее делегация категорически настаивала на том, чтобы срок эвакуации Сахалина был точно указан в договоре, независимо от того или иного разрешения вопроса о «Николаевских событиях». При этом делегация заявила, что ни прави-

*) Суть «Николаевских событий» состоит в следующем: весной 1920 г. японский гарнизон г. Николаевска предательски напал на расквартированный в городе отряд красных партизан с Тряпицыным во главе. Защищаясь против японцев, партизаны сами перешли в наступление, перебили большую часть находившихся в Николаевске японцев и сожгли город. Казалось бы, главная вина за «Николаевские события» ложится на японцев, однако токийское правительство думает совсем иначе и имеет, мягко выражаясь, дерзость требовать от России компенсацийз а последствия своего собственного вероломства.

тельство Д.-В. Р., ни правительство Р. С. Ф. С. Р. не могут взять на себя ответственности за названные события.

Мацудайра реагировал на декларацию российской делегации заявлением, что японское правительство готово дать обязательство не поддерживать враждебные Советской России элементы, но зато в вопросе об эвакуации Сахалина оно не может пойти ни на какие уступки.

Дальнейшие разговоры очевидно, были бесполезны, и обе стороны должны были сделать отсюда логические выводы. Они и сделали их, прервав переговоры и разъехавшись в разные стороны. Еще одна попытка соглашения с Японией не удалась, и еще раз восстановление нормальных отношений между Россией и Японией было отложено до более благоприятного будущего. Можно однако с уверенностью утверждать, что это будущее уже не за горами. Лучшим свидетельством тому является только что законченная японцами эвакуация Приморья и Владивостока.

VI. Заключение.

Итоги и выводы.

Когда 25-го октября 1917 года в огне и буре всенародного восстания родилась Советская Республика, она всем казалась хилым и недолговечным ребенком. Не только враги, но и друзья предсказывали ей лишь кратковременное бытие. Оптимисты говорили о нескольких месяцах, пессимисты—о нескольких неделях существования. Жизнь оказалось однако милостивее даже сочувственно настроенных пророков. Больной ребенок, пройдя через горнило тяжких мук и испытаний, окреп и развился. Он превратился в мощного гиганта, и теперь вся страна, от Финского залива до Тихого Океана, торжественно празднует его пятилетнюю годовщину.

Пять лет для революционной эпохи громадный срок,—они стоят полустолетия обычного развития. За эти пять лет Советская Республика должна была выявить и действительно выявила свое истинное лицо. Она имела время не только провозгласить, но и осуществить или, по крайней мере, начать осуществлять те принципы, которые она с такими беспримерными энергией и смелостью выдвинула 25 октября. И потому, в пятую годовщину рабоче-крестьянской революции мы вправе потребовать у Советской Республики счет, вправе поставить вопросы: что она дала трудящимся массам России и всего мира? Оправдала-ли возлагавшиеся на нее надежды? Осталась ли верна принципам, возвещенным ею при своем рождении?

Попробуем ответить на эти вопросы, поскольку они относятся к области внешней политики.

Три основных принципа выдвинула Советская Республика при своем возникновении, как руководящие начала в сфере международных отношений:

Мир.

Самоопределение народов.

Гласная дипломатия.

С тех пор прошло пять лет, и на основании опыта этого богатого событиями периода мы можем подвести

сейчас некоторые итоги: Мы можем установить, остались-ли принципы лишь одними словами или были претворены в действительность. И в соответствии с этим мы можем определить, принесла-ли с собой рабоче-крестьянская власть что нибудь новое, бодрящее, чего до сих пор не знал и не имел капиталистический мир.

Начнем с первого принципа,—с мира. В наши дни в буржуазных странах очень любят говорить о «красном империализме» Советской России. Каждое слово т. Троцкого стремятся истолковать в агрессивном смысле, каждые маневры изобразить в виде подготовки к об'явлению войны. В договорах Советской Республики с другими государствами точно также ищут намеков на военные соглашения, а, когда это не удается, начинают утверждать, что кроме опубликованного договора, имеется еще тайная конвенция, обеспечивающая России такое-то количество войск и такие-то преимущества на случай войны.

Нет ничего ошибочнее подобных представлений. Люди буржуазии судят по себе. Они сами глубоко отравлены ядом империализма, они спят и во сне видят захваты территорий, оккупации областей, вооруженные выступления армии и флота. И потому они уверены, что все так чувствуют и мыслят. Они просто психологически не в состоянии себе представить, что может существовать огромное государство, располагающее неиссякаемыми источниками живой военной силы, и не думать о нападении, о войне.

А между тем пятилетняя история Советской Республики тысячами голосов говорит как раз об этом. Да, Советская Республика за истекшие 5 лет много воевала, но она это делала исключительно лишь тогда, когда на нее нападали. Да, она создала свою Красную Армию, внушающую полезный респект ее врагам, но эта армия еще никогда не употреблялась дла агрессивных целей, для завоеваний новых рынков, для покорения более отсталых народов. Мир был наиболее горячим стремлением Республики всегда, при всяких условиях и обстоятельствах. Даже в момент наивысших военных успехов Советская Республика немедленно откликалась на всякое предложение мира (вспомним мирные переговоры с Польшей в то время, когда Красная Армия неудержимо шла к Варшаве). Совсем недавно в Генуе она выступила с инициативой всеобщего разоружения, а сейчас она занята подготовкой к созывае-

мой ею конференции окраинных держав все по тому же вопросу. О миролюбии Советской Республики необыкновенно ярко свидетельствует вся история ее внешней политики за пять лет, рассказанная на предыдущих страницах.

А самоопределение народов?

Опять-таки и здесь буржуазный мир, смешивающий самоопределение народов с Лигой Наций, склонен заподозревать искренность советской политики в отношении угнетенных наций. Капиталистические вожди Запада готовы рассматривать нашу пропаганду самоопределения, как простую уловку, как искусный маневр в борьбе с другими державами, в особенности с Англией. Ибо и в этом случае свои мысли и чувства они невольно подсовывают нам.

Что говорят факты? Они совершенно опровергают все подобные подозрения. Советская Республика начала осуществление принципа самоопределения с самой себя,— а это ведь самое трудное. Внутри своих границ она создала два десятка автономных республик и областей (Туркестанскую, Киргизскую, Татарскую, Башкирскую и др.), это ли не наилучшее доказательство ее искренности в осуществлении принципа самоопределения? И ту же линию она все время строго проводила в своих отношениях с угнетенными народами Востока. Вступая в сношения с ними, Советская Республика неизменно отказывалась от всех прав и привилегий, вырванных у них в свое время царизмом, прощала навязанные им царизмом долги, оказывала им посильные помощь и содействие в борьбе за независимость. Именно, поэтому, Советская Республика с полным спокойствием может смотреть в будущее: народы Востока в зависимости от меняющихся условий обстановки и момента подчас могут уходить от нее, но, в конечном счете, они останутся с рабоче-крестьянской Россией. Ибо только она протягивает им не острые когти империалистического хищника, а дружескую руку брата и товарища.

И, наконец, гласная дипломатия. Буржуазные и социал-соглашательские кумушки очень любят хихикать по поводу «тайной дипломатии» Советской России. Но и здесь они обнаруживают лишь придирчивость слепой злобы и ограниченность интеллекта. Ибо опять-таки, что говорят факты? Возьмите советские газеты,—чуть не в каждом номере их вы найдете ноты, меморандумы, сообщения и

другие дипломатические документы, относящиеся к различным сторонам международных отношений республики. Ни одно из европейских правительств не посвящает широкие массы населения так полно и охотно во все детали своей внешней политики, как это делает Советское правительство. Впрочем, не в этом главное. «Тайная дипломатия» капиталистических держав состоит в том, что их правительства без согласия и ведома народов заключают с другими государствами договоры и соглашения, обязывающие эти народы жертвовать кровью и деньгами во имя чуждых им целей и задач. Таких договоров и соглашений Советская Республика до сих пор ни разу не заключала. Такой «тайной дипломатии» у нее нет.

Как видим, на протяжении минувшего пятилетия Советская Республика, в главном и основном, осталась верна выдвинутым ею принципам. Нет ни одного сколько-нибудь серьезного факта, который опровергал бы это утверждение.

Именно поэтому Советская Республика в области внешних отношений вполне оправдала возлагавшиеся на нее надежды. Именно поэтому она дала трудящимся массам России и всего мира образец *новой* международной политики, сочетающей принципы самоопределения и честного миролюбия с решительным отпором всяким хищническим поползновениям со стороны капиталистических держав.

Отсюда вытекают два важные последствия.

Во-первых, вошедшая в поговорку на Западе успешность внешней политики Советской Республики. Индивидуалистически воспитанные европейцы готовы об'яснять эту успешность высокими качествами советских дипломатов. Отнюдь не думая отрицать ума и способностей за творцами нашей внешней политики, мы все-таки склонны утверждать, что дело тут не в лицах, а в системе. Советская Республика ведет хорошую внешнюю политику, не потому что имеет хороших дипломатов, а, наоборот, она имеет хороших дипломатов, потому что ведет хорошую политику. Сила этой политики в ее честности и бескорыстии. Советская Республика *может* вести такую политику, потому что власть в ней принадлежит рабочим и крестьянам, т.-е. классам миролюбивым по своему существу, не заинтересованным в империалистическом грабеже и покорении народов. В этом ее преимущество. Капитали-

стические державы *не могут* вести такой политики, потому что у власти в них стоит буржуазия, т.-е. класс агрессивный по своей природе, могущий существовать лишь за счет эксплуатации своего пролетариата и более отсталых наций Старого и Нового Света. В этом их слабость. В конечном счете, хорошая политика, конечно, должна одерживать верх над плохой. Неудивительно, поэтому, что внешняя политика Советской Республики несет на челе своем печать успеха в то время, как внешняя политика капиталистических государств терпит одно за другим обидные поражения.

Однако из тех же оснований вытекает и второе следствие. Никогда еще мировое влияние России не было так велико, как именно теперь. Сейчас мировой столицей в подлинном смысле слова являются не Лондон, не Париж, не Вашингтон, а Москва. Ибо и Лондон, и Париж, и Вашингтон олицетворяют собой вчерашний день человечества, а Москва воплощает его завтрашний день. Так обстоит дело в общеисторическом масштабе, так обстоит дело и в более узкой сфере международных отношений. Советская Республика за пять лет своего развития сумела показать, что честная и безкорыстная внешняя политика без захватов земель, без порабощения народов, есть не просто беспочвенная мечта, что она возможна, и что она начинает осуществляться в действительности. Естественно, что Советская Республика должна была приковать к себе внимание всего мира. Естественно, что трудящиеся массы и угнетенные народы обоих полушарий должны были смотреть на нее, как на символ грядущего, того грядущего, которое не будет знать ни национального рабства, ни империалистических войн. А это в огромной степени подымало международный авторитет Советской Республики.

Так было в прошлом, так есть в настоящем и так— мы уверены—останется в будущем. Ибо источником советской внешней политики является рабоче-крестьянская власть. А рабоче-крестьянская власть не собирается умирать.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

I. Политическое наступление российской революции.

Декларация принципов 3

Борьба за мир 9

Первый период Брестских переговоров 11

Народный Комиссариат по Иностранным Делам 19

II. Борьба революции за жизнь.

Второй период Брестских переговоров 29

Брестский мир 39

Борьба против последствий Брестского мира 41

Малая интервенция Антанты 48

Разрыв сношений с капиталистическим миром 55

Война Антанты против Советской России 63

III. Победа Российской революции.

Окно в Европу 79

Отношения с Польшей 87

Договор с Англией 94

Соглашения и переговоры с др. государствами 103

IV. Эпоха мировой политики.

Генуя 115

Гаага 124

После Генуи и Гааги 130

V. Советская политика на Востоке.

Первые шаги 141

Афганистан 143

Хива 149

Бухара 153

Стр.

Персия 157

Турция 161

Монголия 168

Китай 172

Япония 176

VI. Заключение.

Итоги и выводы 187

ПОПРАВКИ.

В текст книжки вкрались следующие искажающие смысл ошибки:

На стр. 21—22: вместо имени т. Карахана должно быть имя т. Чичерина.

На стр. 61: 1) В качестве мотива для ареста т. Литвинова в Лондоне, кроме указанного, служил еще арест Локкарта в Москве; 2) т. Мартенс продержался в Соединенных Штатах до конца 1920, а не 1919 года.

На стр. 73: В ответ на ноту советского правительства к Чехо-Словакии от 25-го февраля 1920 года г. Бенеш 10-го апреля сообщил о готовности Чехо-Словакии играть роль посредника между Советской Россией и Западной Европой.

На стр. 85: русско-финским договором не предусматривалась автономия Восточной Карелии, она им просто констатировалась, как факт.

КАТАЛОГ

издательства Главполитпросвета

„Красная Новь".

I. Популярно-марксистская серия.

Вышли из печати:

Девиль Г.—Научный социализм (перев. с франц. Н. Мещерякова).

Ленин Н.—Карл Маркс. Краткий биографический очерк с изложением марксизма.

Луи Поль.—История французской социалистической партии.

Маркс К.—Наемный труд и капитал (перев. И. Степанова).

Энгельс Фр.—Революция и контр-революция в Германии, с предис. И. Степанова.

Находятся в печати:

Ауэрбах.—Маркс и профессиональные союзы.

Горнер К.—Социал-демократия и коммунизм.

Ленин Н.—Государство и революция.

Лозовский.—Анархо-синдикализм и коммунизм.

Энгельс Фр.—Политическое завещание.

Готовятся к печати:

Беер М.—Карл Маркс, его жизнь и учение.

Корш.—Квинт-эссенция коммунизма.

Лафарг П.—Экономический детерминизм К. Маркса.

Люксембург Р.—Коалиционная политика и классовая борьба.

Маркс К.—Заработная плата, цена и прибыль.

Поль В.—Коммунизм и общество.

II. Агитационно-пропагандистская серия.

Вышли из печати:

А. А.—Единый натуральный налог и скотоводство.

Ив. Алексеев-Небутев.—Из воспоминаний левого эсера (Подпольная работа на Украине).

Антонов-Овсеенко.—Спешите на помощь умирающим от голода.

Антонов-Овсеенко.—Закрепим нашу победу!

Аржаной декрет.

Быстрянский.—Борьба за богатства мира.

Вардин.—Партия меньшевиков и русская революция.

„ —Политические партии и русская революция.

„ —Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты (Факты и документы).

Голод и церковные ценности.

Горев.—Откуда неурожаи и голодовки.

Его же.—Церковные богатства и голод в России.

II

Государственный единый натуральный налог.

Грандов —Госуд. труд-гуж-налог и крестьянство.

Зиновьев.—Единый рабочий фронт.

Ингулов —Голод в цифрах. Вып. I и II.

К процессу правых эсеров.—Тезисы для агитаторов.

Красиков.—Кому помогают те, кто противится из'ятию церковных ценностей на хлеб для голодающих.

Ленин.—Международное и внутреннее положение РСФСР (доклад на IX Всерос. С'езде Советов).

Его же.—О знач. золота теперь и после полной победы социализма.

Ливенский.—Продналог и голодающие районы.

Луначарский.—Кому принадлежит церковное имущество.

А. Лунин.—О делах Тихоновских (Дело о сопротивлении из'ятию церковных ценностей в Московском Трибунале).

Майер.—Как сплавлять лес.

Материалы для агитаторов. По вопросу об из'ятии церковных ценностей для голодных.

Мещеряков В.—Партия эсеров, часть I и II.

Мещеряков Н.—На переломе.

Моисеенко Н.—Единый натуральный налог и земля (пашня и сенокос).

Наука в Советской России.—Сборник.

Обвинительные речи на процессе эсеров.— К. Цеткиной, Луначарского, Крыленко, Покровского и др.

Партия эсеров в Тамбовском восстании 1920—1921 гг.

Покровский.—Противоречия г. Милюкова.

Покровский. — Что установил процесс так называемых „социалистов-революционеров".

Процесс эсеров.—Речи защитников 2-й группы эсеров: Бухарина, Членова, Кона, Биценко и речи подсудимых 2-й группы: Дашевского, Семенова, Коноплевой и др.

Попов.—Что должен знать каждый рабочий о процессе эсеров.

Приговор Верховного Револ. Трибунала над эсерами.

Радек.—Октябрьская революция и ее место в истории.

Раковский.—Кукуруза—наш спаситель.

Свидерский и Кочетов.—Закон о едином натуральном налоге.

Свиридович.—Готовься к сплаву!

Соков.—Льготы по единому налогу.

Стеклов.—Партия социалистов-революционеров.

Торопов.—Единый натуральный налог и специальные культуры.

„ —Единый натуральный налог и право замены.

Шмераль.—Чехо-словаки и эсеры.

Эволюция классов в русск. революции.—Сборник со статьями Н. Осинского Ю. Ларина, А. Хрящева.

III. Анти-религиозная серия.

В ы ш л и и з п е ч а т и:

Степанов.—„Мысли о религии". I и II изд. (испр. и дополн.)

В п е ч а т и:

Браун.—Коммунизм и христианство.

Степанов И.—О таинстве святого причастия.
„ О правой и неправой вере, об истинных и ложных богах
Ческис.—Людвиг Фейербах и его дело.

Готовятся к печати:

Бебель А.—Христианство и социализм.
Горев М.—„Живая" церковь.
Древс.—Миф о Христе.

IV. Европа после войны.

Вышли из печати:

Иоффе.—Генуэзская конференция.
Майский.—Сов. Россия и капиталист. мир (Гаагская конференция).
Раковский.—Накануне Генуи.
Фостер.—Волны рабочей революции в Германии, Англии, Франции и Италии.
Шлихтер.—Наша соседка Финляндия.

Находятся в печати:

Иорданов.—Балканский вопрос после войны.
Павлович М.—Советская Россия и империалистическая Япония

Готовятся к печати:

Бронский.—$2^1/_2$ Интернационал.
Горкин.—Современная Италия.
Граше.—Чехо-Словакия.
Кан Герм.—Крушение капитализма.
Майский.—Современная Германия.
Мархлевский.—Современная Польша.
Нюренберг.—Мировая война, ее причины и экон. последствия.
Ротштейн Ф.—Современная Англия.

V. Советское строительство и законодательство.

Вышли из печати:

Волин.—Государственное строительство на IX Всерос. С'езде Советов.
Катаев.—Новая жилищная политика.
Попова.—Советская система денежных налогов.
Приградов-Кудрин.—Что такое жилищные товарищества.
Семашко.—Охрана здоровья в новых условиях.
Шефлер.—Земельный вопрос на IX С'езде Советов.

Готовятся к печати:

Алексеев.—Указатель губерний и уездов РСФСР.
Кантор.—Что сделала Сов. власть для национальных меньшинств.
Кузовков.—Бумажные деньги, налоги и народное хозяйство.
Стопани.—Рабочее законодательство в Сов. России.

VI. Вопросы организации труда и хозяйства.

Вышли из печати:

Виноградов.—Пути восстановл. нар. хоз-ва РСФСР и электрификация.
Грацианов.—Возделывание озимой пшеницы и проса в Ю.-В. Поволжья.
Грачев.—Топливо.
Гуревич.—Заработная плата прежде и теперь.
Девяткин.—Рабочий, иди в кооперацию!

Каплун С.—Охрана труда в новых условиях.
„ Охраняйте детский труд.
Кекчеев.— Как надо работать (живая машина).
Крумин.—Новая экон. политика в промышленности.
Лившиц.—Бюджетно-сдельная система оплаты труда.
Лисс.—Профсоюзы и частные предприятия.
Мещеряков Н.—Кооперация в Советской России.
Милонов.—Революция в технике.
Сарабьянов —Промышленность.
Старк.—Что такое тресты и комбинаты.
Томский.—Профессиональные союзы на новых путях.
Ударов.—Рабочий кооператив.
Чекин (Яроцкий.)—Работница и профсоюзы.

Готовятся к печати:

Хлоплянкин.—Безработица и меры борьбы с ней.
„ Трудовые конфликты.
Шпильрейн.—Индустриальная психотехника.
Яроцкий.—На родине кооперации.

VII. Методы политико-просв. работы, пособия и программы.

Вышли из печати:

Адоратский.—Программа по основным вопросам марксизма.
„ то же. 2-е дополненное и переработанное издание
Голант.—Букварь крестьянина.
Доблер и Слуховский.—О работе с передвижными библиотеками.
Завадовский.—Внешкольные биологические экскурсии.
„ Программа лекций по биологии.
Крупская.—РКСМ и бойскаутизм.
Покровский.—Библиотечная работа (о культурной и социальной работе в народной б-ке), издание 3.
Политико-просвет. работа в условиях НЭП'а.—Сборник под редак. Н. К. Ульяновой. I и II издание.
Популярный политический словарь. Под общей редакцией Б. М. Эльцина.
Программа для советско-партийных школ 1-й ступени.
Работа драматического кружка в клубах РКСМ.
Работа хорового кружка в клубах РКСМ.
Сельско-хозяйственное просвещение в деревенском клубе, избе-читальне и народном доме.
Спутник делегата (Сборн. тезисов и докладов к 1-му Всероссийск. с'езду по ликвид. неграмотности).
Устинов.—Орфографический словарь.
„ Развитие речи. (К вопросу о методах занятий в школах взрослых и на командных курсах).

Находятся в печати:

Адоратский.—Программа по основным вопросам марксизма. III. изд.
Историч. хрестоматия под редакц. А. Д. Удальцова.
Кантор.—Пособие по политграмоте для лекторов и учащихся в советских школах (на еврейском языке).

VIII. Литературно-художественная серия.

Вышли из печати:

Иванов Вс.—Бронепоезд № 14—69. Повесть.
» —Партизаны. Повесть.
Кряжин.—Красный петух. Драма.
Люксембург.—Короленко.
Неверов.—Смех и горе.—Комедия.
Новиков-Прибой.—Вековая тяжба и др. рассказы.
Орешин.—Микула. Поэма.
« —На голодной земле. Поэма.
Орешин.—Человек на льдине. Сборник рассказов.
Пшибышевский.—Чтец-декламатор (на польском языке).
Синклер.—Джимми-Хиггинс. (Иллюстр. издание).
Сосновский.—Рассея.

Находятся в печати:

Шенгели.—Броненосец Потемкин.

Готовятся к печати:

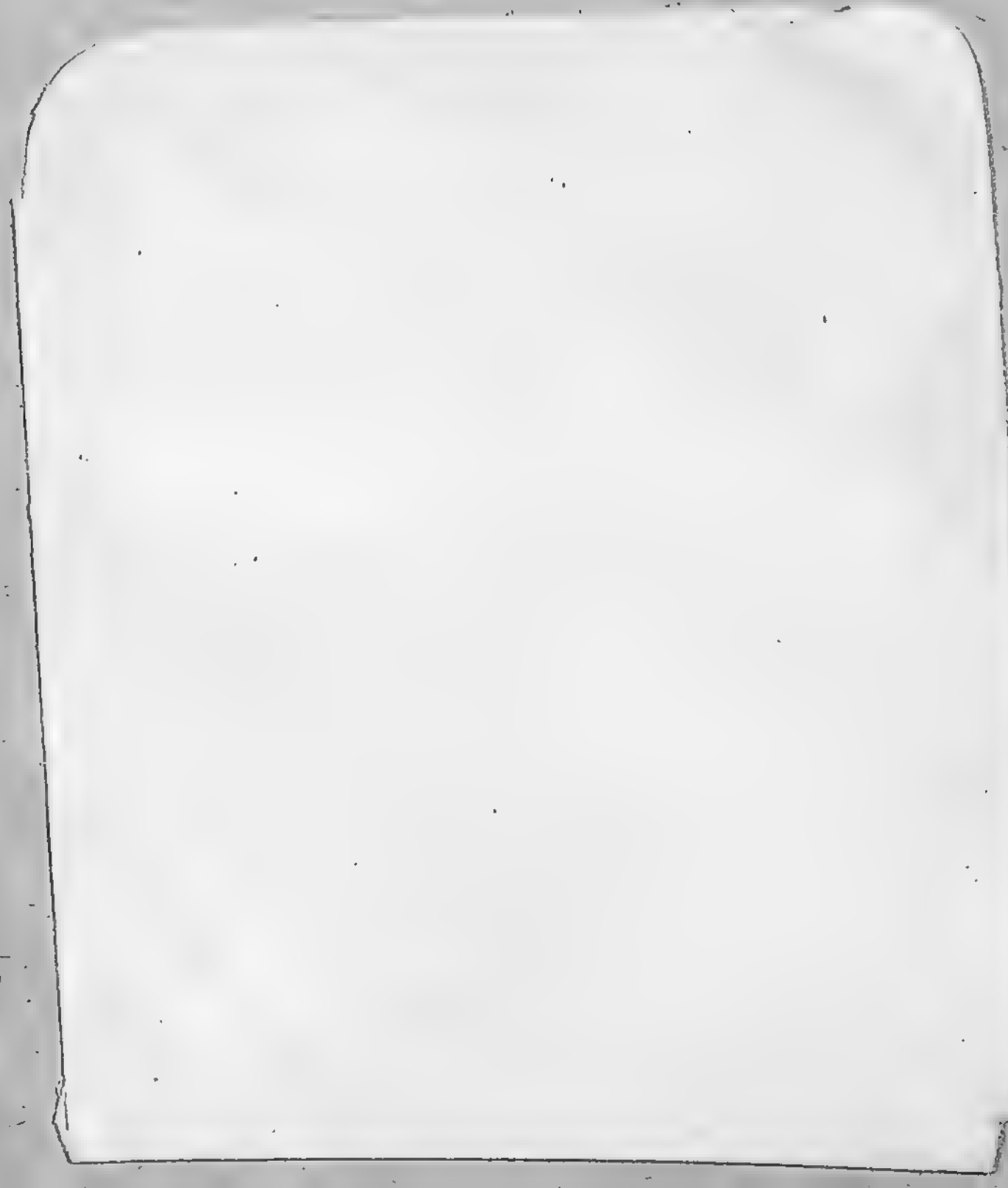
Синклер.—Бронзовый жетон.

Периодические издания.

Журналы: Красная Новь №№ 1—7.
Вестник Искусств №№ 1—5.
Коммун. Просвещ. №№ 1—3.
Долой неграмотность №№ 1—33.
Бюллетень книги №№ 1—2, 3—4.

К пятилетию Октябрьской революции.

Б. Волин.—Декреты октября.
Октябрьское торжество в клубе.—Сборник.
Сборник материалов.—Октябрь на Пресне.
Сборник ЦК РКП.—«К октябрю».
Тимирязев.—Наука в Р. С. Ф. С. Р. за 5 лет.
Сборник ЦК РКП.—Художественно-иллюстрированный сборник под редакцией Сосновского.
Майский.—Внешняя политика Р. С. Ф. С. Р.—1917—1922 г.
Флеровский.—Октябрьская революция и НЭП.
Сборник материалов.—Сокольники в октябре.



Mar. 38
1 p.

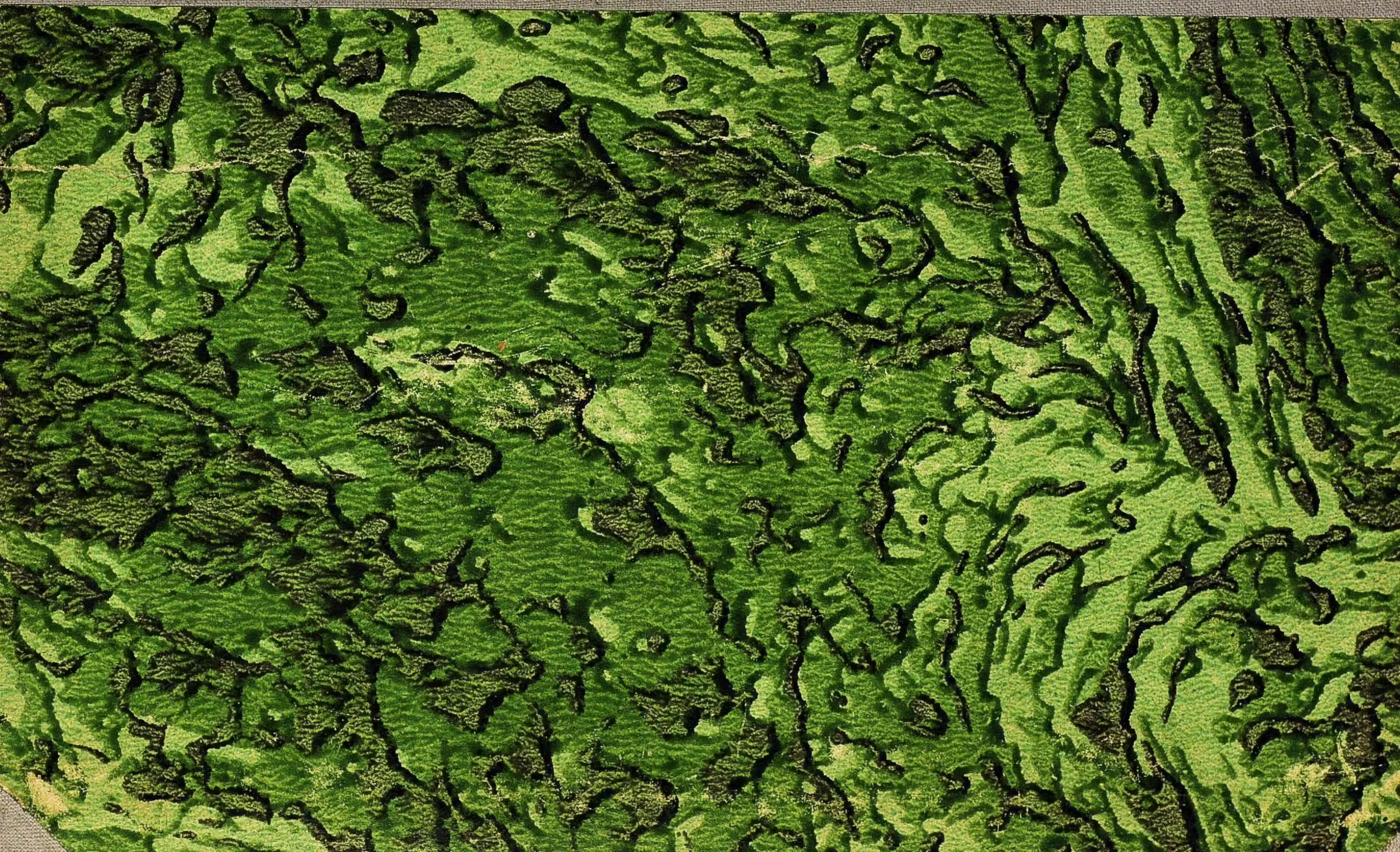
ИЗД—ВО
КРАСНАЯ
НОВЬ

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Москва, Изд. «Красная Новь» при Главполитпросвете.

Торговый Сектор Издательства:
Москва, Милютинский пер., д. № 22, кв. 43.

Экспедиция Издательства:
Сретенка, 8.

Все издания имеются в книжном магазине „СЕРП и МОЛОТ“, Театральная площ., 2-й дом Советов и во всех книжных магазинах г. Москвы.

СКАНИРОВАНИЕ
ЭДД

D2; М-2855; з.387; с.161-167
17.05.06